М. ГЕРШЕНЗОНЪ

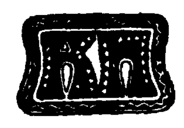
МУДРОСТЬ ПУШКИНА

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В МОСКВѢ"

М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МУДРОСТЬ ПУШКИНА

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В МОСКВЕ“

Типография Т-ва „Книгоиздательстао Писателей в Москве"
Москва у Троицких ворот. д, 1|16.
1919 г.

СКРИЖАЛЬ ПУШКИНА.

Самую поразительную изъ страницъ, написанныхъ Пушкинымъ, постигла и судьба поразительная. Ея никто не знаетъ; ея нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ собраніи его сочиненій; ее только разъ, въ дѣловомъ порядкѣ, неточно напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ составленномъ имъ описаніи рукописей Пушкина.—На отдѣльномъ листкѣ плотной шершавой бумаги, съ обѣихъ сторонъ, отъ верха лицевой до самаго конца оборотной страницы, написано его рукою слѣдующее.

Руссо сказалъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas. Это не значитъ: только то что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ единственно для того, чтобы изчезнуть, чтобы намъ сказаться, чтобы намъ оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты житія. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастье, нещастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго—и весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ ними грусть.... но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремленіе... Это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его непостижимости.... прекрасно только то чего нѣтъ. Въ эти минуты живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою,—но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души: иначе отъ чего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго.... оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, оно дѣй-

сіяетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ въ одно мгновеніе соединеннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.—

Важность этого признанія не умаляется тѣмъ, что сѣмя его запало въ душу Пушкина извнѣ. Знающіе конечно тотчасъ вспомнили стихотвореніе Жуковскаго „Лалла Рукъ". Дѣйствительно, Пушкинъ воспринялъ туманную мысль Жуковскаго, но углубилъ ее безмѣрно и выразилъ съ такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какія даетъ только глубокій личный опытъ.

Приведенная страница—ключъ къ пониманію Пушкина. Такъ вотъ какимъ свѣтомъ свѣтитъ его поэзія! Онъ въ опытѣ твердо узналъ небытіе воплощеннаго міра и открытымъ взоромъ созерцалъ проблески совершенной красоты сквозь земную явь; онъ не только видѣлъ иной міръ,—онъ и сознавалъ, что видитъ его. И не случайно эта страница открылась впервые мнѣ, отъ юныхъ лѣтъ познавшему на землѣ одну эту правду: правду о лучшемъ мірѣ.

МУДРОСТЬ ПУШКИНА.

I.

Русская критика всегда твердо знала, что поэты не только услаждаютъ, но и учатъ. И въ поэзіи Пушкина, помимо ея формальныхъ достоинствъ—необычайной художественности, правдивости, народности и пр.,—критика никогда не забывала отмѣчать еще иную цѣнность: ея философскій смыслъ. Было ясно, что въ поэзіи Пушкина выразилось его міровоззрѣніе, что оно съ помощью красоты глубоко внѣдряется въ читателя, и слѣдовательно представляетъ могучую воспитательную силу. Естественно, что этотъ предметъ занялъ видное мѣсто въ критической литературѣ. Какъ же изображали до сихъ поръ міровоззрѣніе Пушкина?

Бѣлинскій писалъ: „Натура Пушкина (и въ этомъ случаѣ самое вѣрное свидѣтельство есть его поэзія) была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно-дѣятельнаго (а не только созерцательнаго) увлеченія живою, могучею мыслію, въ жертву которой приносится жизнь и талантъ. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ какой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи, такъ же какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій... Лирическія произведенія Пушкина въ особенности подтверждаютъ нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, несмотря на его глубокость, и вмѣ-

стѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно!.. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовію и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умиряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность". Далѣе Бѣлинскій описываетъ чувство Пушкина, какъ неизмѣнно „благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное", и заключаетъ отсюда: „въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства".

Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи представилъ Пушкина отчасти безсознательнымъ выразителемъ русскаго народнаго генія, поскольку онъ въ своемъ творчествѣ проявилъ присущія русскому народу всемірную отзывчивость, способность къ всечеловѣческому единенію и братской любви. Сознательную же его заслугу Достоевскій видитъ въ двойственной проповѣди, обращенной къ русскому обществу; именно, онъ-де первый, отрицательными типами Алеко и Онѣгина, указалъ на болѣзнь русскаго интеллигентнаго общества, оторваннаго отъ народа, и первый, положительными типами Татьяны, Пимена и другихъ, взятыми изъ народнаго духа, указалъ обществу путь исцѣленія: обращеніе къ народной правдѣ. Правду эту, проповѣданную Пушкинымъ, Достоевскій выражаетъ такъ: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло", и т. д.

Пыпинъ изображалъ Пушкина „поэтомъ-гуманистомъ“ [1]). „Пушкинъ, какъ художникъ, былъ носителемъ идеи о достоинствѣ человѣческой личности, проникнутъ былъ стремленіемъ къ правдѣ, глубокимъ гуманнымъ чувствомъ, убѣжденіемъ въ необходимости просвѣщенія и въ свободномъ дѣйствіи человѣческой мысли; наконецъ, онъ проникнутъ былъ горячей любовью къ своему народу, къ его славѣ и величію“. Словомъ, „онъ стремился служить просвѣщенію, добру и правдѣ“. И общественное значеніе его поэзіи весьма велико: „какъ прелесть стиховъ, то-есть художественная сторона его произведеній,. впервые пріобщала массу общества къ наслажденію чистой поэзіей и уже тѣмъ оказывала великую услугу внутреннему развитію общества, такъ и его высокія нравственныя идеи, идеи чистой человѣчности, благотворно вліяли на воспитаніе общества“.

Вл. Соловьевъ [2]) утверждаетъ, что Пушкинъ, болѣе всего дорожа въ своемъ творчествѣ чистой поэзіей, тѣмъ не менѣе признавалъ за собою и нравственное воздѣйствіе на общество, ибо „и чистая поэзія приноситъ истинную пользу, хотя не преднамѣренно“. Вл. Соловьевъ вкладываетъ въ уста Пушкина такія слова, обращенныя къ толпѣ: „То добро, которое вы цѣните,—оно есть и въ моемъ поэтическомъ запасѣ“, и подъ добромъ Соловьевъ разумѣетъ здѣсь: пробужденіе добрыхъ чувствъ и проповѣдь милосердія къ падшимъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій [3]) признаетъ Пушкина чистымъ художникомъ („геній по преимуществу объективный“) и не приписываетъ ему никакой активной проповѣди, о міровоззрѣніи же его говоритъ слѣдующее: „Что касается *общаго характера и настроенія* лирики Пушкина, то въ этомъ отношеніи нужно

---

[1]) А. Н. Пыпинъ, „Характеристики литературныхъ мнѣній“ (1872—73 г.) изд. 3-ье, стр. 55, 70 и 88.

[2]) Вл. Соловьевъ, „Значеніе поэзіи Пушкина“, В. Евр. 1899 г. декабрь, стр. 709—711.

[3]) Д. Н. Овсянико-Куликовскій, „А. С. Пушкинъ: Произведенія въ стихотворной формѣ“—въ «Исторіи рус. литер.. XIX в.», изд. Т-ва Міръ, вып. 5, 1908 г., стр. 373—376.

различать два періода: въ первомъ, закончившемся во второй половинѣ 20-хъ годовъ, лирика Пушкина характеризуется радостною отзывчивостью на всѣ „впечатлѣнія бытія“, свѣтлымъ, оптимистическимъ воззрѣніемъ на міръ и человѣчество, гармоническою уравновѣшенностью поэтическихъ думъ и чувствъ. Лишь изрѣдка проскальзывали у него скорбныя ноты грусти, унынія, разочарованія, чтобы сейчасъ же умолкнуть и утонуть въ яркой жизнерадостности его поэтическаго міросозерцанія. Во второмъ періодѣ, начинающемся въ половинѣ 20-хъ годовъ, эти ноты появляются чаще и звучатъ громче... Великій поэтъ былъ утомленъ жизнью, нашей русской дореформенною жизнью, и рвался „на волю“, понимая подъ „волею“ личную независимость, свободу отъ свѣтскихъ обязательствъ, отъ дрязгъ жизни, отъ всѣхъ удручающихъ впечатлѣній дѣйствительности. Онъ жаждалъ „покоя“, внутренняго мира,—и въ этомъ стремленіи онъ доходилъ до рѣзкаго протеста противъ обязательствъ, какія предъявляютъ человѣку общество, среда, „свѣтъ“, публика, государство. Онъ переживалъ полосу рѣзкаго, раздражительнаго, капризно-обидчиваго индивидуализма. Но несомнѣнно, что это не было у него *принципомъ*, не входило въ систему его убѣжденій, это было только *настроеніемъ*... Ссора поэта съ толпою была лишь эпизодомъ въ исторіи его разлада съ дѣйствительностью, однимъ изъ выраженій—и притомъ наименѣе удачныхъ—той душевной отчужденности отъ всего окружающаго, которая овладѣвала геніемъ Пушкина“...

Таковы наиболѣе авторитетныя и вліятельныя сужденія о поэзіи Пушкина за 70 лѣтъ. Какъ ни велики разногласія между ними, въ одномъ они сходятся (и этотъ приговоръ есть общій приговоръ минувшихъ поколѣній, онъ тысячеголосымъ эхомъ перекликается во всей литературѣ о Пушкинѣ): вольно или невольно, Пушкинъ дѣятельно служилъ такъ называемому общественному прогрессу; несмотря на всѣ уклоненія, общій итогъ его творчества долженъ быть признанъ безусловно положительнымъ въ смыслѣ соотвѣтствія основнымъ задачамъ культуры, такъ какъ его поэзія своей формою и содержаніемъ сѣетъ въ душахъ сѣмена правды, любви, милосердія, чуткости къ кра-

сотѣ и добру. Однимъ словомъ, *человѣчество строитъ на землѣ величественный храмъ разумнаго и любовнаго общежитія, и Пушкинъ былъ и остается однимъ изъ полезнѣйшихъ участниковъ этой зиждительной работы.*

Было бы празднымъ дѣломъ разбирать и оспаривать доводы, на которые опирается эта оцѣнка. Ежели мы, нынѣшнее поколѣніе, видимъ другое въ поэзіи Пушкина, не лучше ли прямо высказать наше новое пониманіе? Та оцѣнка была, безъ сомнѣнія, вполнѣ добросовѣстна; но наше право и наша обязанность— прочитать Пушкина собственными глазами и въ свѣтѣ *нашего* опыта опредѣлить смыслъ и цѣнность его поэзіи.

2.

Наши символисты не правы, когда утверждаютъ, что искусство бываетъ двухъ родовъ: символическое, т. е. открывающее тайны,—и только плѣнительное. Нѣтъ: всякое искусство открываетъ тайны, и всякое въ своемъ совершенствѣ непремѣнно плѣнительно.

Дѣло художника—выразить свое видѣніе міра, и другой цѣли искусство не имѣетъ; но таковъ таинственный законъ искусства, что видѣніе во-внѣ выражается тѣмъ гармоничнѣе, чѣмъ оно само въ себѣ своеобразнѣе и глубже. Здѣсь, въ отличіе отъ міра вещественнаго, внѣшняя прелесть есть безошибочный признакъ внутренней правды и силы. Плѣнительность искусства—та гладкая, блестящая, переливающая радугой ледяная кора, которою какъ бы остываетъ огненная лава художнической души, соприкасаясь съ наружнымъ воздухомъ, съ явью. Или иначе: пѣвучесть формы есть плотское проявленіе того самаго гармоническаго ритма, который въ духѣ образуетъ видѣніе. Но какъ бы ни описывать это явленіе, оно навсегда останется непостижимымъ. Ясно только одно: чѣмъ сильнѣе кипѣніе, тѣмъ блестящѣе и радужнѣе форма.

Эта внѣшняя плѣнительность искусства необыкновенно важна: она играетъ въ духовномъ мірѣ ту же роль, какую въ расти-

тельномъ царствѣ играетъ яркая окраска цвѣтка, манящая насѣкомыхъ, которымъ предназначено разносить цвѣточную пыль. Пѣвучесть формы привлекаетъ инстинктивное вниманіе людей; еще не зная, какая цѣнность скрыта въ художественномъ созданіи, люди безотчетно влекутся къ нему и воспринимаютъ его ради его внѣшнихъ чаръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ блестящая ледяная кора скрываетъ отъ нихъ глубину, дѣлаетъ ее недоступной; въ этомъ—мудрая хитрость природы. Красота — приманка, но красота —и преграда. Прекрасная форма искусства всѣхъ манитъ явнымъ соблазномъ, чтобы весь народъ сбѣгался глядѣть; и поистинѣ красота никого не обманетъ; но слабое вниманіе она поглощаетъ цѣликомъ, для слабаго взора она непрозрачна: онъ осужденъ тѣшиться ею одной, — и развѣ это малая награда? Лишь взоръ напряженный и острый проникаетъ въ нее и видитъ глубины, тѣмъ глубже, чѣмъ самъ онъ острѣй. Природа оберегаетъ малыхъ дѣтей своихъ, какъ щенятъ, благодѣтельной слѣпотою. Искусство даетъ каждому вкушать по силамъ его,— одному всю свою истину, потому что онъ созрѣлъ, другому часть, а третьему показываетъ лишь блескъ ея, прелесть формы, для того, чтобы огнепалящая истина, войдя въ неокрѣпшую душу, не обожгла ее смертельно и не разрушила ея молодыхъ тканей.

Такъ и поэзія Пушкина таитъ въ себѣ глубокія откровенія, но толпа легко скользитъ по ней, радуясь ея гладкости и блеску, упиваясь безъ мысли музыкой стиховъ, четкостью и красочностью образовъ. Только теперь, чрезъ столько лѣтъ, мы начинаемъ видѣть эти глубины подо льдомъ и учимся познавать мудрость Пушкина сквозь ослѣпительное сверканіе его красоты.

Въ наукѣ разумъ познаетъ лишь отдѣльные ряды явленій, какъ раздѣльны наши внѣшніе органы чувствъ; но есть у человѣка и другое знаніе, цѣлостное, потому что цѣлостна самая личность его. И это высшее знаніе присуще всѣмъ безъ изъятія, во всѣхъ полное и въ каждомъ иное; это цѣлостное видѣніе міра несознаваемо-реально въ каждой душѣ и властно опредѣляетъ ея бытіе въ желаніяхъ и оцѣнкахъ. Оно также—плодъ опыта, и обладаетъ всей увѣренностью опытнаго знанія. Между

людьми нѣтъ ни одного, кто не носилъ бы въ себѣ своего, безпримѣрнаго, неповторимаго видѣнія вселенной, какъ бы тайнописи вещей, которая, констатируя сущее, изъ него же узаконяетъ долженствованіе. И не знаемъ, что оно есть въ насъ, не умѣемъ видѣть, какъ оно чуднымъ узоромъ выступаетъ въ нашихъ разрозненныхъ сужденіяхъ и поступкахъ; лишь изрѣдка и на мгновеніе озаритъ человѣка его личная истина, горящая въ немъ потаенно, и снова пропадетъ въ глубинѣ. Только избранникамъ дано длительно созерцать свое видѣніе, хотя бы не полностью, въ обрывкахъ цѣлаго; и это зрѣлище опьяняетъ ихъ такой радостью, что они какъ бы въ бреду спѣшатъ повѣдать о немъ всему свѣту. Оно неизобразимо въ понятіяхъ; о немъ можно разсказать только безсвязно, уподобленіями, образами. И Пушкинъ въ образахъ передалъ намъ свое знаніе; въ образахъ оно тепло укрыто и пріятно на видъ; я же вынимаю его изъ образовъ, и знаю, что, вынесенное на дневной свѣтъ, оно покажется страннымъ, а можетъ быть и невѣроятнымъ.

3.

Пушкинъ былъ европеецъ по воспитанію и привычкамъ, образованный и свѣтскій человѣкъ 19-го вѣка. И всюду, гдѣ онъ высказывалъ свои сознательныя мнѣнія, мы узнаемъ въ нихъ просвѣщенный, раціонально-мыслящій умъ. Въ идеяхъ Пушкинъ— нашъ ровесникъ, плоть отъ плоти современной культуры. Но странно: творя, онъ точно преображается; въ его знакомомъ, европейскомъ лицѣ проступаютъ пыльныя морщины Агасѳера, изъ глазъ смотритъ тяжелая мудрость тысячелѣтій, словно онъ пережилъ всѣ вѣка и вынесъ изъ нихъ увѣренное знаніе о тайнахъ. Въ своей поэзіи онъ мертвъ для современности. Что ему дневныя страсти и страданія людей, волненія народовъ? Все, что случается, случалось всегда и будетъ повторяться вѣчно; мѣняются радужныя формы, но сущность остается та же; отъ вѣка неизмѣнны міръ и человѣкъ. Въ несмѣтно-разнообразныхъ явленіяхъ жизни все вновь и вновь осуществляются немногія

закономѣрности, съ виду такія простыя,—повторяются извѣчныя были; и человѣкъ знаетъ это, давно разгадалъ однообразіе и безъисходность своихъ судебъ, и съ незапамятныхъ временъ какъ бы самъ себѣ неустанно твердитъ правду роковыхъ опредѣленій. Эту древнюю правду носитъ въ себѣ Пушкинъ; эти немногія повторныя были онъ видитъ въ событіяхъ дня. Онъ безпримѣрно-индивидуаленъ въ своемъ созерцаніи, и однако чрезъ его мышленіе течетъ потокъ ветхозавѣтнаго опыта.

Пушкинъ—язычникъ и фаталистъ. Его извѣстное признаніе‘ что онъ склоняется къ атеизму, надо понимать не въ томъ смыслѣ, будто въ такой-то моментъ своей жизни онъ сознательно отрекся отъ вѣры въ Бога. Нѣтъ, онъ такимъ родился; онъ просто древнѣе единобожія и всякой положительной религіи, онъ какъ бы сверстникъ охотникамъ Месопотаміи или пастухамъ Ирана. Въ его духѣ еще только накопленъ матеріалъ, изъ котораго народы позднѣе, въ долгомъ развитіи, выкуютъ свои вѣроученія и культы. Этотъ матеріалъ, накопленный въ немъ, представляетъ собою нѣсколько безотчетныхъ и неоспоримыхъ увѣренностей, которыя логически связаны между собою словно паутинными нитями и образуютъ своего рода систему.

Самый общій и основной догматъ Пушкина, опредѣляющій все его разумѣніе, есть увѣренность, что бытіе является въ двухъ видахъ: какъ полнота, и какъ неполнота, ущербность. И онъ думалъ, вполнѣ послѣдовательно, что полнота, какъ внутренно-насыщенная, пребываетъ въ невозмутимомъ покоѣ, тогда какъ ущербное непрестанно ищетъ, рыщетъ. Ущербное вѣчно терзаемо голодомъ, и оттого всегда стремится и движется; оно одно въ мірѣ дѣйствуетъ.

Эта основная мысль Пушкина представляла какъ бы канонъ, которому неизмѣнно, помимо его воли, подчинялось его художественное созерцаніе. Всюду, гдѣ онъ изображалъ совершенство, онъ показывалъ его безстрастнымъ, пассивнымъ, неподвижнымъ. Такимъ изображенъ райскій духъ въ стихотвореніи „Ангелъ“: онъ только есть, но абсолютно недвижимъ, даже не смотритъ,

потому что и взглядъ—уже дѣйствіе: онъ въ дверяхъ Эдема сіяетъ поникшею главой [1]). Летаетъ, смотритъ и говоритъ, движимый внутренней тревогой, демонъ, олицетвореніе неполноты. Если бы спросить Пушкина, что же такое Богъ?—онъ долженъ былъ бы отвѣтить: Богъ—на послѣдней ступени, выше ангеловъ, потому что ангеламъ еще присуще бытіе, которое есть все же наименьшая дѣйственность; Богъ—абсолютное небытіе. Рисуя совершенную красоту, Пушкинъ неизмѣнно скажетъ: „все въ ней гармонія", и представитъ ее въ состояніи полнаго покоя: „Она покоится стыдливо въ красѣ торжественной своей". Такъ же изобразитъ онъ и Марію въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ"; онъ показываетъ ее и намъ, и Заремѣ спящею: она „покоилась", „казалось, ангелъ почивалъ", и пробужденная Заремой, она почти не смотритъ, не слышитъ, не говоритъ; она—ангельской природы. Но дѣйствуетъ пылко, крадется въ ночи, и смотритъ, и грозитъ—волнуемая страстью Зарема. Въ ней нѣтъ самобытной полноты, ей нужна для завершенности любовь Гирея. Бездѣйственъ Моцартъ, исполненный небесныхъ силъ, и ничего не жаждетъ на землѣ, но дѣйствовалъ всю жизнь и предъ нами дѣйствуетъ, убиваетъ Моцарта, Сальери, которому данъ неполный даръ, болѣе гнетущій, чѣмъ ничего. Поэтому и Татьяна на высотѣ своей представлена въ состояніи покоя. Каковы бы ни были мотивы, побудившіе Пушкина выдать ее замужъ помимо ея воли и вложить въ ея уста слова отреченія,—несомнѣнно, тайнымъ фокусомъ всѣхъ его соображеній былъ предносившійся ему зрительный образъ Татьяны. Весь романъ есть собственно исторія двухъ встрѣчъ Татьяны и Онѣгина—въ саду и въ гостиной. Въ молодости ущербная Татьяна вспыхнула страстью, и въ страсти дѣйствовала; теперь она созрѣла до полноты и бездѣйствія. Въ представленіи Пушкина активность помрачила бы ея идеальный обликъ; рѣшись она дѣйствовать,—оставить мужа, и пр.—она измѣнила бы своей природѣ. Въ полномъ расцвѣтѣ своемъ Татьяна должна была явиться бездѣйственной (—и Пуш-

[1]) Въ Дивѣевскомъ житіи Серафима Саровскаго есть разсказъ о дѣвушкѣ, святой, которая ходила, опустивъ глаза въ землю,—не глядѣла

кинъ въ концѣ поэмы интуитивно все вновь и вновь подчеркиваетъ ея безмятежность, „покой“)—какъ Онѣгинъ, напротивъ, долженъ былъ явиться алчущимъ и страстнымъ, ибо только такъ вполнѣ проявлена ихъ противоположная сущность. И оттого же, наконецъ, по мысли Пушкина, „генiй и злодѣйство—двѣ вещи несовмѣстныя“, потому что генiй—полнота, т.-е. бездѣйственность, а злодѣйство какъ разъ — бѣшенство дѣйствованiя, не знающее никакихъ границъ, рожденное послѣднимъ голодомъ.

Что же это? Значитъ въ Пушкинѣ ожилъ древнiй дуализмъ Востока, и опять онъ дѣлитъ людей на дѣтей Ормузда и дѣтей Аримана? Но вѣдь съ тѣхъ поръ человѣкъ увидалъ надъ двойственностью первоначальнаго опыта небесный куполъ и постигъ все сущее какъ единство въ Богѣ; и вѣдь прозвучала же въ мiрѣ вѣсть о спасенiи, указавщая грѣшной душѣ въ ней самой открытую дверь и лѣстницу для восхожденiя въ совершенство.— Но Пушкинъ ничего этого не знаетъ. Для него полнота и ущербъ—два вѣчныхъ начала, двѣ необратимыя категорiи. Онъ вѣритъ, что полнота—даръ неба и не стяжается усилiями; ущербное бытiе обречено неустанно алкать и дѣйствовать, но оно никогда не наполнится по волѣ своей.

4.

Пушкинъ многократно, въ разныхъ видахъ, изображалъ встрѣчу неполноты съ совершенствомъ. Самая мысль сводить ихъ лицомъ къ лицу показываетъ, что онъ зналъ между ними какiя-то отношенiя. Я остановлюсь на трехъ такихъ встрѣчахъ. Эти три разсказа помогутъ намъ яснѣе уразумѣть его свидѣтельство. Именно, онъ утверждаетъ, что полнота излучаетъ нѣкiй свѣтъ, и что ущербное воспрiимчиво къ этимъ лучамъ. Отсюда ясно, во-первыхъ, что полнота, по мысли Пушкина, не совершенно пассивна; она не дѣйствуетъ только изъ своей индивидуальной воли, у нея такой воли вовсе нѣтъ, но самое ея бытiе есть проявленiе и дѣйствiе высшей силы. Во-вторыхъ, и неполное не

ется во всѣ вѣка, которое, напримѣръ, въ концѣ 1870-хъ годовъ превратило Льва Толстого изъ романиста въ пророка.

Уже первое четверостишіе ставитъ меня въ тупикъ: нужно слишкомъ много словъ, чтобы раскрыть содержаніе, заключенное въ 15 словахъ этой строфы. Пушкинъ свидѣтельствуетъ, что моменту преображенія предшествуетъ нѣкое тайное томленіе, тоска, безпричинная тревога. Духъ жаждетъ полноты, самъ не зная какой, привычный бытъ утратилъ очарованіе, и жизнь кажется пустыней. И вдругъ, — помимо личной воли, помимо сознанія, непремѣнно вслѣдъ за какимъ-нибудь житейскимъ событіемъ, можетъ быть малымъ, но глубоко потрясающимъ напряженные нервы („на перепутьи"), — наступаетъ чудо.

И вотъ, начинается преображеніе: ущербное существо постепенно наполняется силою. Кто могъ бы подумать, что ранѣе всего преображаются органы чувствъ? Но Пушкинъ опредѣленно свидѣтельствуетъ: чудо началось съ того, что я сталъ по иному видѣть, сталъ замѣчать то, что раньше было скрыто отъ моихъ взоровъ, хотя и всечасно предъ ними. Затѣмъ безмѣрно сталъ чутокъ мой слухъ; я услыхалъ невнятные мнѣ дотолѣ вѣчно звучащіе голоса вещей. Еще прошелъ срокъ, и я не узналъ своей рѣчи; точно противъ воли, я сталъ скрытенъ въ словѣ, заговорилъ мудро и осторожно. Только теперь, когда непонятнымъ образомъ обновлены уже и зрѣніе, и слухъ, и слово, — только теперь человѣкъ ощущаетъ въ себѣ рѣшимость признаться себѣ самому и исповѣдовать предъ людьми, что онъ преображенъ (пылающій уголь вмѣсто сердца). Но и сознавъ себя, онъ одну минуту испытываетъ смертельный ужасъ, ибо преображеніемъ онъ исторгнутъ изъ общежитія и противопоставленъ ему, какъ безумный: „Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ". Но вотъ, нахлынулъ послѣдній валъ, — душа исполнилась до края; теперь онъ знаетъ: это не личная воля его, это Высшая воля стремится широкимъ потокомъ чрезъ его духъ. Отнынѣ онъ не будетъ дѣйствовать, ибо духъ его полонъ; его единственнымъ дѣйствіемъ станетъ слово: „Глаголомъ жги сердца людей". Въ то время какъ дѣятели будутъ бороться со зломъ и проводитъ

реформы, онъ будетъ, можетъ быть, выкликать: „Lumen coeli, sancta Rosa!" и кличъ его будетъ устрашать ущербныхъ, грозя имъ Страшнымъ судомъ.

Наконецъ, послѣдняя форма экстатической полноты—вдохновенiе поэта. Это полнота перемежающаяся, наступающая внезапно и такъ же внезапно исчезающая. Человѣкъ, всецѣло погруженный въ ущербное бытiе, вдругъ исполняется силой; жалкiй грѣшникъ на краткое время становится пророкомъ, и глаголомъ жжетъ сердца людей. Эту двойственность Пушкинъ изобразилъ въ стихотворенiи „Поэтъ". Чѣмъ вызывается преображенiе? чей непостижимый призывъ вдругъ пробуждаетъ спящую душу?—здѣсь все тайна; Пушкинъ говоритъ метафорами: „Аполлонъ требуетъ поэта", „до слуха коснулся божественный глаголъ". Но самую полноту онъ изображаетъ отчетливо, и если собрать воедино черты, которыми Пушкинъ обрисовалъ вдохновенiе, то оно можетъ быть опредѣлено, какъ гармоническiй бредъ.

8.

Итакъ, до сихъ поръ мы нашли у Пушкина два вида полноты: во-первыхъ, полноту врожденную,—совершенство, во-вторыхъ болѣе или менѣе полное, болѣе или менѣе устойчивое наитiе. Но дальше открывается, что кромѣ полноты гармонической, представленной этими двумя формами, Пушкину была вѣдома еще другая полнота—хаотическая, когда сила тоже всецѣло наполняетъ душу, но наполняетъ не стройно, а какъ бы бурными волнами или водоворотомъ, чтó во-внѣ означаетъ изступленную дѣйственность. Слѣдовательно, въ представленiи Пушкина верхней безднѣ, небесной, соотвѣтствуетъ нижняя бездна; ущербность въ своей послѣдней глубинѣ полярно-противоположна совершенству. И вотъ что поразительно: Пушкинъ почти говоритъ:—„и равноцѣнна ему по мощи и субъективной сладости". Онъ считаетъ совершенство наивысшей формой бытiя, какая вообще возможна, и умиленно благоговѣетъ предъ нимъ, но и

о полнотѣ хаотической онъ говоритъ восторженно, какъ о блаженнѣйшемъ состояніи твари. Онъ имѣетъ смѣлость въ 19-мъ вѣкѣ, въ разгаръ гуманитарной цивилизаціи, почти приравнивать изступленіе и совершенство, до такой степени ихъ общій признакъ—душевная полнота, угашеніе разума,—перевѣшиваетъ для него различіе ихъ частныхъ опредѣленій. Счастье на мигъ, приблизиться къ ангельскому состоянію, но блаженство также, хотя и мучительное, стать на мгновеніе Люциферомъ. Такова подлинная мысль Пушкина: только бы не быть „чадомъ праха".

По истинѣ, къ большой выгодѣ дано человѣку искусство. Пушкинъ въ стихахъ исповѣдуетъ крайне опасныя убѣжденія, которыхъ никогда не дерзнулъ бы высказать въ прозѣ; кому же охота прослыть сумасшедшимъ или дикаремъ! Темно и страшно въ глубинахъ духа; но поэзія хитра: она прикрываетъ сверху пучину радужной ледяной корой, которая радуетъ—и поглощаетъ взоры; а подъ корой уже свободно и всенародно плаваютъ глубоководныя чудовища. Если бы робкіе и незрѣлые увидали, какой вопль негодованія поднялся бы! Но они не догадаются; и поэтъ хранитъ невинный видъ, между тѣмъ какъ педагоги усердно тискаютъ его стихи въ хрестоматіяхъ.

Простѣйшая и самая общая форма хаотической полноты—сумасшествіе. Пушкинъ безъ обиняковъ заявляетъ: я былъ бы радъ разстаться разумомъ.

Какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ чудныхъ грезъ.
И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса,
И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

Вотъ въ чистомъ видѣ своемъ хаотическая полнота, еще совсѣмъ не опредѣлившаяся, подобная неистовству элементарныхъ силъ. Даже и это состояніе Пушкинъ рисуетъ себѣ съ завистью. Еще

выше стоитъ, по его мысли, тотъ экстазъ, тоже бурный, который рождается въ отпоръ внѣшней преградѣ,—экстазъ бунта, также еще общій человѣку и низшей природѣ. Экстазъ сумасшествія беззлобенъ, экстазъ бунта свирѣпъ; первый разрѣшается безцѣльнымъ движеніемъ, второй—устремленнымъ на преграду; но оба безудержно-дѣйственны. Такой бунтъ изображенъ въ стихотвореніи „Обрывъ". Въ этомъ элементарномъ явленіи Пушкинъ узналъ нѣчто родное и обаятельное для него—дикую красоту мятежа; вотъ почему его разсказъ, съ виду такой сухой, трепещетъ страстью, вотъ откуда это благоговѣйное личное обращеніе: „О Терекъ!"

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга.
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

Такъ чума запрудила людямъ теченіе ихъ привычныхъ дѣлъ, и духъ, освирѣпѣвъ, прошибъ страхъ смерти, взыгралъ восторгомъ: духъ затопилъ свои брега. Оттого-то

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!

Пушкинъ прибавляетъ:

И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

безусловно замкнуто: оно не можетъ не раскрываться, когда его касается сіяніе полноты, не можетъ не принимать въ себя ея лучей. И вотъ Пушкинъ рисуетъ три такихъ встрѣчи. Первая—въ стихотвореніи „Ангелъ": демонъ, глядя на ангела, впервые познаетъ жаръ умиленія. Это—наилучшая встрѣча; обаяніе совершенства взволновало демона, но его волненіе разрѣшается само въ себѣ, не переходитъ въ дѣйствіе, и бездѣйствіемъ демонъ на мгновеніе пріобщенъ къ ангельскому бытію. Умиленіе благочестиво и мудро, ибо оно утверждаетъ полноту, какъ высшую себя, и не притязаетъ смѣшаться съ нею, что и невозможно. Вторая встрѣча—въ послѣдней пѣснѣ „Онѣгина". Въ окончательной зрѣлости своей Татьяна и Онѣгинъ противостоятъ другъ другу, какъ ангелъ и демонъ на землѣ, и Онѣгинъ, терзаемый своей неполнотой, гонимый ею по свѣту,—какъ демонъ, летающій надъ адской бездной,—Онѣгинъ въ созерцаніи Пушкина неизбѣжно уязвленъ обаяніемъ Татьяны. Въ немъ загорается чувство, какъ въ демонѣ, но иное; онъ дѣйствуетъ,—всюду ищетъ Татьяну, пишетъ ей, молитъ о любви; его чувство—не безгрѣшное умиленіе демона: его чувство активно, т.-е причастно несовершенству. Это худшая встрѣча. Любовь кощунственна и близорука: она мнитъ свое несовершенное бытіе вполнѣ однороднымъ съ полнотою и оттого посягаетъ на сліяніе съ нею, что невозможно; и дѣйствуя съ цѣлью осуществить свой кощунственный и безнадежный замыселъ, она тѣмъ самымъ и себя еще болѣе закрѣпощаетъ неполнотѣ, и вовлекаетъ въ движеніе, въ дѣйствіе, т.-е. въ ущербность, предстоящее ему совершенство. Наконецъ, третья встрѣча, худшая изъ всѣхъ,—когда явленіе Моцарта возбуждаетъ Сальери къ максимальной активности, къ злодѣйству. Зависть нечестива и уже совсѣмъ слѣпа; она полагаетъ свою ущербность единственно-законной формой бытія, а полноту считаетъ неправой случайностью, и оттого силится разсѣять явленіе полноты. Но это—безуміе: явленіе полноты—только проявленіе нѣкоего Цѣлаго, Большаго; можно устранить конкретное явленіе полноты, но не силу, родившую его и рождающую вѣчно. А своимъ безумнымъ

дѣйствіемъ ущербное уже окончательно ввергаетъ себя въ неутолимую тревогу, въ неисходную дѣятельность.

5.

Итакъ, по мысли Пушкина, ущербный безсиленъ исцѣлиться произвольно. Всякое желаніе и дѣйствіе проистекаетъ изъ ущербной природы; поэтому взалкавъ совершенства и домогаясь его, ты этимъ новымъ желаніемъ и дѣйствіемъ только глубже погружаешь себя въ ущербность. Знай же, что ты заключенъ въ порочный кругъ, и не суживай его усиліями выступить за окружность. Напротивъ, смиряйся предъ совершенствомъ, созерцай его безкорыстно; тогда, бездѣйствіемъ умиленія, ты хоть мимолетно вступаешь въ покой совершенства. Пушкинъ трогательно любилъ это чувство, лелѣялъ его въ себѣ и съ любовью изображалъ въ другихъ. Самое слово „умиленіе“ онъ повторялъ многократно. Онъ зналъ терзанія совѣсти, „змѣи сердечной угрызенья“, но его раскаянье всегда молитвенно и смиренно. Таковы строфы „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“; таковъ его отвѣтъ Филарету, чистая пѣснь сокрушенія и благоговѣнья предъ святостью:

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И язвамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей...
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Этотъ священный ужасъ—то самое чувство, которое испыталъ демонъ, созерцая ангела. Умиленіе внушаетъ Пушкину его Мадонна, „чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“; и всюду, гдѣ ему являлось, хотя бы въ тѣлесномъ образѣ, совершенство,— оно исторгало у него такое признаніе; онъ „благоговѣетъ богомольно передъ святыней красоты“, его душа трепещетъ „предъ мощной властью красоты“. Даже его свирѣпый Гирей обезо-

руженъ святой невинностью Маріи. Поэзія Пушкина исполнена умиленіемъ, каждый его взглядъ на прекрасное и каждое слово о немъ суть умиленіе. Какъ Пушкинъ мыслилъ совершенство и созерцалъ красоту—по истинѣ, „ангелъ Рафаэля такъ созерцаетъ божество“ [1]).

А въ основаніи этого свѣтлаго чувства лежала у него страшная увѣренность, что ущербное бытіе неисцѣлимо. Какая убійственная и какая опасная мысль! Она повергаетъ грѣшнаго въ отчаяніе и парализуетъ его волю. Зачѣмъ стремиться къ святости, когда это стремленіе и тщетно, и грѣховно? Пушкинъ не только не вѣритъ въ возможность нравственнаго совершенствованія: онъ еще осуждаетъ и запрещаетъ его. Двадцать столѣтій люди исповѣдуютъ противоположный догматъ: грѣхъ исцѣлимъ; захоти, и исцѣлишься. Споръ идетъ на протяженіи вѣковъ лишь о способахъ исцѣленія: дѣлами ли спасается грѣшный, или вѣрою. Но и подъ вѣрою обычно понимали нѣкое дѣйственное состояніе, пусть только духовное, именно стремленіе къ совершенству, упорное алканіе его. Пушкинъ всѣмъ своимъ умозрѣніемъ проповѣдуетъ обратное, квіетизмъ: оставайся въ грѣхѣ, не прибавляй къ своимъ желаніямъ новаго и страстнѣйшаго изъ желаній—желанія избавиться отъ желаній, что и есть святость. Какое поразительное открытіе! Не арабская ли кровь влила въ артеріи Пушкина это знаніе первобытныхъ душъ, живучее темное знаніе, которое, какъ безсмертный змѣй, влачится до насъ чрезъ тысячи и тысячи поколѣній, то зарываясь въ илъ невидимо, то всплывая на поверхность сознанія? Дикарь, Кальвинъ и Пушкинъ—что соединило ихъ въ тожественномъ пониманіи міра?

6.

Но Пушкинъ еще не досказалъ своихъ откровеній. Словно отвѣчая на естественный вопросъ: какъ возможны въ несовер-

---

[1]) Въ послѣдней книжкѣ А. С. Волжскаго (изд. „Путь“) хорошо сказано о такомъ же, какъ у Пушкина, отношеніи русскаго простонародья къ святымъ: умиляется на святость, но не вожделѣетъ ея.—И нѣмецкій поэтъ сказалъ: Die Sterne, die begehrt man nicht.

шенномъ умиленіе, любовь и зависть, т. е. какъ возможно вообще, что совершенство воздѣйствуетъ на ущербное, вызываетъ въ немъ движеніе,—Пушкинъ отвѣчаетъ: иначе не можетъ быть, ибо ущербное въ самомъ себѣ имѣетъ потенціальную полноту,—оно одноприродно съ совершенствомъ (и въ этомъ смыслѣ любовь отчасти права). Одна и та же сущность, тамъ воплощенная, здѣсь замкнута какъ бы проклятіемъ. Есть святыня, есть сила на днѣ мятущейся души. Такъ, въ уединеніи ты познаешь „часы неизъяснимыхъ наслажденій".

Они даютъ намъ знать сердечну глубь;
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не-смертныя, таинственныя чувства.

Какъ кладъ, лежатъ онѣ въ душѣ, „не-смертныя, таинственныя чувства", и въ лучшія твои минуты ты можешь созерцать его. Это не полнота, а только предощущеніе ея. Человѣку не дано усиліемъ воли оживлять въ себѣ дремлющую силу, такъ, чтобы она наполнила его, но уже и знать ее съ себѣ есть счастіе. По увѣренію Пушкина, она самовластна и не покорна сознанію; она подчинена какимъ-то особеннымъ законамъ.

И вотъ Пушкинъ изслѣдуетъ самочинное бытіе этой загадочной силы. Если вообще сознательная сторона душевной жизни наименѣе интересуетъ его, а преимущественное и страстное вниманіе онъ направляетъ на безсознательную дѣятельность духа, то всего напряженнѣе, съ ненасытной жадностью, онъ вникаетъ въ природу послѣдней стихіи, совсѣмъ закутанной въ ночь.

По его мысли, ущербная личность не скудна, но стихійная воля въ ней какъ бы связана. Здѣсь сила клокочетъ на днѣ; душа безнадежно алчетъ наполниться ею и мятется въ вѣчномъ голодѣ. Что связываетъ стихію? Пушкинъ опредѣленно отвѣчаетъ: разумъ. Ущербность представляется Пушкину болѣзнью, когда внутри личности образовалось какъ бы противотеченіе, которое оттѣсняетъ назадъ кипящій потокъ и держитъ его въ безплотномъ плѣну. Но случается изрѣдка, стихія вдругъ, точно

вулканическимъ взрывомъ, наполняетъ душу. Ничто такъ не волнуетъ Пушкина, какъ зрѣлище этихъ потрясающихъ изверженій, и строфы, гдѣ онъ повѣствуетъ о нихъ, — безъ сомнѣнія, вершины его поэзіи. Нигдѣ больше онъ не воспарялъ вдохновеніемъ такъ высоко, и нигдѣ не видѣлъ съ такой орлиной зоркостью.

7

По созерцанію Пушкина формы бытія располагаются въ видѣ лѣстницы, гдѣ на самомъ верху, какъ бытіе блаженнѣйшее и объективно-высшее, стоитъ абсолютная, ненарушимая полнота: врожденное совершенство. Такимъ Пушкинъ символически мыслитъ ангела. На землѣ совершенство невозможно, но есть люди близкіе къ ангельскому лику; таковы у Пушкина херувимъ-Моцартъ и большинство его женскихъ образовъ, какъ Татьяна и Марія Потоцкая. Онъ никогда не пробовалъ опредѣлить совершенство; но по всему составу его показаній должно заключить, что оно представлялось ему такимъ состояніемъ, когда стихійная сила равномѣрно распредѣлена въ личности, какъ бы гармонически циркулируетъ въ ней. Эта полнота есть равномѣрная внутренняя дѣйственность, и она во-внѣ бездѣйственна [1]).

Ниже ея стоитъ, по мысли Пушкина, полнота, дарованная чудомъ, рождающаяся въ экстазѣ. Она ниже той, потому что менѣе гармонична и менѣе устойчива. Какъ ни мало дѣйствуетъ тотъ, кто изъ неполнаго существованія разбуженъ къ полнотѣ чудомъ,—онъ все же дѣйствуетъ. Человѣкъ въ состояніи экстатической полноты проявляетъ, по мысли Пушкина, наименьшую возможную дѣйственность, именно дѣйственность изречен-

[1]) Св. Тереза опредѣляетъ высшую форму экстаза, какъ чистое созерцаніе (contemplatio pura); это состояніе характеризуется, по ея словамъ, совершеннымъ замираніемъ какъ мысли и слова, такъ и воли: „Когда восхищеніе становится полнымъ и общимъ, тогда человѣкъ не проявляетъ никакой дѣятельности, не совершаетъ никакихъ поступковъ“. Такъ учили и другіе мистики.

наго слова. Эта полнота, какъ и всякая другая, нисходитъ на душу помимо индивидуальной воли и сознанія.

Бѣдному рыцарю было видѣніе, непостижное уму, и съ той поры онъ „сгорѣлъ душою“. Вся остальная его жизнь—бездѣйственное пыланіе; поразительно, какъ, самъ того не сознавая, Пушкинъ упорно выставляетъ на видъ праздность бѣднаго рыцаря, его безучастіе ко всѣмъ мірскимъ дѣламъ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,
„Lumen coeli, sancta Rosa!“
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Онъ не сражается; его единственное дѣйствіе—слово, почти междометіе, да и это послѣднее его дѣйствіе скоро угасаетъ совсѣмъ.

Мицкевичъ несомнѣнно былъ правъ, когда назвалъ „Пророка“ Пушкина его автобіографическимъ признаніемъ. Недаромъ въ „Пророкѣ“ разсказъ ведется отъ перваго лица; Пушкинъ никогда не обманывалъ. Очевидно, въ жизни Пушкина былъ такой опытъ внезапнаго преображенія; да иначе откуда онъ могъ узнать послѣдовательный ходъ и подробности событія, столь рѣдкаго, столь необычайнаго? Въ его разсказѣ нѣтъ ни одного случайнаго слова, но каждое строго-дѣловито, конкретно и точно, какъ въ клиническомъ протоколѣ. Эти удивительныя строки надо читать съ суевѣрнымъ вниманіемъ, чтобы не упустить ни одного признака, потому что то-же можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ, пусть частично, и тогда важно провѣрить свой опытъ по чужому. Показаніе Пушкина совершенно лично, и вмѣстѣ внѣвременно и универсально; онъ какъ-бы вырѣзалъ на мѣдной доскѣ запись о чудѣ, которое онъ самъ пережилъ и которое сверша-

Это экстазъ разрушительный, злой: берега залиты, обвалъ пробитъ, „И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ“; и Вольсингамъ знаетъ свое беззаконіе.—И тѣмъ не менѣе Пушкинъ называетъ его „неизъяснимымъ наслажденіемъ“ и видитъ въ немъ залогъ безсмертія, потому что Пушкинъ обожаетъ въ концѣ-концовъ всякое освобожденіе „не-смертныхъ чувствъ“, всякій экстазъ.

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
Вы, вѣтры, бури, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ.
Гдѣ ты, гроза, символь свободы?
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

Итакъ, вотъ верхняя бездна—рай совершенства, и нижняя—адъ, гдѣ сгораетъ Вольсингамъ, „падшій духъ“. Между безднами—всѣ ступени безумія, и всѣмъ безуміямъ Пушкинъ говоритъ свое да, потому что всякое состояніе полноты, будь то даже полнота безсмысленная или сатанинская, лучше ущербнаго, т.-е. разумнаго существованія. Отсюда интересъ Пушкина къ Разину и Пугачеву; отсюда грустный тонъ въ отброшенной строфѣ „Кавказа“:

Такъ буйную вольность законы тѣснятъ,
Такъ дикое племя подъ властью тоскуетъ,—

и оттого же онъ съ такимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ произноситъ слово „покой“:

Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ...

Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго...

Народы тишины хотятъ
И долго ихъ яремъ не треснетъ...

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!

9.

Не какъ спасенный Вергилій, но какъ одинъ изъ тѣхъ, кто среди адскихъ мукъ, кляня и стеная, повѣствуетъ Данту о своей плачевной судьбѣ, такъ Пушкинъ низводитъ насъ въ адъ ущербнаго существованія. Онъ самъ наполовину жилъ въ аду. Здѣсь стихійная воля плѣнена разумомъ и душа безнадежно жаждетъ наполниться. Оттого ея жизнь—непрерывная смѣна желаній. Стихія не можетъ подняться со дна, чтобы цѣлостно разрѣшиться въ душѣ свободнымъ и могучимъ движеніемъ. Лишь безъ устали, безъ конца выбиваютъ вверхъ частичныя изверженія лавы—наши желанія и страсти. Пушкинъ многократно свидѣтельствуетъ: желаніе, страсть—въ сущности безпредметны, не направлены ни на что внѣшнее; дѣйствительно, вѣдь желаніе—не что иное какъ позывъ, обращенный внутрь самой души, именно—мечта о томъ, чтобы замкнутая сила наполнила меня. Но здѣсь ущербную душу подстерегаетъ соблазнъ: такъ какъ ей не дано воззвать въ себѣ полноту своей волею, то она устремляется на внѣшнее, какъ огонь на хворостъ, чтобы разгорѣться. Такъ „изъ общаго голода рождается конкретное желаніе или конкретная страсть. Такъ Пушкинъ рисуетъ состояніе Татьяны наканунѣ любви:

Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась. Открылись очи:
Она сказала: это онъ!

И геніальныя строки въ письмѣ Татьяны говорятъ о томъ, какъ общій голодъ души субъективно преображается въ конкретную страсть:

Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся:
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно...

Оттого каждая страсть сулитъ намъ не частичное только, но полное утоленіе духа. Донъ Жуанъ справедливо говоритъ Доннѣ Аннѣ:

Съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось.
Мнѣ кажется, я весь переродился.

Такъ смотритъ и каждый человѣкъ на предметъ своего желанія: здѣсь-то я наконецъ утолю свой голодъ.

Но утолить душевный голодъ можетъ только взыгравшая сила, а она поднимается не иначе, какъ самовластно, по присущимъ ей законамъ; страсть же сжигаетъ свой предметъ и съ нимъ гаснетъ сама, т.-е. смѣняется тотчасъ новымъ желаніемъ, новой страстью, и обманутый голодъ разгорается сильнѣе. Вся жизнь —чередованіе пламенныхъ вспышекъ, сулящихъ блаженство, и мучительныхъ угасаній. Совершенству разумѣется чужды страсти; о Маріи Пушкинъ говоритъ: „Невинной дѣвѣ непонятенъ языкъ мучительныхъ страстей", и о гармонической красотѣ—что въ ней „все выше міра и страстей". А Зарема „для страсти рождена", въ ея сердцѣ—„порывы пламенныхъ желаній". Таковъ же Алеко; и нѣтъ спасенія отъ страстей, потому что ущербный духъ не можетъ не алкать.

Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

Непонятно, какъ могли усмотрѣть въ „Цыганахъ" моральную идею. Пушкинъ хотѣлъ представить въ Алеко ущербную душу, которая не можетъ не рождать изъ себя страстей, въ какія бы условія ее ни поставить; онъ хотѣлъ также показать, что ущербность и сопряженныя съ нею страсти присущи не только питомцу культуры, но человѣку вообще, хотя въ дѣтяхъ степей онѣ несравненно болѣе гармоничны. Алеко и цыганы—только двѣ разновидности неполноты, и это общее въ нихъ для Пушкина важнѣе явнаго различія между ними. Объединяющій ихъ

замыселъ поэмы полностью и ясно выраженъ въ ея послѣднихъ строкахъ,—странно, что ихъ не замѣчаютъ:

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

10.

Поэтому Пушкинъ мыслитъ о страсти двойственно. Онъ не можетъ не любить ея, потому что страсть—все же полнота души, хотя и преходящая. Его лѣстница священныхъ безумій не кончается на порогѣ ущербности: страсть—мгновенная вспышка безумія въ самой ущербности. Страсть наполняетъ душу чудными грезами; Пушкинъ много разъ называетъ міръ пустыней („Не даромъ темною стезей я проходилъ пустыню міра“, „Доселѣ въ жизненной пустынѣ“, „Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?“ и т. д): страсть преображаетъ пустыню въ райскій садъ. По мысли Пушкина, вещи безцвѣтны,—ихъ окрашиваетъ только воспринимающій духъ смотря по его полнотѣ. Со своей обычной точностью выраженій Пушкинъ говоритъ: „Страданья,... плоды сердечной пустоты“, „Минуты хладной скуки, Сердечной пустоты,“—и много лѣтъ спустя добавляетъ обратное: „тайный жаръ, мечты,... плоды сердечной полноты“. Рисуя безстрастное время своей жизни, онъ говоритъ:

Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви;

но вспыхнула страсть—

И сердце бьется въ упоеньѣ
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Страсть по Пушкину—всплескъ стихійной духовной силы, ея сладость и мощь—въ ея беззаконіи. Она вспыхиваетъ и гаснетъ по своему произволу; Пушкинъ говоритъ безлично: „Душѣ настало пробужденье". Здѣсь воля безсильна, а разумъ самъ пораженъ неожиданностью душевнаго взрыва; напротивъ, пробужденная стихія властно покоряетъ себѣ всю личность, заставляетъ ее служить себѣ. Онъ говоритъ:

Душа лишь только разгоралась

(а разгорается она своевольно),—

И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.

Что же самъ человѣкъ, съ его умомъ и волею, съ его цѣлесообразнымъ стремленіемъ?—Онъ только орудіе сверхличной стихіи, которая, пробудившись, владѣетъ имъ. И такъ-же произвольно страсть угасаетъ, и опять ея угасаніе опредѣляетъ волю и разумъ, а не наоборотъ. Можетъ ли быть большее рабство, большее униженіе гордаго разума? Личность—ничто, перо, носимое бурей; ей безусловно законодательствуетъ стихія. Но Пушкинъ не видитъ здѣсь обиды. Онъ точно удивился, когда впервые созналъ свою подданность непонятному закону, какъ раньше никогда не сознавалъ; но въ немъ нѣтъ ропота: онъ только съ недоумѣніемъ констатируетъ въ себѣ дѣйствіе этого закона. Женщина, которую онъ любилъ когда-то, умерла; казалось бы, вѣсть о ея смерти должна была глубоко взволновать его; но нѣтъ:

Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

Нѣтъ, онъ не оскорбленъ владычествомъ стихіи надъ личностью; напротивъ, онъ пріемлетъ ея власть со страстной благо-

дарностью и благоговѣніемъ. Въ безсмертныхъ стихахъ онъ поетъ гимнъ беззаконной стихіи, славя ее всюду, гдѣ бы она ни проявлялась,—въ неодушевленной природѣ, въ звѣрѣ или въ человѣческомъ духѣ:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой?—Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ:
И для тебя закона нѣтъ.

Этимъ „гордись“ Пушкинъ подрываетъ всѣ основы нравственности и общежитія. Гордись не моральнымъ поступкомъ, не успѣхами разумнаго строительства; какъ разъ наоборотъ пусть толпа подчиняется законамъ разума,—гордиться въ правѣ передъ нею тотъ, кто ощущаетъ въ себѣ беззаконность стихійной воли. Къ морю Пушкинъ обращаетъ привѣтъ: „Прощай, свободная стихія!“ Море чаруетъ его больше всего „грозной прихотью своей“, „своенравными порывами“.

Смиреный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей,
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей.

И въ человѣкѣ — лучшее, когда онъ „волей своенравной“ подобенъ морю, да своенравная воля и прихоть волнъ, по мысли Пушкина,—одна и та же стихія. Онъ говоритъ о Байронѣ, обращаясь къ морю:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

II.

Итакъ Пушкинъ не устаетъ славословить „упоенье“, „пламень упоенья“, „упоеніе страстей“. И въ то же время онъ оплакиваетъ страсти, потому что онѣ изнуряютъ духъ. Онъ называетъ ихъ не разъ: „мучительные сны“, онъ говоритъ: „страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой“. Каждая страсть въ разгарѣ своемъ—минутный экстазъ: да будетъ она благословенна! Но какъ ужасны послѣдствія страстей! Страсть, сгарая, оставляетъ горькое чувство, и отъ многихъ страстей накопляется многая горечь.

Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней,—
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.

Надо прислушаться къ словамъ Пушкина: „Страстями сердце погубя“, „Гдѣ бурной жизнью погубилъ надежду, радость и желанье“, „Безъ упоенья, безъ желаній я вяну жертвою страстей“, „Душевной бури слѣдъ ужасный“. Вотъ кара: сердце, утомленное страстями, гаснетъ, холодѣетъ; исчезаетъ очарованіе, нѣтъ желаній, и жизнь подобна смерти. Эту мысль Пушкинъ высказываетъ несчетное множество разъ: „Уснувъ безчувственной душой“, „увядшее сердце“, „души печальный хладъ“, „хладный миръ души безчувственной и праздной“, „сердца тяжкій сонъ“. Что же? значитъ, надо проклясть эти мгновенныя вспышки, оставляющія такой печальный слѣдъ? Нѣтъ, Пушкинъ не проклянетъ страсти. Какъ бы пагубна она ни была, все же она лучше прозябанія. Только одно ненавидѣлъ Пушкинъ на землѣ, одно презиралъ въ человѣкѣ: неспособность къ страсти. Какъ душевная полнота есть высшее состояніе личности, такъ безстрастіе—низшее, послѣдняя нищета души. Одинъ этотъ признакъ Пушкинъ и вкладывалъ въ понятіе толпы. Нелѣпо говорить о его аристократизмѣ: чернь для него—тѣ, кто живетъ безстрастно,

даже не тоскуя по душевной полнотѣ; слово „хладная" у него—постоянный эпитетъ къ слову „толпа" и встрѣчается десятки разъ во всевозможныхъ сочетаніяхъ: „хладная толпа", „хладный свѣтъ , „посредственности хладной", и т. п. У него чернь точно опредѣляетъ себя: „Мы сердцемъ хладные скопцы". Холодъ чувствъ, мерзость тепловатыхъ желаній и производимой ими мелкой суеты, точно ряби на плесневѣющемъ прудѣ,—вотъ что онъ ненавидитъ всей душою. Здѣсь не можетъ зародиться ни одна высокая мечта, ни одинъ подвигъ; здѣсь царитъ, по слову Пушкина, развратъ, какъ гниль въ пруду. Пушкинъ говоритъ черни: „Въ развратѣ каменѣйте смѣло", ибо въ холодѣ сердце каменѣетъ. Онъ много разъ говоритъ: надо бѣжать отъ толпы, отъ суеты, надо жить „въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта", онъ боится

Ожесточиться, очерствѣть
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта.

Онъ говоритъ о Ленскомъ:

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ.

И самое страшное то, что сердце, перегорѣвшее въ страстяхъ, впадаетъ именно въ безчувственность, становится безстрастнымъ и холоднымъ, какъ сердце любого изъ толпы. Ущербному нѣтъ спасенья; переживъ ли рядъ страстей, или не знавъ ихъ вовсе,—итогъ одинъ: рано или поздно душу обнимаетъ „печальный хладъ". Молодость — пора страстей, хотя не для всѣхъ: большинство рождаются холодными; но зрѣлый возрастъ сравняетъ тѣхъ и другихъ. Такъ думалъ Пушкинъ. Старость онъ неизмѣнно опредѣляетъ какъ „охлаждены лѣта"; онъ не задумываясь пишетъ: „Подъ хладомъ старости".

Все предопредѣлено, и человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ. Холодный не можетъ загорѣться восторгомъ, страстный не можетъ не пылать, но не властенъ и продлитъ свое горѣніе. Все печально и ничтожно на землѣ, кромѣ душевной полноты,—но она не въ нашей волѣ; мы — какъ рабы, которымъ невѣдомый

хозяинъ бросаетъ подачки — минуты упоенія. Подчасъ сердце Пушкина наполняется упоеніемъ горечи, и онъ вопрошаетъ:

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?

12.

Разумѣніе Пушкина совершенно духовно, т.-е. имѣетъ своимъ предметомъ исключительно жизнь духа, такъ какъ въ духѣ онъ видитъ не только единственное творческое начало и всеобщаго двигателя, но и единственную реальность міозданія, веществу же приписываетъ лишь призрачное бытіе, которое создается и опредѣляется каждый разъ даннымъ состояніемъ духа.

Нѣтъ двухъ міровъ, но одна и та же стихія царитъ въ природѣ и въ духѣ. Дикимъ воображеніемъ своимъ Пушкинъ какъ будто видитъ самый ликъ стихіи, и однажды ему напомнилъ ее Петръ:

Ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры, онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.

Человѣкъ безсиленъ повелѣвать своему духу, т.-е. стихіи, дѣйствующей въ немъ. Наше сознаніе только извѣщаетъ насъ о наступающемъ приливѣ или отливѣ стихіиной силы, но не можетъ ихъ вызывать или даже въ самой малой мѣрѣ воздѣйствовать на нихъ. Поэтому Пушкинъ долженъ былъ безусловно отрицать раціональную закономѣрность духовной жизни, т.-е. эволюцію, прогрессъ, нравственное совершенствованіе. Тамъ, гдѣ полновластно царитъ своеволіе стихіи, не можетъ быть никакихъ законовъ. Тѣмъ самымъ снимается съ человѣка всякая нравственная отвѣтственность.

Отсюда ясно, что Пушкинъ весьма слабо отличаетъ моральное добро отъ зла. Онъ почти равно любитъ ихъ, когда они рождены въ грозѣ и пламени, и почти равно презираетъ, когда они прохладны, т.-е. оцѣниваетъ ихъ больше по ихъ температурѣ, нежели по качественному различію. Совершенство по Пушки-

ну — не моральная категорія: совершенство есть раскаленность духа, но равномѣрная и устойчивая, такъ сказать—гармоническое пыланіе („Твоимъ огнемъ душа палима"). Когда будетъ составленъ словарь Пушкина, то несомнѣнно окажется, что никакія опредѣлительныя реченія не встрѣчаются у него чаще, нежели слова *пламя* и *хладъ* съ ихъ производными, или ихъ синонимы, въ примѣненіи къ нравственнымъ понятіямъ. Въ его обожаніи огня и отвращеніи къ холоду сказывается то древнее знаніе человѣка, которое нѣкогда привело народы къ солнце-и огнепоклонству, къ культу Агни, по-русски огня. Самую обитель Бога, небесныя селенія, онъ опредѣляетъ, какъ пламя („Гдѣ чистый пламень пожираетъ несовершенство бытія").

Отсюда понятна также его затаенная вражда въ культурѣ. Ему, какъ и намъ, міръ предстоитъ расколотымъ на царство стихіи и царство разума. Въ нѣдрахъ природнаго бытія, гдѣ все—безмѣрность, беззаконіе и буйство, родилась и окрѣпла нѣкая законодательная сила, водворяющая въ стихіи мѣру и строй. Но въ то время, какъ люди давно и безповоротно признали дѣятельность разума за должное и благо, такъ что увѣренность эта сдѣлалась какъ бы исходной аксіомой нашего мышленія,—Пушкинъ исповѣдуетъ обратное положеніе. Какъ и мы, онъ хочетъ видѣть человѣка сильнымъ, прекраснымъ и счастливымъ, но въ такое состояніе возноситъ человѣка, по его мысли, только разнузданность стихіи въ духѣ; и потому онъ ненавидитъ разсудокъ, который какъ-разъ налагаетъ на стихію оковы закона. Слово „свобода" у Пушкина должно быть понимаемо не иначе, какъ въ смыслѣ волевой анархіи.

Пушкинъ различаетъ два вида сознанія: ущербный, дискурсивный разумъ, который, ползая во прахѣ, осторожно расчленяетъ, и мѣритъ, и опредѣляетъ законы, — и разумъ полноты, т.-е. непосредственное интуитивное постиженіе. Ущербный разумъ—лишь тусклая лампада предъ этимъ чудеснымъ узрѣніемъ, предъ „солнцемъ безсмертнымъ ума". Что̀ Пушкинъ называетъ „умомъ", въ отличіе отъ разсудка,—тождественно для него съ вдохновеніемъ: „Вдохновеніе есть расположеніе души къ жи-

вѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи". („О вдохновеніи и восторгѣ", 1824 г.) Здѣсь весь смыслъ—въ словѣ: „живѣйшему"; на немъ удареніе. Если бы критики, читая „Вакхическую пѣснь" Пушкина, сумѣли разслышать главное въ ней,—ея экстатическій тонъ,—они не стали бы объяснять слова: „да здравствуетъ разумъ!" какъ прославленіе научнаго разума. Это стихотвореніе—гимнъ вдохновенному разуму, уму-солнцу, которому ясно противопоставляется „ложная мудрость" холоднаго, разсчетливаго ума [1]).

Разумъ порожденъ остылостью духа (думы по его опредѣленію суть „плоды подавленныхъ страстей"). Тамъ, въ низинахъ бытія, гдѣ прозябаютъ холодные, разумъ окрѣпъ и вычислилъ свои мѣрила, и тамъ пусть царствуетъ,—тамъ его законное мѣсто. Но едва вспыхнуло пламя,—личность тѣмъ самымъ изъята изъ подъ власти разума; да не дерзнетъ же онъ святотатственно стѣснять бушеваніе страсти. Вотъ почему Пушкинъ, страшно сказать, ненавидитъ просвѣщеніе и науку. Для Пушкина просвѣщеніе—смертельный ядъ, потому что оно дисциплинируетъ стихію въ человѣческомъ духѣ, ставя ее помощью законовъ подъ контроль разума, тогда какъ въ его глазахъ именно свобода этой стихіи, ничѣмъ не стѣсненная, есть высшее благо. Вотъ почему онъ просвѣщеніе, т.-е. внутреннее укрощеніе стихіи, приравниваетъ къ внѣшнему обузданію ея, къ деспотизму. Эти два врага, говоритъ онъ, всюду подстерегаютъ божественную силу:

Судьба людей повсюду та же.
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ;

Въ „Цыганахъ" читаемъ:

---

[1]) Пушкинъ часто употребляетъ слово „разумъ" и въ смыслѣ разсудка, напр.:

Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови.

Ясно, что здѣсь говорится не о томъ „разумѣ", который восхваляется въ „Вакхической пѣсни". Сравн.: „Думы,—плоды подавленныхъ страстей".

> Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
> Алеко воленъ какъ они;

и въ уста Алеко онъ влагаетъ такой завѣтъ сыну:

> Рости на волѣ, безъ уроковъ...
> Пускай цыгана бѣдный внукъ
> Не знаетъ нѣги просвѣщенья
> И пышной суеты наукъ.

Сколько усилій было потрачено, чтобы забѣлить это черное варварство Пушкина! Печатали: „тамъ на стражѣ — Непросвѣщенье иль тиранъ", или: „Коварство, злоба и тиранъ", „Иль самовластье, иль тиранъ", и въ пѣснѣ Алеко: „Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья". Но теперь мы знаемъ, что Пушкинъ написалъ именно такъ.

Жизнь, учитъ Пушкинъ,—всегда неволя, но въ огнѣ неволя блаженная, въ холодѣ горькая, рабство скупому закону. И кромѣ этой жизни нѣтъ ничего; рай и адъ—здѣсь, на землѣ. Исторія, поступательный ходъ вещей? — нѣтъ, ихъ выдумали люди. Но есть три состоянія стихіи въ человѣческомъ духѣ: ущербныя желанія, экстазы и безмятежность полноты; есть дѣйственность мелкая и презрѣнная, есть героическая дѣйственность, которая прекрасна и мучительна, и есть покой, глубокій, полный силы, чуждый всякаго движенія во-внѣ. Кто осѣненъ благодатной полнотою, тотъ вовсе не дѣйствуетъ, и въ этомъ смыслѣ не живетъ; лишь тайный свѣтъ, безвольно излучаемый имъ, тревожитъ бодрствующихъ, ущербныхъ.

13.

Такъ училъ Пушкинъ. Но онъ былъ поэтъ, а не философъ. Мудрость, которую я выявляю здѣсь въ его поэзіи, конечно не сознавалась имъ, какъ система идей; но она была въ немъ, и наше законное право—формулировать его умозрѣніе, подобно тому, какъ можно начертать на бумагѣ планъ готоваго зданія. Эти линіи плана вполнѣ реальны, ими опредѣляется расположеніе частей, хотя въ самомъ зданіи ихъ не видно,—онѣ заложены въ камень и орнаментъ.

Есть разные виды самосознанія. Человѣкъ, обладающій зрительной памятью, обычно не сознаетъ своей природы, и все же онъ принадлежитъ къ зрительному типу, что ясно для наблюдателя. Консерваторъ или революціонеръ основываютъ свои убѣжденія, разумѣется, на конкретныхъ доводахъ философскаго, моральнаго или практическаго порядка, но изслѣдователь вскроетъ и въ томъ, и въ другомъ, какъ основной узоръ личности, врожденныя склонности и несознанныя усмотрѣнія, которыми опредѣляется характеръ ихъ идей.

Эту сердцевину духа, этотъ строй коренныхъ усмотрѣній я пытаюсь обнаружить въ Пушкинѣ; слѣжу линіи его скрытаго плана и черчу ихъ на плоскости. Оттого такъ четко въ моемъ чертежѣ то, что въ самой поэзіи Пушкина окутано художественной плотью. Я формулирую имманентную философію Пушкина, и мое изложеніе такъ же относится къ его поэзіи, какъ географическая карта—къ самой странѣ, какъ линейный планъ—къ зданію, какъ механическая формула—къ самой машинѣ.

Древнее знаніе живо въ каждомъ изъ насъ, оно сгустилось и затвердѣло на днѣ нашихъ словъ. Но мы не сознаемъ его, а Пушкинъ созналъ въ своемъ личномъ опытѣ. И это преимущество онъ купилъ дорогой цѣной.

14.

Пушкину не было дано ни ангельской полноты, ни той, противоположной, которую онъ зналъ въ Петрѣ, Наполеонѣ и Байронѣ. Судьба повела его какъ-разъ труднѣйшей дорогой—чрезъ страсти въ душевный холодъ. Какъ Онѣгинъ,

> Онъ въ первой юности своей
> Былъ жертва бурныхъ заблужденій
> И необузданныхъ страстей,

и какъ въ Онѣгинѣ, „рано чувства въ немъ остыли“. Начиная съ 1819 года онъ безпрестанно жалуется на возрастающую безчувственность, послѣдствіе бурныхъ страстей. Онъ „пережилъ свои желанья, разлюбилъ свои мечты“, онъ живетъ „безъ упо-

ительныхъ страстей"; онъ жалуется: „тягостная лѣнь душею овладѣла", „остыла въ сердцѣ кровь", „душа часъ отъ часу нѣмѣетъ, въ ней чувствъ ужъ нѣтъ", „въ сердцѣ, бурями смиренномъ, теперь и лѣнь и тишина"; онъ говоритъ:

Съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно;

онъ сравниваетъ себя съ Онѣгинымъ:

Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ.

Но онъ съ юности зналъ тоску по совершенству. Еще въ разгарѣ страстей его томило „смутное влеченье чего-то жаждущей души",—а эта тоска никогда не остается неутоленной. И оттого случилось, что на порогѣ зрѣлыхъ лѣтъ предсталъ ему „ангелъ нѣжный" въ видѣ женщины,—

И скрылся образъ незабвенный
Въ его сердечной глубинѣ.

Мы не знаемъ, кто она была; во всякомъ случаѣ, это была живая женщина, и Пушкинъ любилъ ее какъ женщину, не отвѣчавшую ему любовью. Но онъ зналъ также, что это воплотилась предъ нимъ его жгучая тоска по полнотѣ, по самозабвенію, какъ порою зной и жажда въ пустынѣ рисуютъ путнику цвѣтущій оазисъ-миражъ. Онъ всегда говорилъ о ней двойственно: то какъ о живой женщинѣ, то какъ о райскомъ видѣніи, снѣ. Онъ ее „узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ"; ея образъ въ немъ— „сонъ воображенья", „души неясный идеалъ". Онъ говоритъ о ней:

Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ муза послѣ оживила.

И весь жаръ сердца, еще горѣвшій въ немъ, на долгіе годы сосредоточился въ этомъ образѣ. То былъ его собственный

лучшій ликъ, мечтаемое имъ совершенство. О ней онъ вспоминалъ въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“:

Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?

Ей говоритъ въ Посвященіи къ „Полтавѣ“:

Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Онъ долго лелѣялъ память о томъ часѣ, когда ея образъ впервые просіялъ предъ нимъ—или въ его душѣ. Эту внутреннюю встрѣчу онъ изобразилъ въ „Ангелѣ“, и въ черновикахъ того Посвященія есть строка: „Вѣрь, ангелъ, что во дни разлуки...“, и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о ней же:

Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужны ей.

Объ этой же встрѣчѣ онъ разсказалъ и въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“. Гирей не забудетъ Маріи; послѣ ея смерти

Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный,
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой;

И смыслъ всей поэмы выраженъ ясно въ одной строфѣ:

Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство [1]).

---

[1]) Сравн. въ „Разговорѣ книгопр. съ поэтомъ“:

Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви...

Это—та, въ сердцѣ, „святыня строгая“, которая озаряетъ „спасенный чудомъ уголокъ“.

Онъ пѣлъ о себѣ, о своемъ умиленіи. И этотъ же образъ ущербнаго человѣка, носящаго въ себѣ „святой залогъ“, онъ много лѣтъ спустя нарисовалъ еще разъ, но уже взнесеннымъ высоко надъ землей, отрѣшеннымъ отъ всего дольняго,—въ лицѣ „Бѣднаго рыцаря“. Онъ самъ хотѣлъ бы взлетѣть туда— если бы ему крылья!

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

„Жаръ умиленья“, „чистое упоеніе любви“ не спасли Пушкина. Съ годами его безчувствіе все усиливалось. Въ 1826 году онъ пережилъ тотъ мигъ преображенія, который запечатлѣнъ въ „Пророкѣ“. Мицкевичъ говоритъ о „Пророкѣ“: это было начало новой эры въ жизни Пушкина, но у него не достало силы осуществить это предчувствіе. Если бы мысль Мицкевича стала извѣстна Пушкину, онъ безъ сомнѣнія подтвердилъ бы ее, но виновнымъ не призналъ бы себя: онъ твердо зналъ, что царство Божіе не стяжается усиліями. Можно думать, что, потрясенный своей неудачей, сознавъ свою обреченность, онъ съ тѣхъ поръ сталъ еше быстрѣе клониться къ упадку. Къ 1827—28 годамъ относятся самыя безотрадныя его строки. Въ 7-ой пѣснѣ „Онѣгина“, дивясь тяжелому чувству, которое пробуждаетъ въ немъ весна, онъ спрашиваетъ себя:

Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу, мертвую давно,
И все ей кажется темно?

Какое горькое признаніе! Теперь бываютъ минуты, когда онъ— почти какъ одинъ изъ толпы, живой мертвецъ. Развѣ не о духовной смерти говорятъ эти строки:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,

И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Такъ ли онъ принималъ жизнь въ пору юности своей, такъ ли отвѣчалъ на вызовы судьбы? Теперь, въ 1828 году,—какая надломленность въ немъ!

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть еще спасенный
Снова пристань я найду.

Позднѣе это чувство просвѣтляется въ Пушкинѣ. Онъ рѣшилъ: больше нечего ждать, надо помириться на томъ маломъ, что даровано. Этимъ смиреніемъ внушена Пушкину трогательная элегія „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье". Минутами онъ пытается разувѣрить себя и воспрянуть, но какъ сильно онъ понизилъ свои требованія!

О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья...

Нельзя безъ волненія читать эти строки,—да Пушкинъ и не смогъ дописать ихъ, точно муза, плача, отвернула свое лицо. Было естественно, что Пушкинъ именно въ 1830 году рѣшилъ жениться. Его женитьба была только обнаруженіемъ того созрѣвшаго состоянія души, которое выражалось въ его сужденіяхъ о своемъ поступкѣ: „Нѣтъ иного счастья, какъ на обычныхъ путяхъ, къ тому же я женюсь безъ упоенія". Правда, ему оставалось еще на нашъ взглядъ немало: ему оставался еще „пламенный восторгъ" вдохновенія, и вдохновеніемъ онъ дорожилъ, какъ послѣднимъ кладомъ, взывалъ къ нему:

Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта.

И къ стиху: „Судьбою ввѣренный мнѣ даръ“ у него была готовая риѳма: „Во мнѣ питая сердца жаръ“. Но могло ли и вдохновеніе жарко пылать въ остывающей душѣ? оно само вѣдь питалось ея общимъ пламенемъ. Угасъ и тотъ свѣтлый образъ, хранившій послѣднее тепло чувства. Пушкинъ стынетъ, стынетъ, и на душѣ его все мрачнѣе. Подъ пепломъ еще таилась въ немъ жгучая мечта—не о совершенствѣ: Богъ съ нимъ! но о какой бы то ни было полнотѣ, о внезапномъ порывѣ, который наполнилъ бы душу и унесъ бы ее. Одиннадцать лѣтъ, съ 1824 по 1835 г., Пушкинъ тайно лелѣялъ преступный замыселъ „Египетскихъ ночей“, какъ сладчайшую свою мечту. Съ какой радостью онъ самъ кинулся бы къ урнѣ роковой, гдѣ лежали жребіи смертоноснаго блаженства! Онъ началъ „Египетскія ночи“ въ то время, когда впервые со страхомъ созналъ въ себѣ неудержимое угасаніе чувства. Напомню еще разъ изумительный набросокъ 1823 года:

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?

Въ рукописи здѣсь сбоку написано еще нѣсколько неотдѣланныхъ и неразборчивыхъ строкъ, которыя можно читать приблизительно такъ:

Чей жезлъ волшебный усыпилъ
Во мнѣ надежду, скорбь и радость
И душу бурную прежде
Одной дремотой осѣнилъ.

Очевидно, уже за этими стихами должна была слѣдовать та заключительная строфа:

Вы, вѣтры, бури, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ.
Гдѣ ты, гроза, символъ свободы?
Промчись поверхъ невольныхъ водъ.

Это онъ о себѣ говорилъ, на себя призывалъ испепеляющую страсть. Отсюда тогдашній замыселъ „Египетскихъ ночей“. Въ 1835 году то безумное ожиданіе снова вспыхнуло въ немъ, мо-

жетъ быть съ удесятеренной силой, и онъ вернулся къ „Египетскимъ ночамъ", которыя горятъ той же тоскою, какъ вопль Тютчева:

О небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ!

Но жизнь была уже безвозвратно проиграна. Горькое отреченіе 1828 года съ годами смѣнилось спокойнымъ равнодушіемъ; предъ чѣмъ онъ тогда еще содрогался, то теперь принялъ какъ обычное, нормальное. Еще въ 1831 году онъ заставилъ Онѣгина сказать:

Я думалъ: вольность и покой—
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

а въ 1836-мъ онъ эти самыя двѣ цѣнности,—очень хорошія цѣнности, но не высокаго разбора,—оцѣнивалъ уже положительно: „На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля". Куда дѣвалась тоска, „роптанье вѣчное души"? Когда-то онъ зналъ, что есть настоящее счастье: экстазъ; теперь онъ, какъ умирающій, жаждетъ покоя: „Покоя сердце проситъ". Онъ дѣйствительно былъ полумертвъ, и живя среди полумертвыхъ, не могъ не заразиться ихъ гніеніемъ. Когда цвѣтокъ въ горшкѣ ослабѣлъ, на него нападаетъ тля; такъ свѣтская сплетня сгубила Пушкина, чего никогда не случилось бы, если бы въ немъ не остылъ жаръ сердца. Но его кровавый закатъ былъ прекрасенъ. Въ послѣдній часъ его врожденная страстность вспыхнула великолѣпнымъ бѣшенствомъ, которое еще теперь потрясаетъ насъ въ исторіи его дуэли.

15

Какъ странники, заброшенные въ безвѣстный край, мы бродимъ въ дебряхъ чувствъ, ощупью подвигаясь въ небольшомъ кругу, и если кто-нибудь изъ насъ при свѣтѣ внезапно-вспыхнувшаго сердца проглянетъ вдаль, ка́къ дивится онъ необъят-

ности и грозной красотѣ духа! Это его личный духъ и вмѣстѣ нашъ общій; пусть онъ разскажетъ намъ свое новое знаніе, потому что оно нужно намъ, какъ хлѣбъ. Вѣдь все, что терпитъ и создаетъ человѣкъ, его радость и горе, его подвиги и побѣды, все—только дѣятельность духа; что же можетъ быть важнѣе для насъ, нежели знаніе о духовной силѣ? Когда же приходитъ одинъ изъ тѣхъ, въ комъ духъ горитъ долго и сильно, самъ освѣщая себя, намъ надо столпиться вокругъ него и жадно слушать, что онъ видѣлъ въ незнакомой странѣ, гдѣ мы живемъ. Какъ странно и невѣроятно! Мы, сидя на мѣстѣ, думаемъ, что нашъ духъ необширенъ и ровенъ, а онъ повѣствуетъ о высотахъ и райскихъ кущахъ, о пропастяхъ и пустыняхъ духа. Но будемъ слушать, потому что онъ дѣйствительно былъ тамъ, самъ падалъ въ бездны и всходилъ на вершины. За это порукою убѣжденность и отчетливость его разсказа, даже звукъ его голоса. Такъ можетъ повѣствовать только очевидецъ. И воздадимъ ему высшую почесть, потому что онъ купилъ это знаніе дорогой цѣной.

Таковъ и Пушкинъ, въ числѣ другихъ. Какое же особенное и цѣнное знаніе онъ сообщилъ намъ? какой новый опытъ, раньше невѣдомый, онъ вынесъ изъ своихъ трудныхъ духовныхъ странствій? Я говорю; въ его поэзіи заключено одно изъ важнѣйшихъ открытій, какими мы обязаны поэтамъ; именно, онъ въ пламенномъ духѣ своемъ узналъ о духовной стихіи, что она—огненной природы. Это одно онъ увидалъ и объ этомъ неустанно разсказывалъ, какъ человѣкъ, опьяненный счастливой находкой, или какъ больной о болѣзни своей. Онъ дѣйствительно былъ и пьянъ, и боленъ, пьянъ изначальной пламенностью своего духа, и боленъ сознаніемъ его постепеннаго угасанія. Отсюда необычайная страстность и искренность его разсказа, но отсюда же и неполнота возвѣщенной имъ правды. Разумѣется, было бы нелѣпо требовать отъ него больше, нежели онъ могъ дать. Его открытіе совершенно формально и потому недостаточно. Онъ повѣдалъ намъ, что духъ есть чистая динамика, огненный вихрь, что его нормальное состояніе — раскаленность, а угасаніе — немощь. Показаніе безмѣрно важное, основное! Но вѣдь однимъ

этимъ знаніемъ не проживешь. Пушкинъ безотчетно упростилъ задачу, оградивъ человѣка со всѣхъ сторонъ фатализмомъ: жизнь безысходна, но зато и безотвѣтственна; предъ властью стихіи равно безпомощны звѣрь и человѣкъ. Человѣкъ въ глазахъ Пушкина—лишь аккумуляторъ и органъ стихіи, болѣе или менѣе емкій и послушный, но личности Пушкинъ не знаетъ и не видитъ ея самозаконной воли. Его постигла участь столь многихъ геніевъ, ослѣпленныхъ неполной истиной: подобно Пиѳагору, признавшему число самой сущностью бытія, Пушкинъ переоцѣнилъ свое геніальное открытіе. Оттого Пушкина непремѣнно надо знать, но по Пушкину нельзя жить. Пламенемъ говорятъ всѣ поэты, но о разномъ; онъ же пламенемъ говорилъ о пламени и въ самомъ словѣ своемъ выявлялъ сущность духа.

Пушкина справедливо называютъ русскимъ національнымъ поэтомъ; надо только вкладывать въ эти слова опредѣленный смыслъ. Какъ изъ-за Уральскихъ горъ вѣчно несется вѣтеръ по великой русской равнинѣ, день и ночь дуетъ въ поляхъ и на улицахъ городовъ, такъ неусыпно бушуетъ въ русской душѣ необъятная стихійная сила, и хочетъ свободы, чтобы ничто не стѣсняло ея, и въ то же время томится по гармоніи, жаждетъ тишины и покоя. Какъ примирить эти два противорѣчивыхъ желанія? Западъ давно рѣшилъ трудную задачу: надо обуздать стихію разумомъ, нормами, законами. Русскій народъ, какъ мнѣ кажется, ищетъ другого выхода и предчувствуетъ другую возможность; неохотно, только уступая земной необходимости, онъ пріемлетъ разсудочныя нормы, всю же послѣднюю надежду свою возлагаетъ на цѣлостное преображеніе духовной стихіи, какое совершается въ огненномъ страданіи, или въ озареніи высшей правдой, или въ самоуглубленіи духа. Только такъ, мыслитъ онъ, возможно сочетаніе полной свободы съ гармоніей. Западъ жертвуетъ свободою ради гармоніи, согласенъ умалять мощь стихіи, лишь бы скорѣе добиться порядка. Русскій народъ этого именно не хочетъ, но стремится цѣлостно согласовать движеніе съ покоемъ. И тѣ, въ комъ наиболѣе полно воплотился русскій національный духъ, всѣ безотчетно или сознательно бились въ

этой антиноміи. И Лермонтовъ, и Тютчевъ, и Гоголь, и Толстой, и Достоевскій, они всѣ обожаютъ беззаконную, буйную, первородную силу, хотятъ ея одной свободы, но и какъ тоскуютъ по святости и совершенству, по благолѣпію и тишинѣ, какъ мучительно, каждый по иному, ищутъ выхода! Въ этомъ раздвоеніи русскаго народнаго духа Пушкинъ первый съ огромной силой выразилъ волю своей страны. Онъ не только формулировалъ оба требованія, раздирающія русскую душу, правда, больше выразивъ жажду свободы, нежели жажду совершенства (потому что онъ былъ восточнѣе Россіи, въ немъ текла и арабская кровь); но умиленіемъ своимъ, этимъ молитвеннымъ преклоненіемъ предъ святостью и красотою, онъ и разрѣшилъ ту антиномію практически, дѣйствительно обрѣлъ *гармонію въ буйствѣ*. Въ его личности ущербность сочеталась съ полнотою; оттого его поэзія—не мятежное, но гармоническое горѣніе; она элементарно жжетъ всѣхъ, кто приближается къ ней,—такъ сказать, жаромъ своимъ разжигаетъ скрытую горючесть всякой души. А это—драгоцѣнный даръ людямъ, ибо жаръ сердца нуженъ намъ всѣмъ и всегда. Онъ одинъ—родникъ правды и силы [1]).

---

[1]) Настоящая статья дважды удостоивалась вниманія печати: когда, первоначально, была прочитана публично, и послѣ появленія ея въ философскомъ ежегодникѣ „Мысль и слово". Отвѣчать на возраженія было бы излишне: отвѣтить должна, насколько сумѣетъ, вся эта книга. Но два упрека, сдѣланные мнѣ, требуютъ фактическаго разъясненія. И. Н. Игнатовъ, изложивъ мою статью, писалъ: „Вы видите, какое пѣнистое, какое искрометное шампанское. Страсть, разнузданность, ураганъ стихійнаго стремленія! Лучше самая пагубная страсть, лучше сумасшествіе, лучше изступленность, чѣмъ разумъ. Долой эволюцію, долой прогрессъ, долой просвѣщеніе и науку!—И это все говорилъ Пушкинъ? Правда ли это? Неужели правда? Но, если мы вспомнимъ, какая масса митинговъ происходила около него на Страстной площади, какія агитаціонныя рѣчи слышалъ онъ, не мудрено, что онъ самъ ими заразился и сталъ говорить то, о чемъ не смѣлъ и думать въ теченіе своей земной и послѣземной жизни". И. Н. Игнатовъ такъ и озаглавилъ свой фельетонъ: „Пушкинъ-максималистъ" (Рус. Вѣд. 14 марта 1918 г.) Намекъ относится, конечно, къ тѣмъ митингамъ, которые кипѣли вокругъ памятника Пушкина въ періодъ большевистскаго переворота, т. е. въ концѣ 1917-го и въ началѣ 1918 г.; но моя статья была написана въ царствованіе Николая II и публично читана въ январѣ 1917.; слѣдовательно, если я выста-

„ПАМЯТНИКЪ“.

I.

„Замкомъ“ называютъ камень, замыкающій и укрѣпляющій сводъ; въ критической легендѣ о Пушкинѣ есть частность, исполняющая роль такого „замка“. Если общепринятое истолкованіе „Памятника“ вѣрно, то легенда имѣетъ за себя важный аргументъ: зрѣлое самосознаніе самого поэта; если оно ошибочно,— „замокъ“ выпадаетъ и легенда расшатывается. Поэтому вопросъ о „Памятникѣ“ требуетъ спеціальнаго разслѣдованія.

Вотъ полный текстъ „Памятника“ по сохранившейся рукописи.

Exigi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
Къ нему не заростетъ народная тропа
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

вилъ его, по словамъ И. Н. Игнатова, „агитаторомъ большевизма и анархизма“, то сдѣлалъ я это не подъ вліяніемъ большевизма, о которомъ тогда и помина не было.—Другой упрекъ сдѣлалъ мнѣ Ю. И. Айхенвальдъ въ „Рѣчи“—упрекъ въ томъ, что я умолчалъ о статьѣ Д. С. Мережковскаго, въ значительной степени предвосхищающей мои выводы. Въ плагіатѣ я не повиненъ: я дѣйствительно раньше не читалъ статьи Мережковскаго о Пушкинѣ. Прочитавъ ее теперь, я въ полной мѣрѣ признаю за нею первенство относительно многихъ существенныхъ соображеній о поэзіи Пушкина, изложенныхъ въ моей статьѣ, и радуюсь этимъ совпаденіямъ. На другой, философскій упрекъ Ю. И. Айхенвальда,—что я исказилъ понятіе бездѣйственности,—правильно отвѣтилъ за меня Н. Я. Абрамовичъ, опредѣливъ бездѣйственность, о которой идетъ рѣчь, какъ „неподвижное созерцаніе, въ глубинѣ котораго заключена величайшая и напряженнѣйшая внутренняя активность“.

Нѣтъ весь я не умру—душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ
И гордый внукъ славянъ, и финъ и нынѣ дикой
Тунгузъ и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза будь послушна
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836
Авг. 21.
Кам. Остр.

Въ 4-й строфѣ первоначально было:

Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

Стихотвореніе это написано Пушкинымъ мѣсяцевъ за пять до смерти и по содержанію представляетъ какъ-бы его поэтическую исповѣдь или завѣщаніе. О смыслѣ этой исповѣди у насъ никогда не возникало споровъ; напротивъ, всѣ понимаютъ ее одинаково, и убѣждены, что понимаютъ вѣрно. Пушкинъ съ законной гордостью говоритъ здѣсь о завоеванномъ имъ безсмертіи, и тутъ-же перечисляетъ тѣ заключенныя въ его поэзіи непреходящія цѣнности, которыя даютъ ему право на это безсмертіе. Та́къ онъ самъ понималъ свою дѣятельность и та́къ опредѣлялъ ея значеніе; и эта завершительная самооцѣнка бросаетъ свѣтъ на весь пройденный имъ путь. „Памятникъ" съ полной ясностью открываетъ намъ, какія сознательныя цѣли Пушкинъ ставилъ себѣ въ своемъ творчествѣ.—Такъ искони объясняютъ „Памятникъ" біографы и комментаторы Пушкина.

Я сразу выскажу свою мысль, чуждую всякихъ ученыхъ соображеній, внушенную единственно простымъ чтеніемъ Пушкинскихъ

строкъ; я полагаю, что только такъ, и никакъ не иначе, долженъ понять эти строки всякій разумный человѣкъ, который прочтетъ ихъ безъ предубѣжденія и внимательно. Мнѣ кажется, что традиціонное истолкованіе „Памятника" всецѣло искажаетъ смыслъ этой пьесы. Пушкинъ въ 4-й строфѣ говоритъ не отъ своего лица,—напротивъ, онъ излагаетъ чужое мнѣніе—мнѣніе о себѣ народа. Эта строфа—не самооцѣнка поэта, а изложеніе той оцѣнки, которую онъ съ увѣренностью предвидитъ себѣ. Слѣдовательно, первыя четыре строфы содержатъ въ себѣ не два мотива, какъ обыкновенно думаютъ (одинъ объективный—констатированіе своей обезпеченной славы, другой субъективный — самооцѣнку своего подвига), но одинъ, состоящій изъ двухъ частей и одинаково объективный въ обѣихъ, именно предвидѣніе: предвидѣніе, во-первыхъ, своей посмертной славы, и во-вторыхъ, содержанія этой своей посмертной славы. Пушкинъ говоритъ: „Знаю, что мое имя переживетъ меня; мои писанія надолго обезпечиваютъ мнѣ славу. Но что будетъ гласить эта слава? Увы! она будетъ трубнымъ гласомъ разглашать въ мірѣ клевету о моемъ творчествѣ и о поэзіи вообще. Потомство будетъ чтить память обо мнѣ не за то подлинно-цѣнное, что есть въ моихъ писаніяхъ и что я одинъ знаю въ нихъ, а за ихъ мнимую и жалкую полезность для обиходныхъ нуждъ, для грубыхъ потребностей толпы". Много лѣтъ назадъ Пушкинъ подвелъ первый итогъ своего опыта, и какимъ горькимъ разочарованіемъ звучали его слова! „Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ!" „Разоблачивъ плѣнительный кумиръ", онъ увидалъ „въ ихъ наготѣ" и свѣтъ, и жизнь, и дружбу, и любовь: кумиръ, внушавшій такія надежды, пожравшій столько жертвъ, оказался жалкимъ и страшнымъ остовомъ.

Ужели онъ казался прежде мнѣ
Столь величавымъ и прекраснымъ?
Что-жъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой?
Кого любилъ, къ чему стремился?
Кого-жъ, кого возвышенной мечтой
Боготворить не постыдился?

Теперь Пушкинъ подводилъ другой итогъ — не жизни, а достигнутой имъ славы. Весь „Памятникъ“ — какъ бы одинъ подавленный вздохъ. И этотъ плѣнительный кумиръ оказался безобразнымъ скелетомъ; вотъ кости лица скалятся дьявольской насмѣшкой: онъ издѣвается надъ ожиданіемъ! Въ юности Пушкинъ безъ сомнѣнія мечталъ о славѣ; теперь, обрѣтенная, она ужасаетъ его. Онъ проклинаетъ ее, какъ въ томъ набраскѣ — жизнь; въ черновой того наброска былъ стихъ: „Чего искалъ, то ненавижу“.

Я утверждаю, что лишь при такомъ пониманіи первыхъ четырехъ строфъ становится понятной пятая, послѣдняя строфа „Памятника“, совершенно безсмысленная въ традиціонномъ истолкованіи пьесы, хотя комментаторы наперекоръ здравому смыслу объявляютъ ее естественнымъ заключеніемъ пьесы. Ея смыслъ — смиреніе предъ обидой. Поэтъ какъ бы подавляетъ свой невольный вздохъ. Горька обида, но таковъ роковой законъ — „Божье велѣніе“; покорись Божьей волѣ: вотъ что говоритъ эта строфа. Пушкинъ написалъ первоначально: „Призванью своему, о Муза, будь послушна“, т. е. иди своимъ путемъ наперекоръ обидѣ, — потомъ измѣнилъ этотъ стихъ, сообразно всему замыслу стихотворенія: давъ ему не положительный смыслъ призыва, а отрицательный смыслъ покорности, смиренія:

> Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна,
> Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
> Хвалу и клевету пріемли равнодушно
> И не оспаривай глупца.

Хвала толпы и клевета ея—одной цѣны: обѣ равно ничтожны. И не силься опровергать клевету, т. е. объяснять толпѣ ея ошибку. Пушкинъ въ прежніе годы неразъ пытался „оспаривать глупца“ относительно подлинной цѣнности искусства, — потому что только объ этомъ объ одномъ идетъ здѣсь рѣчь;—теперь онъ признаетъ эти попытки тщетными и ненужными: такъ устроено высшей волею.

Въ частности только при такомъ пониманіи объясняются и тѣ двѣ замѣны въ рукописи,—во-первыхъ стихъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.

Пушкинъ отвергъ эту строку, потому что она приписывала народу такое сужденіе о поэзіи, до котораго онъ едва ли способенъ возвыситься: онъ видитъ и цѣнитъ въ поэзіи гораздо болѣе дѣловыя цѣнности—„Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ". Вторая замѣна—чисто формальная: „Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу". Это сужденіе подходитъ народу, только Пушкинъ предпочелъ потомъ выразить его въ болѣе общей формѣ. Но какъ могли комментаторы влагать этотъ стихъ въ уста самого Пушкина при его достаточно извѣстномъ отрицательномъ отношеніи къ Радищеву,—этого нельзя объяснить. Впрочемъ, я приведу ниже тѣ доводы, которыми они ухитрялись обходить это затрудненіе.

Таковъ, по моему, смыслъ стихотворенія „Памятникъ", который неминуемо и естественно складывается въ сознаніи при простомъ чтеніи этой пьесы. А простое чтеніе и здравый смыслъ суть въ такихъ случаяхъ совмѣстно — наилучшій судья, въ отношеніи къ Пушкину я сказалъ бы даже—единственный разумный экспертъ и судья. Наоборотъ, неумѣніе медленно читать, въ соединеніи съ предвзятой мыслью о жизни, о должномъ, о добрѣ и злѣ, неминуемо приводитъ къ тому искаженію истины, о которомъ съ такой болью говоритъ Пушкинъ.

2.

Но прочитавъ и понявъ пьесу въ предѣлахъ ея текста, вполнѣ законно попытаться найти ея мѣсто въ цѣлостномъ творчествѣ поэта и въ цѣломъ его міровоззрѣніи. Та мысль о поэзіи и объ отношеніи къ ней толпы, которая выражена въ „Памятникѣ",—согласуется-ли она съ прочими его сужденіями объ этомъ предметѣ, или, напротивъ, противорѣчитъ имъ? Мы

увидимъ дальше, что этимъ вопросомъ опредѣляется все традиціонное отношеніе критики къ „Памятнику“.— Я и здѣсь прямо выскажу свою мысль. Пушкинъ во многомъ противорѣчилъ себѣ, не разъ мѣнялъ свои сужденія; но было бы странно, если бы онъ хоть разъ измѣнилъ себѣ въ этомъ пунктѣ. Поэзія была его жизненнымъ дѣломъ; онъ упорно и глубоко размышлялъ о поэзіи съ юныхъ лѣтъ и составилъ себѣ представленіе о ней—о смыслѣ и цѣнности ея—столь органически-личное (хотя и подъ вліяніемъ романтическихъ теорій), что опытъ не могъ уклонить его, но могъ лишь все болѣе углублять проложенное русло его мышленія. Такъ должно думать a priori, и такимъ оказывается дѣло при конкретномъ изслѣдованіи.

Дѣятельность Пушкина въ ея завершенномъ видѣ отчетливо дѣлится на двѣ неравныя и неравноцѣнныя части: главнымъ его жизненнымъ дѣломъ было поэтическое творчество, подсобнымъ—распространеніе въ обществѣ правильныхъ идей о поэзіи. Этой второй своей работѣ онъ самъ придавалъ громадное значеніе и велъ ее совершенно сознательно, упорно, не уставая, на протяженіи многихъ лѣтъ. Теорія, которую онъ проповѣдовалъ, сложилась у него въ зародышѣ очень рано, уже къ 1821 году, и осталась неизмѣнной до конца его жизни, такъ что на разстояніи 10 или 15 лѣтъ онъ неоднократно излагалъ ее въ тождественныхъ выраженіяхъ. Но во-первыхъ, внутренно она съ годами раскрывалась ему самому, во-вторыхъ, въ провозглашеніи ея онъ становился все болѣе нетерпѣливымъ, можно сказать даже—все болѣе ожесточался, по мѣрѣ того какъ убѣждался въ безплодности своей проповѣди. Онъ твердилъ одно—и, кажется, какъ было не понять это?—Поэтъ—существо особенное: въ немъ дышетъ пламенный духъ. Пламенность, или, другими словами, чрезвычайная бодрость, страстность, живость воспріятій и соображеній, словомъ—исключительная быстрота духовныхъ движеній—въ противоположность задержкамъ, косности, длительному пребыванію духа въ его частныхъ образованіяхъ, — вотъ отличіе поэта. Эта стремительность духа по мысли Пушкина тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе она постоянна

и длительна, потому что только въ постоянствѣ она обрѣтаетъ спокойствіе — „необходимое условіе прекраснаго". Итакъ, поэзія есть гармоническій восторгъ, поэтъ — пламенный духъ. Говоря о поэтѣ, Пушкинъ неизмѣнно скажетъ: пламень, горѣть и т. п.: „Единый пламень ихъ волнуетъ" (поэтовъ); „Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ—И дивное волненье мы познали"; „. . . алтарь, гдѣ твой огонь горитъ"; особенность поэта—„пламенные порывы чувства и воображенія". Нести людямъ жаръ и свѣтъ своего пламени—таково призваніе поэта, предъуказанное свыше; Богъ повелѣваетъ поэту-пророку:

Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Но люди, толпа, — также по волѣ Бога — не понимаютъ поэзіи, не умѣютъ принять ея безцѣнный даръ, безцѣнный для нихъ самихъ,— и въ этомъ — несчастіе, ущербъ губительный для обѣихъ сторонъ: поэтъ страдаетъ, видя безплодность своихъ усилій, толпа хирѣетъ вдали отъ животворящей поэзіи. Толпа, въ отличіе отъ поэта, — это люди, въ которыхъ духовная жизнь совершается медлительно, коснѣетъ въ своихъ проявленіяхъ, стынетъ въ остановкахъ, словомъ—люди холоднаго духа. Именно въ силу косности своего духа толпа считаетъ косность или медлительность духа—нормою, и потому не видитъ въ поэзіи ничего цѣннаго; напротивъ, поэзія, какова она подлинно есть—пламенность духа — кажется ей уродствомъ и ненужностью. Толпа разумѣется чувствуетъ силу поэзіи, ея дѣйственность, — но чувствуетъ почти физіологически, какъ нѣкоторую формально-психическую энергію. Поэтъ „сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своенравный чародѣй"; и вотъ наступаетъ худшее: въ косности своей толпа предъявляетъ поэту соотвѣтственныя требованія: онъ долженъ употреблять силу, дарованную ему свыше, не на безцѣльный бѣгъ духа, а на устроеніе его остановокъ, на закрѣпленіе и меблировку станцій. Непониманіе толпы поэтъ еще можетъ снести, хотя и съ двойной болью — за себя и за самую толпу; но вмѣшательства въ свой

трудъ онъ не вправѣ, не смѣетъ терпѣть, во имя призвавшаго его Бога. И Пушкинъ пятнадцать лѣтъ яростно, можно сказать, истекая кровью, боролся за свою поэтическую свободу, за свободу поэта вообще. Я приведу безъ комментаріевъ рядъ выдержекъ, далеко не исчерпывающій, изъ его стихотвореній, статей и писемъ, гдѣ боль смѣняется гордымъ самосознаніемъ и бѣшенство тихой жалобой.

Черновой набросокъ, какъ думаютъ, 1821 года.

Я говорилъ предъ хладною толпой
Языкомъ истины свободной,

(раньше было: языкомъ пламенной свободы)

Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный!

Письмо къ Гнѣдичу 1822 г. „. . . . Вы, котораго геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики".

„Свободы сѣятель пустынный", 1823 г.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя —
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды. . . .
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ.
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

„Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ", 1824 г.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной черню забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!

„Поэтъ“, 1827 г.

Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.

„Чернь“, 1828 г.—это стихотвореніе я долженъ былъ бы привести здѣсь полностью, но оно длинно и, вѣроятно, большинству читателей памятно.

„Отвѣтъ Анониму“, 1830 г.

Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра...

„Поэту“, 1830 г.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

„Эхо“, 1831 г.

. . . И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Статья о Баратынскомъ, 1831 г. „Перечтите его Эду (которую критики наши назвали ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій)“... Дальше, говоря о непопулярности Баратынскаго: „Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе

сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ уединенныхъ въ свѣтѣ".

„Родословная моего героя", 1833 г.

Исполненъ мыслями златыми,
Не понимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты унылъ и нѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: „куда куда?
Дорога здѣсь!" Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ
Тебѣ награда: имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

И, наконецъ, послѣдній вздохъ боли и смиренія—„Памятникъ" 1836 года.

Толпа требуетъ, чтобы поэтъ служилъ ея нуждамъ, она требуетъ отъ поэзіи пользы. Польза, которой она требуетъ отъ поэзіи,—конечно, не матеріальная, не научная или какая-нибудь иная; рѣчь идетъ, разумѣется, о пользѣ моральной. „Чернь" говоритъ:

. . . . Если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки;
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Пушкинъ безъ устали твердитъ, „оспаривая глупца“:

> Не для житейскаго волненья,
> Не для корысти, не для битвъ —
> Мы рождены для вдохновенья,
> Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

„Поэзія бываетъ исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“ („О предисловіи Г-на Лемонте“, 1825 г.). Онъ пишетъ Жуковскому (1825 г.): „Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ... „Думы“ Рылѣева и цѣлятъ, а все невпопадъ“. Онъ требуетъ для поэта полной свободы отъ какихъ бы то ни было „цѣлей“ и „пользъ“:

> Таковъ поэтъ. Какъ Аквилонъ,
> Что хочетъ, то уноситъ онъ:
> Увядшій листъ, иль прахъ площадный....
> И, не спросясь ни у кого,
> Какъ Дездемона избираетъ
> Кумиръ для сердца своего.

У него Моцартъ говоритъ:

> Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
> Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
> Единаго прекраснаго жрецовъ.

У него поэтъ отвѣчаетъ „черни“:

> Молчи, безсмысленный народъ,
> Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
> Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
> Ты червь земли, не сынъ небесъ:
> Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
> Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
> Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
> Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
> Печной горшокъ тебѣ дороже:
> Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Онъ повторялъ то же и въ прозѣ: „Между тѣмъ какъ эстетика со времени Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что главное достоинство

искусства есть польза....“ но „какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?“ („О драмѣ“, 1830 г.). И почти одновременно съ „Памятникомъ“ онъ писалъ: „Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто-бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе“ („Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности“, 1836 г. — статья, въ которой Пушкинъ защищаетъ французскую литературу противъ упрековъ въ безнравственности).

„Памятникъ“ есть завершительный актъ этой борьбы, этой проповѣди и самозащиты. Пушкинъ зналъ: элементарная сила его поэзіи—Божье дыханье въ ней — не пройдетъ безслѣдно; люди почувствовали ее и будутъ еще долго чувствовать; это — слава; слава ему обезпечена. Но въ попыткахъ осмыслить свое волненіе, возбуждаемое его поэзіей, люди неизбѣжно откроютъ въ ней то, чего въ ней вовсе нѣтъ, и проглядятъ ея истинное содержаніе: они откроютъ въ ней полезность, нравоучительность. Отсюда горькій сарказмъ этого Пушкинскаго слова: буду любезенъ народу тѣмъ,

Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ,

т. е., что „сердца собратьевъ исправлялъ“. Всю жизнь онъ слышалъ отъ толпы это требованіе, и всю жизнь отвергалъ его; но едва онъ умолкнетъ, толпа объяснить его творчество посвоему.

Въ „Памятникѣ“ точно различены—1) подлинная слава—среди людей, понимающихъ поэзію,—а таковы преимущественно поэты:

И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ;

и 2) слава пошлая, среди толпы, смутная слава—извѣстность:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой...

Эта- пошлая слава будетъ клеветою. Навѣки ли упрочится непониманіе? Повидимому, Пушкинъ думалъ, что современемъ оно уступитъ вѣрному пониманію его поэзіи; оттого онъ и говоритъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

3.

Что Пушкинъ не ошибся въ своемъ предвидѣніи; что потомство нашло въ его поэзіи и съ торжествомъ вынесло наружу именно то, чего онъ не хотѣлъ и не могъ ей дать: нравоучительность,—тому наилучшимъ доказательствомъ являются какъразъ безчисленные отзывы критиковъ о его „Памятникѣ“. Изъ необозримаго множества ихъ я приведу для образца лишь немногіе; они всѣ тождественны по смыслу.

Въ ранней книгѣ своей, въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“, писанныхъ еще тогда, когда 4-ая строфа „Памятника“ была извѣстна только въ искаженіи Жуковскаго, Пыпинъ говоритъ: „...Но, съ другой стороны, поэтическое творчество имѣетъ свои болѣе реальныя цѣли: вдохновеніе и сладкіе звуки не могутъ быть безсодержательны, должны имѣть какое-нибудь отношеніе къ людямъ, къ обществу [какъ-будто иного содержанія, кромѣ „имѣющаго отношеніе къ людямъ, къ обществу не можетъ быть!]—и самъ Пушкинъ объясняетъ, въ чемъ должна быть цѣль поэзіи и чѣмъ самъ онъ воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ. Въ знаменитомъ, почти предсмертномъ стихотвореніи онъ указываетъ, что его поэзія не была однимъ витаніемъ въ чистой области фантазіи, что въ ней онъ служилъ обществу: онъ убѣжденъ, что былъ полезенъ „прелестью стиховъ“ (которая дѣйствительно довершила формальное образованіе нашей литературы), что онъ пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ; наконецъ, онъ думалъ, что возславилъ свободу „въ жестокій вѣкъ“.—Много лѣтъ спустя, въ „Исторіи русской литературы“ Пыпинъ повторилъ то-же: „Подъ

конецъ жизни, въ стихотвореніи „Изъ Пиндемонте“ (1836), онъ опять защищаетъ свою личную независимость, свободу художественнаго наслажденія [!], хотя и цѣною общественнаго индифферентизма [!] Но вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ еще знаменитое стихотвореніе съ эпиграфомъ „Exigi monumentum“: „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“. Онъ въ послѣдній разъ [какъ-будто въ августѣ онъ могъ знать, что въ слѣдующемъ январѣ будетъ убитъ!] говорилъ о своей поэзіи, съ гордымъ сознаніемъ исполненнаго подвига, но и съ сознаніемъ своей гражданской заслуги передъ обществомъ и народомъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

И эти заслуги были именно тѣмъ, о чемъ просилъ его „народъ“ въ стихотвореніи „Чернь“. — Къ цитатѣ изъ „Памятника“ у Пыпина есть еще выноска: „Третій стихъ первоначально написанъ былъ: „Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу“, — тому Радищеву, котораго еще недавно (1834, 1836) онъ такъ сурово осуждалъ“. Этой выноской Пыпинъ хочетъ сказать: Пушкинъ де часто противорѣчилъ себѣ въ своихъ сужденіяхъ о цѣли поэтическаго творчества, но, конечно, рѣшающее значеніе имѣетъ его предсмертная исповѣдь — „Памятникъ“; въ „Памятникѣ“ выражена его окончательная мысль о своей поэзіи.

Это же пониманіе „Памятника“ весьма обстоятельно развернулъ проф. С. А. Венгеровъ, посвятившій „Памятнику“ въ своемъ большомъ изданіи Пушкина особенную статью подъ заглавіемъ: „Послѣдній завѣтъ Пушкина“. Напомнивъ читателямъ свою ранѣе высказанную мысль о томъ, что русская литература „всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово“ и что всѣ крупные дѣятели ея были „художниками-проповѣдниками“, авторъ продолжаетъ: „Не составляетъ исключенія и Пушкинъ, хотя взгляды его на задачи искусства всего менѣе отличаются устойчивостью. Сердито говоритъ онъ въ одномъ

изъ своихъ писемъ: „цѣль поэзіи—поэзія". Но не говоритъ-ли намъ послѣдній завѣтъ великаго поэта — его величественное стихотвореніе „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный"—о чемъ-то совсѣмъ иномъ? Какой другой можно сдѣлать изъ него выводъ, какъ не тотъ, что основная задача поэзіи—возбужденіе „чувствъ добрыхъ?" Общественныя и литературныя настроенія Пушкина, утверждаетъ авторъ, „шли зигзагами"; поддаваясь то вліяніямъ общества, то порывамъ своей пылкой натуры, Пушкинъ въ разные періоды исповѣдовалъ различныя, подчасъ даже противоположныя мнѣнія; онъ могъ „въ минуту полемическаго раздраженія" провозглашать, что поэты рождаются только для сладкихъ звуковъ и молитвъ, но фактически онъ на каждомъ шагу, притомъ совершенно сознательно, нарушалъ этотъ принципъ, давалъ обществу „уроки жизни", училъ и училъ. — „И не только сталъ Пушкинъ учителемъ жизни", продолжаетъ проф. Венгеровъ, „но въ учительномъ характерѣ литературы усмотрѣлъ ея высшее назначеніе. Въ 1836 году Пушкина усиленно занимаетъ мысль о смерти, онъ заказываетъ себѣ даже могилу въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ и пришлось ему опочить вѣчнымъ сномъ. Правильно или неправильно—это другой вопросъ, онъ чувствуетъ потребность подвести итоги своей дѣятельности, опредѣлить сущность своего значенія въ исторіи русскаго слова. Онъ пишетъ „Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный", гдѣ съ тою величавою простотою, которая характеризуетъ истинно-великихъ людей, говоритъ безъ всякаго жеманства, безъ всякой ложной скромности о своемъ безсмертіи. Создатель русской поэзіи не сомнѣвается въ томъ, что будетъ „славенъ, доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ піитъ", что слухъ о немъ „пройдетъ по всей Руси великой" и назоветъ его „всякъ сущій въ ней языкъ".

„Но за что же, однако, ему столь великій почетъ?

> И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
> Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Самъ по себѣ этотъ отвѣтъ столь знаменателенъ, что не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Болѣе яркаго

подкрѣпленія нашего утвержденія не придумаешь. Пушкинъ, этотъ идолъ всякаго приверженца теоріи „чистаго" искусства, въ одну изъ торжественнѣйшихъ минутъ своей духовной жизни превыше всего цѣнитъ въ литературѣ учительность.

„Но интересъ Пушкинской формулировки назначенія литературы еще безмѣрно возрастаетъ, когда мы обратимся къ воспроизведенному на предыдущей страницѣ черновику знаменитаго стихотворенія.

„Оказывается, что первоначально Пушкинъ, совершенно въ духѣ „чистаго" искусства, такъ опредѣлилъ свое значеніе:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.

Твердо и безъ столь обычныхъ у него помарокъ, т. е. безъ колебанія написалъ Пушкинъ подчеркнутый стихъ, въ которомъ выразилъ свое теоретическое литературное credo.

„Но вотъ онъ перечитываетъ плодъ непосредственнаго вдохновенія, снова вдумывается въ тему и предъ лицомъ вѣчности открываются новые горизонты. Нѣтъ, мало для поэта истинно-великаго однихъ эстетическихъ достоинствъ, только къ памятнику того не заростетъ „народная тропа", кто пробуждаетъ „добрыя чувства", кто былъ учителемъ жизни.

„И зачеркивается формула эстетическая, а взамѣнъ ея дается учительно-гражданская".

Что 4-ая строфа „Памятника", въ томъ пониманіи, образцы котораго я привожу здѣсь, рѣзко противорѣчитъ всѣмъ предшествующимъ заявленіямъ Пушкина о задачахъ искусства, этого, разумѣется, нельзя было отрицать или утаить. Пыпинъ, кажется, первый, не ломая себѣ головы, нашелъ легкій выходъ изъ затрудненія—и его мысль, столь же удобная, какъ остроумная, прочно укоренилась въ литературѣ. Отъ поэта нельзя требовать послѣдовательности въ мысляхъ, да Пушкинъ былъ въ особенности увлекающійся человѣкъ; мало ли что онъ могъ наговорить въ раздраженіи, подъ вліяніемъ минуты! но эти его слова не слѣдуетъ принимать въ серьезъ; на практикѣ онъ самъ опровер-

галъ себя. Такъ излагаетъ дѣло и С. А. Венгеровъ; совершенно такъ же разсуждаетъ въ своей статьѣ о стихотворныхъ произвеніяхъ Пушкина проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій; Ивановъ-Разумникъ, въ своей „Исторіи русской общественной мысли", пишетъ о Пушкинѣ, что если онъ иногда приближался даже къ чистому эстетизму, если заявлялъ, что художникъ рождается исключительно для сладкихъ звуковъ и молитвъ,—„то это было только мимолетнымъ облачкомъ, не оставляющимъ тѣни на свѣтломъ и широкомъ міровоззрѣніи Пушкина".

Оградившись этимъ незатѣйливымъ аргументомъ отъ всякихъ сомнѣній, Пыпинское истолкованіе „Памятника" смѣло вошло въ школу и узаконилось здѣсь въ качествѣ непререкаемой истины. Я раскрываю 2-ую часть учебника А. И. Незеленова по исторіи русской словесности въ шестнадцатомъ изданіи и нахожу слѣдующія строки: „Во второмъ стихотвореніи, „Памятникъ", Пушкинъ выражаетъ сознаніе совершоннаго имъ великаго подвига... Пушкинъ созналъ, что заслужилъ славу, что слухъ о немъ пройдетъ „по всей Руси великой". А своими правами на эту славу считаетъ онъ возвышенныя идеи своей поэзіи, то, что пробуждалъ лирой „добрыя чувства" и призывалъ „милость къ падшимъ". Раскрываю Пушкинскую хрестоматію В. Покровскаго, „Сборникъ историко-литературныхъ статей" о Пушкинѣ въ 800 страницъ, по которой учится понимать Пушкина едва ли не все русское юношество, обучающееся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и нахожу длинный рядъ отзывовъ о „Памятникѣ", сплошь повторяющихъ мысль Пыпина. Академикъ Сухомлиновъ пишетъ: „Права свои на любовь и память народа онъ видѣлъ въ томъ, что въ стихахъ своихъ онъ „пробуждалъ добрыя чувства и милость къ падшимъ призывалъ". Проф. Каллубовскій пишетъ: „Незадолго до своей безвременной кончины, оглядываясь на свою литературную дѣятельность, онъ увѣренно говорилъ, что онъ пробуждалъ добрыя чувства своей лирой", и т. д. — и кончаетъ свое разсужденіе словами: „Да, поэтъ имѣлъ право сказать тѣ слова, которыя были упомянуты мною вначалѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу"
(и т. д.—слѣдуетъ вся строфа).

Стоюнинъ пишетъ: „Поэзія была исключительной сферой его дѣятельности; но съ нею онъ связалъ высшія задачи жизни. Въ поэзіи онъ нашелъ одну изъ общественныхъ силъ, которая должна пробуждать лучшія чувства въ народѣ, слѣдовательно и нравственно образовывать и вызывать возвышенныя стремленія духа". Проф. Евлаховъ пишетъ: „Нечего говорить, Пушкинъ не всегда могъ выдержать эту точку зрѣнія и порой, казалось, измѣнялъ своей теоріи [далѣе цитируются, какъ „измѣны" Пушкина самому себѣ: „Пророкъ", „Эхо" и др. — и продолжается:] Наконецъ, въ 1836 году на закатѣ жизни, какъ бы подводя итоги своей поэтической дѣятельности, онъ ставитъ себѣ въ заслугу, что пробуждалъ добрыя чувства, въ жестокій вѣкъ возславилъ свободу и призывалъ милость къ падшимъ. Болѣе того: въ этомъ, а не въ чемъ иномъ, онъ видитъ залогъ своего безсмертія въ памяти народа. Поэтъ, конечно, справедливо указалъ свою заслугу. Пророкъ строго выполнилъ „велѣніе Божіе". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ это не самоотрицаніе? Поэтъ сталъ на точку зрѣнія „черни": онъ гордится пользой своего искусства, а не имъ самимъ; онъ видитъ въ немъ средство, а не цѣль. Такая метаморфоза, какъ завершеніе художественной дѣятельности, если она сознательна, была бы равносильна самоубійству". Но авторъ успокаиваетъ читателя: „конечно, ничего подобнаго не случилось съ Пушкинымъ"; тѣ 4-5 стихотвореній, и въ ихъ числѣ „Памятникъ", суть, такъ сказать, описки Пушкина, плоды „сторонняго неорганическаго и, повидимому, безсознательнаго процесса" въ немъ, и Пушкинъ въ своемъ развитіи „такъ сказать, прошелъ мимо самопротиворѣчій, какъ бы вовсе не замѣчая ихъ".—Вотъ, по крайней мѣрѣ, среди удручающаго единогласія новая мысль: г. Евлаховъ выворачиваетъ общераспространенное мнѣніе на изнанку. Всѣ думаютъ, что раннія заявленія Пушкина о цѣли поэзіи были обмолвками раздраженнаго ума, а серьезное его сужденіе выражено въ „Памятникѣ"; г. Евлаховъ наоборотъ признаетъ обмолвкою

„Памятникъ", а тѣ прежнія заявленія Пушкина—его подлиннымъ и сознательнымъ манифестомъ.

Изъ всѣхъ писавшихъ о „Памятникѣ" одинъ Вл. Соловьевъ, какъ сейчасъ увидитъ читатель, правильно понялъ стихъ: „И долго буду тѣмъ любезенъ я народу" (т. е. что здѣсь излагается сужденіе народа); но, правильно прочтя самый стихъ, онъ также исказилъ мысль Пушкина. Вся его статья „Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина" имѣетъ цѣлью выразить и защитить софизмъ о тожествѣ красоты и нравственнаго добра; этотъ софизмъ онъ внесъ и въ объясненіе „Памятника", приписавъ свою ложную мысль самому Пушкину. Основной софизмъ повлекъ за собою, ради своего торжества, нѣсколько подсобныхъ, и получился такой комментарій: „За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ еще разъ восходитъ, — но не на пустынную вершину серафическихъ вдохновеній [!], а на то предгорье, откуда взоръ его видитъ большой народъ [!], — потомство его поэзіи, ея будущую публику. Этотъ большой народъ, конечно [!], не та маленькая „чернь", свѣтская и старосвѣтская, что его окружаетъ. Этотъ новый большой народъ не вырываетъ гнѣвныхъ словъ у поэта, эти народныя колыбели [!] не противны его душѣ, какъ живые гробы. Въ этомъ большомъ народѣ есть добро, и онъ дастъ добрый откликъ на то, что найдетъ добрымъ въ поэзіи Пушкина. Поэтъ не провидитъ, чтобы этотъ большой народъ весь состоялъ изъ цѣнителей чистой поэзіи: и эти люди будутъ требовать пользы отъ поэзіи, но они будутъ искренно желать истинной пользы нравственной;— на встрѣчу такому требованію поэтъ можетъ пойти безъ униженія: вѣдь и чистая поэзія приноситъ истинную пользу, хотя не преднамѣренно. Такъ что жъ? Эти люди цѣнятъ поэзію не въ ней самой, а въ ея нравственныхъ дѣйствіяхъ. Отчего же не показать имъ этихъ дѣйствій въ Пушкинской поэзіи? „То добро, которое вы цѣните, — оно есть и въ моемъ поэтическомъ запасѣ; за него вы будете вѣчно цѣнить мою поэзію; оно воздвигнетъ мнѣ среди васъ нерукотворный и несокрушимый памятникъ". Вотъ достойный и благородный

„компромиссъ“ поэта съ будущимъ народомъ, составляющій сущность стихотворенія „Памятникъ“.

Здѣсь все — софизмы: и неизвѣстно откуда появляющійся „большой народъ“, въ отличіе отъ „черни“, и приписываемое этому „большому народу“ исканіе какой-то особенной истинной моральной пользы, тогда какъ въ 4-ой строфѣ „Памятника“ говорится совершенно о томъ-же, чего въ „Черни“ требуетъ отъ поэта „чернь“; и софизмомъ, наконецъ, надо признать самый этотъ компромиссъ, который Пушкинъ будто-бы заключаетъ съ потомствомъ въ своемъ „Памятникѣ“. Приводя 4-ую строфу — о пробужденіи добрыхъ чувствъ, прославленіи свободы и пр.— Соловьевъ пояснялъ: „Это дорого народу, но вѣдь это дорого и самому поэту, хотя и не дороже всего“. Послѣдней-же строфою—„Велѣнью Божію“ и пр.—Пушкинъ, по мнѣнію Соловьева, „какъ-бы полагаетъ нерушимую печать безупречнаго благородства на свое соглашеніе съ потомствомъ“: здѣсь онъ „опять настаиваетъ на верховности вдохновенія и на безусловной самозаконности поэзіи“. По-истинѣ, странная печать, уничтожающая смыслъ самого соглашенія!

Tantae molis erat... Pomanam condere gentem! — нѣтъ, всего только разумно прочитать 20 умныхъ и ясныхъ стиховъ Пушкина. „Замо́къ“, скрѣпляющій критическую легенду о немъ, оказался не камнемъ, а пустотою. Пушкинъ предсказалъ:

> И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
> Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;

прошло восемьдесятъ лѣтъ съ его смерти, и люди все еще ищутъ нравоученія въ его стихахъ: такъ точно оправдывается его предвидѣніе.

УМИЛЕНІЕ.

I.

Въ четвертой книжкѣ „Галатеи“ 1829 г. было напечатано слѣдующее стихотвореніе Ротчева.

ПѢСНЬ ВАКХАНКИ.

Лицо мое горитъ на солнечныхъ лучахъ,
И бѣлая нога отъ тернія страдаетъ!
Ищу тебя давно въ сосѣдственныхъ лугахъ,
Но только эхо горъ призывъ мой повторяетъ.
О, милый юноша! меня стыдишься ты...
Зачѣмъ меня бѣжишь? вглядись въ мои черты!
Прочти мой томный взглядъ, прочти мои мученья!
Приди скорѣй! тебя ждетъ прелесть наслажденья.
Брось игры дѣтскія, о, юноша живой;
Узнай,—во мнѣ навѣкъ остался образъ твой.
Ахъ, на тебѣ печать безпечности счастливой,
И взоръ твоихъ очей, какъ дѣвы взоръ стыдливой;
Твоя младая грудь не вѣдаетъ огня
Любви мучительной, который жжетъ меня.
Приди изъ рукъ моихъ принять любви уроки!
Я научу тебя восторги раздѣлять,
И будемъ вмѣстѣ млѣть и сладостно вздыхать!..
Пускай увѣрюсь я, что поцѣлуй мой страстный
Въ тебѣ произведетъ румянца блескъ прекрасный!
О, если-бъ ты пришелъ вечернею порой
И задремалъ, склонясь на грудь мою главой!
Тогда бы я тебѣ украдкой улыбалась,
Тогда-бъ я притаить дыханіе старалась.

Въ это время (январь 1829 г.) Лермонтовъ жилъ съ бабушкой въ Москвѣ, учась въ Университетскомъ Благородномъ

пансіонѣ. Очевидно, книжка „Галатеи“ попала въ его руки, и стихотвореніе Ротчева соблазнило его: къ 1830 году издатели относятъ стихотвореніе Лермонтова, написанное, какъ видно съ перваго взгляда, на сюжетъ Ротчевской Вакханки:

> Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
> Какъ ты стыдливъ! и т. д.

Чѣмъ соблазнила его пьеса Ротчева? Онъ взялъ изъ нея только ея ядро: любовь вакханки къ невинному и равнодушному юношѣ; всѣ остальные элементы Ротчевской пьесы онъ измѣнилъ: эллинскую вакханку превратилъ въ продажную красу, безпечнаго и веселаго отрока — въ замкнутаго юношу, и разлученныхъ свелъ вмѣстѣ; а главное — въ то время, какъ пьеса Ротчева вся выдержана въ свѣтлыхъ, радостныхъ тонахъ, такъ что и любовныя „мученья“ вакханки не нарушаютъ этого свѣтлаго колорита, а только придаютъ ему бо́льшую теплоту, — Лермонтовъ набросилъ на картину трагическое покрывало: мрачный трагизмъ — въ судьбѣ женщины, слегка окрашенъ трагизмомъ и юноша, наконецъ, трагиченъ и самый характеръ ея любви. Воображаемой идилліи, которою кончается стихотвореніе Ротчева, соотвѣтствуетъ трагическій конецъ Лермонтовской пьесы:

> О, наслаждайся! ты--мой господинъ!
> Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
> Меня въ своихъ объятьяхъ задушить —
> Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
> Мой другъ, чего не вынесешь любя!

Итакъ, контрастъ грѣха и чистоты; мало того — страстное влеченіе грѣшнаго къ чистому, то-есть въ грѣшномъ самосознаніе своей неполноты, и отсюда тревожность, жажда, исканіе, въ чистомъ же—самодовлѣющая полнота: вотъ что—по всей вѣроятности интуитивно—подмѣтилъ Лермонтовъ въ пьесѣ Ротчева И когда онъ попытался на свой ладъ изобразить этотъ контрастъ и это влеченіе, то наружу ярко выступилъ ихъ трагическій смыслъ.

То, о чемъ я говорю, было въ Лермонтовѣ не мыслью, не

чувствомъ: оно было скорѣе всего образомъ. Въ этомъ самомъ стихотвореніи онъ говоритъ о лунѣ, блуждающей межъ тучъ, что она—„какъ ангелъ средь отверженныхъ". Это сравненіе, по существу странное, конечно не случайно подвернулось подъ перо Лермонтова: оно какими-то тайными нитями связано съ замысломъ пьесы. Совершенно такъ же и весь этотъ эпизодъ — переработка Ротчевской Вакханки—не случаенъ въ творчествѣ Лермонтова.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ свой жизненный образъ Лермонтовъ нашелъ готовымъ, и именно у Пушкина. Эта находка была для юнаго Лермонтова откровеніемъ и освобожденіемъ; предоставленный собственнымъ силамъ, онъ, вѣроятно, еще долго блуждалъ бы мыслью въ сумеркахъ собственнаго духа, тщетно отыскивая фокусъ своего самосознанія. „Демонъ" Пушкина былъ впервые напечатанъ въ 1824 г., „Ангелъ" — въ 1828-мъ; въ 1829 году вышло собраніе стихотвореній Пушкина, гдѣ пятнадцатилѣтній Лермонтовъ, вѣроятно, и прочиталъ впервые эти два стихотворенія. Въ этомъ же 1829 году онъ пишетъ первый очеркъ своего „Демона". Стихотвореніе Пушкина „Демонъ" дало ему образъ демона, стихотвореніе „Ангелъ"—идею встрѣчи демона съ образомъ чистоты и совершенства, наконецъ, фабулу своей поэмы онъ заимствовалъ, можетъ быть, изъ письма Татьяны во 2-й главѣ „Онѣгина":

> Ты въ сновидѣніяхъ мнѣ являлся;
> Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
> Твой чудный взглядъ меня томилъ,
> Въ душѣ твой голосъ раздавался....

Но Лермонтовъ по своему пересоздалъ Пушкинскаго демона, какъ и Ротчевскую вакханку. Самобытность его творческой мысли въ такомъ раннемъ возрастѣ удивительна.

2.

> Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
> Главой поникшею сіялъ,
> А Демонъ мрачный и мятежный
> Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Такова у Пушкина встрѣча двухъ міровыхъ началъ, грѣха и совершенства. Ангелъ стоитъ недвижно, онъ не жаждетъ и не ищетъ—даже взоромъ; его потупленный взглядъ — стыдливость безгрѣшной чистоты, или скорбь о падшемъ братѣ, которая боится выдать себя, чтобы не оскорбить. Напротивъ, демонъ жадно смотритъ, и это—знакъ его мучительной неполноты; но онъ только смотритъ: вотъ что характерно для Пушкина. Встрѣча обѣихъ стихій ни для одной не проходитъ безслѣдно,— тамъ рождается жалость, здѣсь умиленіе,—но активнаго воздѣйствія не возникаетъ между ними, т. е. никакой внутренній порывъ не нудитъ демона слиться съ противоположнымъ началомъ. Только мгновенное провидѣніе совершенства, и отсюда рождающееся умиленіе, — но никакой попытки отдаться ему и овладѣть имъ.

Изъ этого Пушкинскаго зерна родилась въ Лермонтовѣ концепція его „Демона". Съ проницательностью истинно-геніальной онъ не только понялъ Пушкинскій образъ и не только узналъ себя въ немъ, но и сумѣлъ на основаніи собственнаго душевнаго опыта исправить его и дополнить; и такъ цѣльна была его необыкновенная натура, что въ отроческомъ постиженіи она сознала себя всецѣло, такъ что опытъ зрѣлыхъ лѣтъ уже не прибавилъ ни одной существенной черты къ тѣмъ, которыми обрисованъ образъ демона въ очеркѣ 1829 года.

„Демонъ" Лермонтова — сложная переработка Пушкинскаго „Ангела", исторія той же встрѣчи двухъ стихій, но разсказанная иначе. И прежде всего—самый образъ демона! Лермонтовъ совершенно отодвинулъ въ тѣнь объективное изображеніе демона, какъ міровой силы: на первый планъ у него выступило

(уже въ первой редакціи, 1829 года, — и такъ до конца) субъективное состояніе демона, его душевная пытка; онъ „душой измученною боленъ“, онъ „роняетъ, посреди мученья, свинцовы слезы“, и т. д. Символическій смыслъ Пушкинскаго образа былъ этимъ, разумѣется, значительно ослабленъ, но зато была дана возможность психологически раскрыть этотъ образъ. А для Лермонтова только это одно и было важно: онъ въ лицѣ демона разрѣшалъ мучительную загадку своего собственнаго существованія. Извѣстно, что замыселъ этой поэмы имѣетъ автобіографическую подкладку (любовь Лермонтова къ В. А. Лопухиной); достаточно вспомнить собственныя признанія Лермонтова:

> Какъ демонъ мой, я—зла избранникъ...
> Ты для меня была какъ счастье рая
> Для демона, изгнанника небесъ... и т. д.

или въ посвященіи къ одной изъ позднихъ редакцій „Демона“

> ... И не узнаешь здѣсь простого выраженья
> Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ...

Если бы у насъ и не было этихъ признаній поэта, все равно было бы очевидно, что въ своемъ демонѣ онъ изображалъ самого себя—такъ часто онъ въ своихъ стихахъ характеризуетъ себя чертами, составляющими въ совокупности образъ его демона. Въ немъ съ раннихъ лѣтъ кипѣли тяжелыя и недобрыя чувства, мысли мрачныя и холодныя; онъ безмѣрно мучился пустынностью своей души, ущербностью всѣхъ своихъ впечатлѣній. Его исповѣди ужасны:

> Пусть я кого-нибудь люблю, —
> Любовь не красить жизнь мою:
> Она, какъ чумное пятно
> На сердцѣ, жжетъ—хотя темно (1831 г.).

И вотъ, Пушкинскій разсказъ о встрѣчѣ двухъ началъ оказался для Лермонтова, при переводѣ съ символическаго языка на языкъ психологіи, неполнымъ и невѣрнымъ: онъ по себѣ зналъ другое, и потому онъ долженъ былъ писать своего „Демона“.

Умиленіе Пушкинскаго демона — о, да, да! Это чувство Лермонтовъ хорошо зналъ въ себѣ, оттого онъ могъ плакать облегчающими слезами, читая Пушкинскаго „Ангела". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что его демонъ—не можетъ остановиться на умиленіи, что сіяніе совершенства, блеснувъ предъ нимъ и освѣтивъ ужасъ его собственной тьмы, неизбѣжно родитъ въ немъ страсть во что бы то ни стало слиться съ этой свѣтозарной стихіей, отдаться ей, избыть тоску своего ущербнаго, тревожнаго, безрадостнаго существованія. Такъ его „Демонъ" становится разсказомъ не о мгновенной только встрѣчѣ, не объ эстетическомъ умиленіи грѣха предъ образомъ совершенства, но объ активномъ усиліи грѣховнаго начала преодолѣть свою природу. Эта попытка заранѣе обречена на неудачу,—она и не удастся,— но въ самой природѣ грѣха лежитъ его скорбное самосознаніе, а слѣдовательно и непобѣдимая потребность искать себѣ исцѣленія, т. е. жаждать, домогаться. Только совершенство пассивно (и, однако, несмотря на свою пассивность, могущественно), грѣхъ же неизбѣжно, въ силу своего страданія, активенъ: этотъ намекъ Пушкина Лермонтовъ раскрылъ и довелъ до конца.

3.

Пушкинскій демонъ былъ тоже—образъ автобіографическій; Пушкинъ самъ говоритъ это въ стих. „Демонъ". Въ Пушкинѣ было все — и злые омуты, и гады. Не менѣе Лермонтова онъ извѣдалъ и „мракъ земныхъ суетъ", и „алчный грѣхъ", и омертвѣлость духа, когда „сердце пусто, празденъ умъ"; и предъ нимъ вставали жгучимъ укоромъ „видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней". Тютчевъ хорошо сказалъ о немъ:

Онъ былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.

Темный голосъ этой крови властвовалъ надъ нимъ неодолимо, томилъ его, мучилъ его. И все же онъ сравнительно легко несетъ сознаніе своей грѣховности. Не то, чтобы оно не угнетало его подчасъ; надо ли напоминать тѣ строки, тѣ пламенныя

признанія, гдѣ онъ далъ волю своему стыду и своему раскаянію, хотя бы, напримѣръ, „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“? Но онъ фаталистъ; онъ твердо знаетъ, что своей души ему не передѣлать, и оттого онъ не ищетъ святости, даже не понимаетъ, чтобы ее можно было искать. Онъ констатируетъ, какъ фактъ, безъ сентиментальнаго сокрушенія:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ:
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.

Эти сіонскія высоты влекутъ его къ себѣ, но, какъ его демонъ въ стих. „Ангелъ“, онъ только съ умиленіемъ созерцаетъ ихъ; даже въ самыя страшныя минуты самосознанія онъ способенъ только „лить потоки слезъ“; ни одного намека на готовность очиститься, сдѣлать хоть малое усиліе къ перерожденію. Его извѣстные стансы къ м. Филарету—точная аналогія къ „Ангелу“:

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Тамъ—эстетическое умиленіе предъ святостью, здѣсь—стыдъ и ужасъ; но оба чувства совершенно пассивны, такъ сказать, завзято-пассивны.

Душа человѣческая первозданна, ничему не подвластна и управляется своими внутренними законами—эта мысль есть ось Пушкинскаго міровоззрѣнія. Ни моя разумная воля, ни явленія внѣшняго міра ничего не могутъ измѣнить въ ней; слѣдуя какимъ-то своимъ таинственнымъ законамъ, она то мертвѣетъ, то оживаетъ сама въ себѣ, — и въ каждомъ своемъ состояніи она сама присваиваетъ себѣ изъ дѣйствительности тѣ элементы, которые соотвѣтствуютъ ея состоянію, потому что дѣйствительность въ каждый мигъ содержитъ безчисленные элементы, самые противоположные между собою: выбираетъ, притомъ конгеніально, сама душа. Мы еще слишкомъ мало знаемъ это міровоззрѣніе Пушкина: его стихи гладки, — скользнешь, и не замѣтишь, что въ нихъ. Но если читать ихъ медленно, въ нихъ открываются удивительныя мысли. Онъ пишетъ:

Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Что же это? Значитъ страданій объективно нѣтъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Пушкинъ; страданіе—только плодъ сердечной пустоты; внѣшній фактъ становится страданіемъ только въ силу извѣстнаго душевнаго состоянія, предшествующаго ему и отъ него независимаго. Такъ и все внѣшнее, по мысли Пушкина, нейтрально; жизнь духа неизслѣдимо автономна. Въ стихотвореніи „Я помню чудное мгновенье" Пушкинъ разсказываетъ о реальныхъ вещахъ — о двухъ своихъ всрѣчахъ съ А. П. Кернъ. Первая ихъ мимолетная встрѣча была въ Петербургѣ въ 1819 г., вторая, которою собственно и вызвана пьеса Пушкина,—въ іюнѣ 1825 г. въ Тригорскомъ; между обѣими встрѣчами легли долгіе годы ссылки и душевной омертвѣлости Пушкина. И вотъ, разсказавъ объ этой омертвѣлости, когда онъ жилъ „безъ божества, безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви", Пушкинъ продолжаетъ:

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Совсѣмъ не такъ, какъ хотѣли объяснять біографы, — что новая встрѣча съ Кернъ въ 1825 году пробудила Пушкина отъ апатіи. Какъ-разъ наоборотъ (надо обратить вниманіе на слова „и вотъ"): душа проснулась самочинно, въ ней совершился таинственный кризисъ, (такъ Пушкинъ говоритъ и въ одномъ изъ подраженій Корану: „Насталъ пробужденья для путника часъ", т. е. насталъ „по волѣ владыки небесъ и земли"),—и именно въ силу того, что душа проснулась,—ей предстало свѣтлое видѣнье; не проснувшейся душѣ А. П. Кернъ предстала бы, просто какъ красивая женщина, какъ небесное видѣніе. Оттого Пушкинъ, съ безсознательнымъ умысломъ, и употребилъ здѣсь такія безплотныя слова: видѣнье, геній красоты; это „видѣнье"—плодъ душевной полноты, какъ страданье есть плодъ душевной омертвѣлости. Все въ мірѣ—призракъ, но все пріобрѣтаетъ существенность—въ духѣ. Такъ и въ „Онѣгинѣ":

Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.

4.

Всякому, кто со вниманіемъ прочтетъ различныя редакціи „Демона“, будетъ ясно, что Лермонтовъ строилъ планъ своей поэмы вполнѣ сознательно. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи одна изъ раннихъ редакцій — 1830 года. Первая, нечаянная встрѣча (подслушанная демономъ пѣсня монахини) вызываетъ въ демонѣ умиленіе,—совершенно по-Пушкински. Но Пушкинъ на этомъ и кончаетъ, — Лермонтовъ идетъ дальше: демонъ уже не властенъ забыть эти звуки и это видѣнье; они—

Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладитъ ничего.

Проходитъ нѣкоторое время, демонъ тщетно силится „незабвенное забыть“, запавшая искра тлѣетъ въ немъ — и вотъ оказывается:

тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... любить онъ можетъ... можетъ...

И, наконецъ,—совершилось: „И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ“.

Такъ же твердо, какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ зналъ, что грѣхъ и страданіе грѣха предопредѣлены и неисцѣлимы; попытка демона обречена на неудачу, — и все же Лермонтовъ заставляетъ его сдѣлать эту попытку, а въ послѣднихъ редакціяхъ поэмы вкладываетъ въ его рѣчи такую глубокую боль, такую страстную вѣру въ возможность для него спасенія, что о коварномъ искусительствѣ не можетъ быть и подозрѣнія. Демонъ вѣритъ, не можетъ не вѣрить при первомъ проблескѣ надежды, потому что его муки нестерпимы.

Таковъ былъ самъ Лермонтовъ. Пушкинъ смирялся предъ

неизбѣжностью, Лермонтовъ не могъ смиряться, и это, очевидно, потому, что душевныя страданія Лермонтова (его самосознаніе несовершенства) были несравненно мучительнѣе, нежели у Пушкина. Вся поэзія Лермонтова, насколько онъ говоритъ о самомъ себѣ,—сплошной стонъ, сплошное проклятіе. Если читать его стихи медленно и съ участіемъ, — сердце сжимается жалостью: какъ ужасны были его настроенія! какъ безрадостна и трудна его жизнь! Перечтите „И скучно, и грустно“, или удивительное по глубинѣ и сосредоточенности чувства „Гляжу на будущность съ боязнью“,—эти слова послѣдней скорби:

Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя...

Кто еще такъ страдалъ? А глаза сухи, слезъ нѣтъ и не будетъ Бѣдный поэтъ!

Но Лермонтова уже нѣтъ, его страданія кончились, и мы можемъ спокойно изучать его душевную жизнь, чтобы научиться лучше понимать его поэзію—и самихъ себя. Мы подошли теперь къ самому главному—къ вопросу о характерѣ его страданія.

Я сказалъ, что настроенія Лермонтова съ самаго отрочества были сплошной пыткой; по сравненію съ его муками душевная жизнь Пушкина была въ общемъ очень счастлива, т. е. сравнительно спокойна, ясна, часто празднична. И вотъ именно эта великая острота боли дѣлала Лермонтова до такой степени нетерпѣливымъ и, можно сказать, корыстнымъ. Онъ такъ страдаетъ, что ему не до размышленій о своемъ несовершенствѣ; онъ боленъ—боленъ пустынностью и тревожностью своего духа, боленъ своей ущербностью и одиночествомъ,—и онъ жаждетъ одного: исцѣлиться, т. е. обрѣсти полноту чувствъ и душевный покой. Пушкинъ хорошо зналъ чистое чувство грѣховности, то настроеніе, когда человѣкъ говоритъ себѣ: пусть я невластенъ не согрѣшать, но мнѣ больно и стыдно, что я такъ далекъ отъ совершенства. Пушкинъ зналъ „змѣи сердечной угрызенья“; всѣ помнятъ эти стихи:

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Такого покаяннаго псалма никогда не могъ бы написать Лермонтовъ. Въ его поэзіи вообще нельзя открыть ни малѣйшихъ признаковъ покаянія. Чувство грѣха ему чуждо, и совершенство манитъ его не потому, что оно само по себѣ прекрасно, а потому, что оно сыто, спокойно и счастливо, тогда какъ онъ голоденъ, тревоженъ и несчастенъ. Вотъ почему демонъ Пушкина при видѣ ангела только умиленъ:

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Чувства болѣе безкорыстнаго, чѣмъ это, нельзя себѣ и представить. Умиленіе же Лермонтовскаго демона длится едва мгновеніе, чтобы тотчасъ уступить мѣсто своекорыстной мечтѣ объ исцѣленіи. Такъ Пушкинъ благоговѣетъ предъ красотою совершенства, смиренно сознавая ея недосягаемость для себя, а Лермонтовъ завидуетъ счастью совершенства, мятежно силится овладѣть имъ. Два полюса религіознаго сознанія, два крайнихъ чувства, неизмѣнно присущихъ въ смѣшеніи каждой человѣческой душѣ. И такъ ярко ихъ изображеніе, точно нашимъ двумъ величайшимъ поэтамъ было предназначено демонстрировать предъ всѣмъ свѣтомъ эти двѣ типичныя односторонности въ ихъ наиболѣе чистой формѣ [1]).

Многіе пути ведутъ ко спасенію, и каждой душѣ предуказанъ свой путь. Они оба ясно видѣли предъ собою солнце, которое большая часть людей только смутно чуютъ, какъ желѣзо чуетъ магнитъ: образъ совершенства; и оба тосковали о немъ, хотя и по-разному. Чистое умиленіе Пушкина и бурное вожде-

---

[1]) См. тотъ же констрастъ умиленія и корысти: Тургеневъ и Л. Н. Толстой—въ моей книгѣ „Мечта и мысль И. С. Тургенева".

лѣніе Лермонтова равно святы, ибо дѣло идетъ о горней красѣ, не о земной. Молится ли подвижникъ незлобивый сердцемъ, проливая слезы умиленія и благодарности, или преступная душа скорбитъ несказанной скорбью о чернотѣ своей и съ проклятіями молитъ исцѣленія своихъ мукъ,—не то же ли небесное пламя тамъ свѣтитъ, здѣсь жжетъ? Поэзія Пушкина и поэзія Лермонтова—два разныхъ служенія, и нѣтъ смысла судить, чье служеніе выше. Но намъ важно смотрѣть и замѣтить. Они оба одинаково знали какимъ-то недоказуемымъ, но необыкновенно увѣреннымъ знаніемъ, что есть нѣкая норма бытія, совершенство; невольное отступленіе отъ этой нормы Пушкинъ ощущалъ въ себѣ какъ грѣхъ, Лермонтовъ—какъ причину своихъ душевныхъ страданій. Какъ сложился въ нихъ этотъ умопостигаемый образъ? Ихъ непоколебимая вѣра въ его реальностьноситъ всѣ признаки опытнаго знанія. Вѣрнѣе всего зримаго и осязаемаго они видѣли міръ такой, какого внѣшній опытъ и разсудокъ не знаютъ; очевидно, у нихъ былъ и другой, болѣе тонкій опытъ,— иначе ихъ увѣренность была бы или притворствомъ, или бредомъ, чему противорѣчатъ страстная искренность и формальная красота ихъ признаній. Они не учители идеаловъ, а повѣствователи о видѣнномъ ими, очевидцы и свидѣтели подлинно-сущаго. Именно въ этой убѣжденности ихъ свидѣтельствъ, въ этомъ всенародномъ оглашеніи результатовъ высшаго душевнаго опыта заключается цѣнность ихъ поэзіи, какъ и всякаго истиннаго искусства.

ТЕРНОВЫЙ ВѢНЕЦЪ.

Человѣкъ—царь природы, и царствуетъ онъ въ силу своего разума. Но какъ дорого онъ платитъ за эту власть! какъ тягостно бремя разума! Какое счастье было-бы скинуть тяжелую шапку Мономаха и стать хоть на одно летучее мгновеніе простымъ обывателемъ вселенной, наравнѣ съ вѣтромъ и облакомъ, растеніемъ и звѣремъ! За властью не успѣваешь жить, а такъ хочется пожить, побыть вольнымъ и празднымъ. Безсонный разумъ нудитъ и гонитъ ставить цѣли, достиженіе одной цѣли рождаетъ другую, и человѣкъ кругомъ опутанъ неисчислимыми цѣлеположеніями своего принудительнаго разума; безмѣрное напряженіе силъ, ни дня покоя и свободной радости! И къ тому еще побочныя тяготы власти—сознаніе прошлаго и сознаніе будущаго, т.-е. тоска и раскаяніе о прошломъ, и страхъ, этотъ проклятый страхъ, неразлучный спутникъ всякаго владычества, кара за его беззаконность, —потому что космически всякая власть беззаконна и всякая тайно знаетъ это, что и есть страхъ царей предъ крамолой и страхъ разума предъ судьбою.

Вся русская поэзія есть мечта о самозабвеніи: сложить царскій вѣнецъ разума и зажить беззаботно, стихійно, а если вовсе—нельзя, то хоть на мигъ. Не только Тютчевъ, чье творчество—по истинѣ «Соломоновы притчи» и «Пѣснь пѣсней» царствующаго разума,—нѣтъ, таковъ даже Пушкинъ, гармоническій Пушкинъ. Онъ часто говоритъ о «забвеніи», и называетъ его сладкимъ: «Въ забвеньи сладкомъ»; для него забвеніе — синонимъ восторга:

День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь;

онъ опредѣляетъ Элизіумъ такъ:

Тамъ безсмертье, тамъ забвенье
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца;

онъ говоритъ о любви:

Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

У него есть стихотвореніе, бросающее свѣтъ на эту складку его сознанія,—пьеса «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума». Онъ говоритъ: мнѣ разумъ нуженъ—но не для меня: онъ нуженъ обществу во мнѣ; поэтому, утративъ разумъ, я становлюсь неудобенъ, даже опасенъ обществу, и оно запретъ меня въ клѣтку. Но если бы не эта внѣшняя угроза, какъ хорошо было бы избавиться отъ разума! Для меня лично онъ только помѣха; какъ счастливъ я былъ бы безъ него! И тутъ Пушкинъ рисуетъ картину блаженнаго безумія.

Когда-бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ чудныхъ грезъ.
И я-бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.
И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса...

Этого полнаго и длительнаго счастья намъ не дано вкушать, откуда же человѣкъ знаетъ о немъ? Какъ узналъ Пушкинъ опредѣленные признаки этого блаженнаго состоянія: стремленіе бѣжать отъ людей, раскрытіе въ чувствѣ своего единства съ природной стихіей, освобожденный слухъ, ясно внемлющій внутренніе голоса духа, экстазъ радости, наконецъ, чувство своей

абсолютной свободы и оттого чувство своей безграничной мощи? Откуда онъ узналъ все это съ такой достовѣрностью?

У него былъ соотвѣтственный опытъ—частичный, но открывающій природу цѣлаго. Человѣку даны отдѣльныя минуты неполнаго безумія. Есть мѣста и сроки, когда отъ избытка атмосферныхъ осадковъ, просачивающихся внутрь, набухнутъ, переполнятся русла подземныхъ водъ, и вдругъ эти воды вырываются на поверхность земли и заливаютъ окрестность. Нѣчто подобное бываетъ съ человѣческой душою,—не со всякой, конечно, и только мгновеніями. Пушкинъ былъ таковъ, и онъ зналъ эти экстазы. У него они вызывались преимущественно вдохновеніемъ.

Онъ изображалъ свое творческое вдохновеніе тѣми самыми чертами, которыя мы только-что различили въ начертанной имъ идеальной картинѣ полнаго безумія: прежде всего, бѣгство отъ людей къ природѣ—и опять то же: въ лѣсъ и къ морю.

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,

(эти два признака, два чувства, обращены къ людямъ, отъ которыхъ онъ бѣжитъ)

И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

Это—первый моментъ, бѣгство: „Какъ бы рѣзво я пустился въ темный лѣсъ!“ А вотъ самое состояніе экстаза, тотъ „пламенный бредъ“, тѣ „чудныя грезы“ (слова одни и тѣ же въ обоихъ случаяхъ), счастье, сліяніе съ природой, свобода:

.... тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались...
. . . .
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной...

Эти-то черты, узнанныя въ опытѣ мгновенныхъ и неполныхъ

безумій—вдохновенія, Пушкинъ обобщилъ въ картинѣ совершеннаго блаженства. Для него самого минуты вдохновенья были, повидимому, минутами высшаго счастья, какое онъ зналъ въ жизни. Слабѣе, но все еще очень сильны, были для него другія двѣ категоріи самозабвенія: упоеніе чужимъ творчествомъ и любовь. Въ этомъ самомъ порядкѣ онъ располагаетъ три очарованія, которыми еще манитъ его жизнь:

Порой опять гармоніей упьюсь (—собственное вдохновеніе),
Надъ вымысломъ слезами обольюсь (—наслажденіе искусствомъ),
И; можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной (—любовь).

Сальери въ точности повторяетъ первыя двѣ категоріи:

Какъ жажда смерти мучила меня—
„Что умирать?" я мнилъ: „быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ внезапные дары:
1) Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
2) Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое, и наслажуся имъ..."

Что изъ этихъ трехъ категорій сильнѣйшею было для Пушкина вдохновеніе, это видно хотя бы изъ его словъ о Чарскомъ, въ „Египетскихъ ночахъ": „Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда" — именно, когда находило на него вдохновеніе,—„и зналъ истинное счастіе". Чарскій болѣе всѣхъ персонажей Пушкинскаго творчества—его автопортретъ.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ трехъ Пушкинъ цѣнилъ одно: временную атрофію разума, ибо только въ этомъ одномъ блаженство любви („Вся жизнь—одна ли, двѣ ли ночи?") сходно съ тѣми двумя.

Показаніе Пушкина, основанное на личномъ опытѣ, драгоцѣнно для насъ и въ высшей степени поучительно. Оно имѣетъ всю цѣнность научной гипотезы, выведенной изъ добросовѣстныхъ наблюденій и экспериментовъ. Но какъ всякій итогъ одностороння̀го, т. е. единоличнаго опыта, оно можетъ притязать только на принципіальное значеніе. Конкретное содержаніе такого свидѣтельства нельзя принимать на вѣру; это

было бы тяжелой ошибкой. Намъ важно запомнить общее утвержденіе Пушкина, что высшую свободу и высшее счастье, какъ онъ узналъ въ своемъ личномъ опытѣ, человѣкъ обрѣтаетъ только съ утратою своего нынѣшняго разума. Но опытъ его въ этомъ дѣлѣ былъ односторонній: онъ зналъ преимущественно то состояніе безумія, которое дается вдохновеніемъ поэтическимъ, и въ общій законъ онъ возвелъ черты только этого знакомаго ему состоянія. Поэтому удивительная картина, которую онъ далъ въ пьесѣ „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума", не можетъ быть признана общеобязательной въ своихъ деталяхъ. Его путь—только одинъ изъ путей; есть много другихъ путей, есть другія категоріи безумія,—есть, можетъ быть, даже іерархія этихъ категорій, и только на высшей ступени открывается человѣку все царство блаженнаго безумія. Пушкинъ несомнѣнно бывалъ въ этомъ царствѣ, и не разъ, но видѣлъ только малую часть его.

Я думаю, Платонъ былъ правъ, когда въ „Федрѣ" отводилъ поэтическому вдохновенію высокое, но не высшее мѣсто: Изступленіе по Платону есть то состояніе человѣческой души, когда въ ней внезапно вспыхиваетъ воспоминаніе о мірѣ истинно-сущаго, который она нѣкогда созерцала воочію: тогда, опьяненная этимъ божественнымъ видѣніемъ, она впадаетъ въ восторгъ, въ экстазъ. Но это воспоминаніе можетъ быть, во-первыхъ, болѣе и менѣе отчетливымъ, членораздѣльнымъ, во-вторыхъ, болѣе и менѣе устойчивымъ и длительнымъ. По этимъ двумъ признакамъ Платонъ различаетъ четыре вида священнаго безумія. 1) изступленіе пророческое (религіозное), 2) очистительное (нравственное), 3) поэтическое, и 4) эротическое или собственно-философское. О вдохновеніи поэтовъ онъ говоритъ: „Третій видъ одержимости и изступленія бываетъ отъ музъ: овладѣвая нѣжною и дѣвственною душою, возбуждая и восторгая ее къ одамъ и другимъ стихотвореніямъ, и украшая въ нихъ безчисленныя событія старины, это изступленіе даетъ уроки потомству" Это—безуміе Пушкина.

ПУШКИНЪ И МЫ.

I. Нѣдра.

Повѣсть Андрея Бѣлаго „Котикъ Летаевъ"—необычайное явленіе не литературы только, но всего нашего самосознанія. Быть можетъ, впервые нашелся человѣкъ, задавшійся дерзкою мыслью подсмотрѣть и воспроизвести самую стихію человѣческаго духа. Потому что стихія эта въ своемъ ядрѣ есть нѣкій вихрь, который чрезъ безчисленныя уплотненія и воплощенія создаетъ всѣ тѣлесныя и духовныя формы человѣческой жизни; и если искусство никогда не довольствовалось изображеніемъ внѣшнихъ проявленій духа, если оно во всѣ вѣка стремилось вскрывать глубины,—то въ сердцевину, въ огненный центръ бытія, никто не пытался проникнуть, по крайней мѣрѣ сознательно. Андрей Бѣлый—первый художникъ, который поставилъ себѣ эту цѣль. Онъ изображаетъ жизнь ребенка отъ первыхъ дней. По его мысли, новорожденный младенецъ есть клочокъ запредѣльнаго, міровой атомъ, — вмѣстѣ и частица космоса, и самъ полный микрокосмъ; и онъ разсказываетъ, какъ этотъ атомъ стихіи пучится, расширяется и дѣлится внутри себя, какъ онъ, оставаясь единымъ, внутренно ширится и разжижается, и организуется—начально безформенный—въ ощущеніяхъ и чувствахъ, какъ уплотняются эти воздушныя теченія, излившіяся изъ стихійнаго ядра, и формируютъ личность, сознаніе, идеи. То, что мы называемъ ирраціональнымъ въ духѣ, показано намъ здѣсь непосредственно ad oculos, само по себѣ, а не чрезъ периферическія свои проявленія. Скульпторъ долженъ знать

анатомію, но онъ показываетъ намъ игру мускуловъ подъ кожею; Андрей Бѣлый удалилъ кожу, мышцы, онъ вскрылъ страшныя и безобразныя нѣдра, — онѣ лежатъ открытыя предъ нами и живыя, въ своей ужасной змѣиной подвижности. Есть что-то жуткое въ этомъ зрѣлищѣ, точно на глазахъ у насъ извиваются, клубятся, растутъ тупыя и могучія змѣи, пухнутъ и опадаютъ и кусаютъ другъ друга беззвучно. Эти змѣи—въ насъ, онѣ же преображаются въ ангеловъ нашей мечты и поютъ намъ райскія пѣсни поэзіи, изъ нихъ рождаются образы нашего строи- тельнаго разума; но сами, сами онѣ—какъ ужасны!

Нужно-ли показывать нѣдра? Мы до сихъ поръ не умѣли и не хотѣли ихъ видѣть; если нашелся человѣкъ, который умѣетъ, значитъ, это нужно, значитъ, пришелъ срокъ намъ ихъ видѣть. И святотатственный замыселъ этотъ созрѣвалъ вѣдь давно. Тридцать лѣтъ европейская мысль роетъ ходы вглубь; лозунгъ былъ брошенъ Ницше, и роютъ поэты, какъ Метерлинкъ, роетъ вся современная философія, не одинъ Бергсонъ. Въ ядрѣ все расплавлено и текуче, а изливы его въ сознаніи твердѣютъ: видно, стеклянная кора раціональнаго давитъ уже нестерпимо и духъ ищетъ освободиться отъ собственныхъ своихъ порожденій, ставшихъ его тиранами,—отъ оформленныхъ чувствъ и идей. И съ другой стороны, само сознаніе по-неволѣ обернулось къ своему истоку, во-первыхъ потому, что, изучая себя, узнало себя какъ производное и розысками незамѣтно было приведено въ нѣдра духа, во-вторыхъ потому, что послѣ вѣка неудачъ поняло свое практическое безсиліе и убѣдилось, что рычагъ человѣческой воли—въ ирраціональномъ. Такъ два наростающихъ движенія шли навстрѣчу другъ другу, одно изъ глубины, другое—изъ разума, и наступилъ день, когда очередная задача созрѣла. Повѣсть Андрея Бѣлаго—одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ его наступленія.

Это дѣло теперь не только нужно, но имъ однимъ можетъ быть спасена культура, ибо по-истинѣ пришелъ ея послѣдній часъ. Кто не видѣлъ опасности, тому должна была открыть глаза эта война. Раціональный разсчетъ, такой всесторонній,

осмотрительный, точный, жестоко обманулъ человѣчество,—оно видитъ себя банкротомъ. Теорія прогресса, основанная на убѣдительныхъ научныхъ выкладкахъ, вдругъ сорвалась въ бездну, и оказалось, что главнѣйшія-то силы не были учтены, больше того—были просто забыты, оставлены внѣ изученія и надзора. Пока наверху, въ свѣтѣ сознанія, возводился величественный храмъ культуры,—тамъ, въ нѣдрахъ духа, въ забытомъ пороховомъ погребѣ, на которомъ все стоитъ, развивались какіе-то ядовитые и опасные газы, и, восходя, они отравляли строившихъ; и вдругъ тамъ произошла чудовищная детонація—и на нашихъ глазахъ валятся стройныя громады зданія, и подъ ними гибнутъ милліоны вольныхъ и невольныхъ его строителей. Намъ надо спуститься внизъ, узнать эти темныя силы и дать имъ выходъ. Предъ лицомъ этой страшной войны нѣтъ важнѣйшей задачи, какъ раскрыть нѣдра—впервые въ исторіи человѣчества.

Но какъ ужасна эта работа, какъ противна чувству! Это хирургія спасительная и страшная. О, если бы скорѣе ножъ кончилъ свое дѣло и рана зажила, чтобы намъ снова не видѣть нѣдръ! потому что онѣ должны быть закрыты, утаены отъ свѣта и сознанія: таковъ законъ жизни. Когда онѣ здоровы, человѣкъ не помнитъ о нихъ, хотя ими живедъ; и благо ему. Наше время — и еще надолго впередъ — обречено не жить, а лѣчить роковую болѣзнь духа, и тутъ будутъ больше всего нужны небрезгливость и безстрашіе хирурга. Они нужны всѣмъ, не только Андрею Бѣлому, взявшему въ руки ножъ, но и намъ, потому что этотъ ножъ вскрываетъ всенародно н а ш и нѣдра, и мы, доселѣ не знавшіе ихъ, разъ увидавъ, уже никогда не забудемъ, что̀ мы носимъ въ себѣ, чѣмъ живемъ. Я вѣрю — человѣкъ исцѣлится и снова на время станетъ безпеченъ по сравненію съ нами; но прежняго, полнаго забвенія уже не будетъ. Не надо жалѣть о немъ; но почему не сказать, что оно было законно и прекрасно?

Эсхилъ и Шекспиръ не раскрывали нѣдръ, но только давали осязать ихъ глубокія и могучія движенія сквозь кожу цвѣтущихъ, прекрасно обнаженныхъ тѣлъ, и душа зрителя содрогалась,

въ то время какъ взоръ его упивался прелестью божественныхъ формъ. Вспомнимъ ближайшее къ намъ, совсѣмъ недавнее,— нашего Пушкина. Между повѣстью Андрея Бѣлаго и поэмой Пушкина - то же различіе, какъ между видомъ глубоко раскрытой раны и видомъ зардѣвшаго лица прелестной дѣвушки. И Пушкинъ, не хуже насъ, умѣлъ видѣть огненное ядро духа и зналъ, что наружная жизнь творится въ этомъ горнилѣ. Но тогда художнику еще можно было быть ваятелемъ, а не хирургомъ; Пушкину еще не было надобности удалять естественные покровы—напротивъ, онъ воспроизводилъ ихъ съ любовью, только давалъ тѣмъ внутреннимъ напряженіямъ просвѣчивать сквозь нихъ. Именно такъ живетъ человѣкъ, и дѣло Пушкина есть подлинное искусство: обнаруженіе сущностей въ явленіяхъ.

От̀ъ Пушкина до Андрея Бѣлаго—вотъ нашъ путь за сто лѣтъ.

2. Умные звуки.

Нынѣшній лозунгъ гласитъ, что сознаніе должно войти въ ирраціональную жизнь духа и изслѣдовать ее, чтобы овладѣть ею. Одно изъ очарованій поэзіи Пушкина составляютъ какъ разъ безсознательныя проявленія ирраціональныхъ движеній его души. Здѣсь искателя ждетъ обильная добыча.

Наши современные поэты, кажется, признаютъ за правило, что каждый поэтическій сюжетъ самъ избираетъ себѣ соотвѣтственный стихотворный размѣръ, что, слѣдовательно, два различныхъ настроенія должны быть выражены и въ различныхъ размѣрахъ. Отчасти это, можетъ быть, и вѣрно: во всякомъ случаѣ, въ литературѣ встрѣчаются поразительныя совпаденія такого рода. У нѣмецкаго поэта Платена есть стихотвореніе „Tristan“, мало кому извѣстное теперь. Вотъ первыя двѣ строфы его по-русски, размѣромъ подлинника:

Тотъ, кто зрѣлъ прекрасное очами,
Обреченъ уже могилѣ хладной;
Онъ бредетъ какъ мертвый между нами,
Но страшится смерти безотрадной,—
Тотъ, кто зрѣлъ прекрасное очами.

Не смирить ему любви томленья,
Ибо пылъ своей священной жажды
Чѣмъ потушитъ онъ въ юдоли тлѣнья?
Красоту кто созерцалъ однажды—
Не смирить ему любви томленья.

На ту же тему есть стихотвореніе у Вяч. Иванова. Послѣдній, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, никогда до того не читалъ пьесу Платена: не чудо-ли, что для изображенія той же мысли (или душевнаго состоянія) онъ прибѣгъ къ тому же самому ритму? Стихотвореніе Вяч. Иванова находится въ первомъ томѣ его „Cor ardens“ подъ заглавіемъ „Taedium phaenomeni“:

Кто позналъ тоску земныхъ явленій,
Тотъ позналъ явленій красоту.
Въ буйномъ вихрѣ вожделѣній,
Жизнь хватая на-лету,
Слѣпы мы на красоту явленій.

Кто позналъ явленій красоту,
Тотъ позналъ мечту Гиперборея:
Тишину и полноту
Въ сердце сладостно лелѣя,
Онъ зоветъ лазурь и пустоту,

и т. д.

И если, при тожествѣ ритма, стихотворный размѣръ у обоихъ поэтовъ различенъ, то болѣе внимательное изученіе идей, выраженныхъ въ той и въ другой пьесѣ, обнаружило бы закономѣрность и этого различія (у Платена—совершенная безысходность тоски, у Вяч. Иванова — свѣтлое разрѣшеніе ея, предначенное съ самаго начала).

Но какъ ни доказательны такіе примѣры, законъ этотъ все-таки не универсаленъ. Поэзія Пушкина—живое опроверженіе его.

Для Пушкина размѣръ стиха, повидимому, безразличенъ; тѣмъ же размѣромъ онъ описываетъ и разставаніе съ любимой женщиной („Для береговъ отчизны дальной“), и охоту кота за мышью (въ „Графѣ Нулинѣ“), встрѣчу ангела съ демономъ—и плѣннаго чижика, который

Зерно клюетъ и брыжжетъ воду
И пѣснью тѣшится живой.

Тождественны по размѣру „Воротился ночью мельникъ" и „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный". Онъ вообще несравненно бѣднѣе размѣрами, нежели любой изъ современныхъ намъ поэтовъ. Дѣло въ томъ, что внѣшнее разнообразіе онъ замѣнялъ внутреннимъ, т.-е. специфическимъ каждый разъ движеніемъ стиха. Огромную роль здѣсь играла, конечно, ритмика, т.-е. характеръ чередованія ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ; но этотъ принципъ, чисто-количественный, самъ по себѣ неспособенъ обезпечить стиху душевную выразительность; напротивъ, онъ формаленъ и мертвенъ. Онъ становится могучимъ орудіемъ поэзіи только въ сочетаніи съ окраскою звуковъ, т.-е. съ характеромъ чередующихся гласныхъ, и если ритмика, формальное начало, въ значительной мѣрѣ подчинена сознанію, можетъ быть изучена и сознательно усвоена, то чередованіе гласныхъ всецѣло опредѣляется ритмомъ чувства, т.-е. какими-то ирраціональными движеніями, которыя совершенно не подчиняются анализу и выучкѣ. Здѣсь господствуетъ строжайшая закономѣрность, совершенно непостижимая, хотя и вполнѣ ощутительная въ своемъ проявленіи; здѣсь обманъ невозможенъ: тонкое ухо безошибочно услышитъ полноту и своеобразіе чувства въ закономѣрности чередованія звуковъ, которой не можетъ поддѣлать даже геніальный поэтъ. Я не могу объяснить, почему стихъ: „Для береговъ отчизны дальной" кажется мнѣ абсолютно-закономѣрнымъ, непреложной закономѣрностью самой природы, но я чувствую, что этотъ рядъ гласныхъ, именно въ этомъ порядкѣ, непогрѣшимо-мѣтокъ, что малѣйшее измѣненіе въ немъ, замѣна хоть одной гласной другою, было бы рѣзкимъ диссонансомъ.

Въ этомъ отношеніи Пушкинъ недосягаемо высокъ. Его лучшіе стихи обнаруживаютъ въ чередованіи гласныхъ такую непреложную внутреннюю принудительность, которая дѣлаетъ ихъ похожими на явленія природы. И признакъ этотъ, быть можетъ,—важнѣйшій въ поэзіи Пушкина, такъ какъ онъ, во-первыхъ, гарантируетъ совершенную подлинность чувства, выражаемаго въ

стихѣ, и, во-вторыхъ, обезпечиваетъ совершенную послушность звуковъ чувству, такъ, что чувство это полностью и незасореннымъ переливается изъ души поэта черезъ звукъ и слухъ (или зрѣніе) въ душу читателя. При слабомъ настроеніи разнообразныя силы души дѣйствуютъ вяло и небрежно; но могучее напряженіе чувства мобилизуетъ ихъ и всецѣло покоряетъ себѣ: тогда всякій органъ духа,—а въ поэтѣ особенно органъ, завѣдующій звуками,—какъ бы утрачиваетъ свою самочинную волю, и, подобно подмастерью, который самъ загорѣлся творческимъ замысломъ хозяина, подаетъ созидающему чувству не случайныя орудія, а въ каждую минуту именно тотъ инструментъ, какой нуженъ. Такъ, мнѣ кажется, съ непреложной закономѣрностью служитъ звуковой органъ вдохновенію поэта, причемъ эта работа совершается вполнѣ безотчетно.

Въ большинствѣ случаевъ мы только чувствуемъ это соотвѣтствіе звуковъ чувству. Чѣмъ оно органичнѣе, тѣмъ оно тоньше и неуловимѣй. Лишь изрѣдка оно явно выступаетъ на поверхность рѣзкими чертами, и тогда мы можемъ осмыслить его, хотя всегда лишь субъективно. Такъ, я слышу внутреннюю закономѣрность звуковъ, которые Пушкинъ, конечно безсознательно, влагаетъ въ уста Вальсингама (въ „Пирѣ во время чумы“), въ этомъ многократно повторенномъ, сердце разрывающемъ а:

> я здѣсь удержанъ
> Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
> Сознаньемъ беззаконья моего...

Я слышу непреклонную рѣшимость насилія въ бездушно-плоскомъ е стиха:

> Но человѣка человѣкъ,

и безпощадное толканіе впередъ, все впередъ, въ самое жерло гибели, въ слѣдующемъ затѣмъ многократномъ а:

> Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ...

Можно было бы привести много примѣровъ такого субъективнаго пониманія, но я ограничусь еще только однимъ, съ той цѣлью, чтобы показать въ поэзіи Пущкина наличност

также и психологически-выразительныхъ **согласныхъ**. Я говорю о памятномъ, конечно, многимъ стихотвореніи „Наперсникъ". Оно относится, повидимому, къ граф. Закревской; эта зрѣлая тогда обольстительная и развратная женщина, играя Пушкинымъ, очевидно дразнила его чувственность откровенными разсказами о своихъ былыхъ любовныхъ похожденіяхъ. Восьмистишіе Пушкина, посвященное ей, выдаетъ его эротическую раздраженность многочисленными **з** и **ж**:

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

Эти слова, полныя **з** и **ж**, особенно въ первой строфѣ, напоминаютъ то сладкое и мучительное чувство, которое человѣкъ испытываетъ, расчесывая зудящее мѣсто; они напоминаютъ слова: жалить, жало, жженіе, жужжаніе, зазубрина, заноза,— какое-то мелко-острое накожное раздраженіе. И это также, разумѣется, не единственный случай явной закономѣрности согласныхъ у Пушкина; такія наблюденія легко можетъ сдѣлать всякій при внимательномъ чтеніи его стиховъ.

3. „Бѣдный рыцарь".

Что Пушкинъ умѣлъ также ясно различать иррацiональныя движенія своего духа и сознательно воспроизводить ихъ въ своей поэзіи, это разумѣется само собою: иначе онъ не былъ бы поэтомъ. Мюссе однажды сказалъ о лирическомъ поэтѣ, что онъ ловитъ на лету біенія сердца, длящіяся мигъ; и такъ создается вѣдь всякое художественное произведеніе. Но Пушкинъ умѣлъ не только ловить на лету свои душевныя состоянія: онъ умѣлъ также подмѣчать ихъ зарожденіе и развитіе. Приведу и здѣсь только одинъ примѣръ для поясненія.

Замыселъ „Бахчисарайскаго фонтана“ несомнѣнно автобіографиченъ. Грѣшный человѣкъ встрѣчаетъ на своемъ пути дѣвушку—„генія чистой красоты“, и образъ ея навсегда запечатлѣвается въ его душѣ: таковъ сюжетъ поэмы. Все ея содержаніе сжато въ четыре стиха:

Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.

Такъ врѣзался въ сердце Гирею образъ Маріи. Послѣ ея смерти онъ снова предпринимаетъ, какъ раньше, кровавые набѣги, но онъ уже не тотъ, чѣмъ былъ,—

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Эта тема, какъ видно, сильно занимала Пушкина. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернулся къ ней, и изобразилъ ту же встрѣчу съ тѣмъ же послѣдствіемъ ея, но уже не въ конкретной, а въ типической формѣ, какъ встрѣчу демона съ ангеломъ. Тотъ самый демонъ, который ничего не хотѣлъ благословить во всей природѣ (ибо Пушкинъ сознательно связалъ свое стих. „Ангелъ“ со своимъ же раннимъ стихотвореніемъ „Демонъ“), увидавъ ангела, преклоняется передъ нимъ. И онъ послѣ этой встрѣчи иной, чѣмъ раньше, и въ немъ вспыхнуло „божественное чувство“.

И снова, спустя годы, Пушкинъ возвращается къ этой темѣ въ первой редакціи „Бѣднаго рыцаря“. Если первая обработка ея, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, была совершенно реалистична, а вторая, въ „Ангелѣ“, символична, то „Бѣлый рыцарь“ отличенъ отъ обѣихъ: здѣсь уже нѣтъ дуализма, здѣсь небесное начало непосредственно нисходитъ въ земную жизнь и преоб-

ражаетъ ее. Для своей цѣли Пушкинъ воспользовался средневѣковыми преданіями о рыцаряхъ, экстатически влюблявшихся въ Мадонну. Бѣдный рыцарь увидалъ Дѣву Марію въ галлюцинаціи, на пути въ Женеву, и образъ ея глубоко врѣзался ему въ сердце. Онъ влюбленъ въ нее, его чувство наполовину земное: онъ цѣлыя ночи проводитъ передъ ея иконой, не сводя глазъ и тихо лія слезы, онъ въ сраженіяхъ выкликаетъ ея имя, какъ имя своей дамы; и такъ, „все влюбленный", онъ умираетъ. Эта первая редакція „Бѣднаго рыцаря" была написана, вѣроятно, въ 1830 году. Пять лѣтъ спустя, Пушкинъ передѣлалъ „Бѣднаго рыцаря", придавъ ему ту форму, въ какой онъ теперь всѣмъ извѣстенъ. Здѣсь образъ рыцаря очищенъ отъ всего земного, высоко поднятъ надъ дольнимъ міромъ. Въ его видѣніи нѣтъ уже ни одной конкретной черты,—только „видѣнье, непостижное уму", и нѣтъ никакихъ конкретныхъ чертъ также въ его поклоненіи, нѣтъ иконы, нѣтъ „влюбленности",—только одна тонкая нить еще связываетъ его съ реальною средою, съ рыцарствомъ: Палестина, сраженіе съ мусульманами и кличъ: „Lumen coeli, Sancta rosa". Такъ Пушкинъ самъ постепенно съ годами уразумѣлъ въ себѣ природу того божественнаго чувства. То самое душевное состояніе, которое онъ въ Гиреѣ показалъ намъ, какъ страсть (такъ онъ въ ту пору, конечно, сознавалъ его въ себѣ), онъ подъ конецъ понялъ, какъ экстазъ чистѣйшей духовности, рождающійся въ душѣ помимо всего земного.

Но и въ ранней, и въ поздней стадіи онъ изображалъ этотъ процессъ сквозь покровы, не обнажая нѣдръ. Еще не нужно было; еще духъ былъ сравнительно здоровъ, и самый этотъ процессъ зарожденія „божественнаго чувства" былъ явленіемъ здоровья. Въ греческой статуѣ движенія нѣдръ выявлены, но и наглухо скрыты, прекрасною плотью; оттого эта статуя уже почти пугаетъ насъ своимъ непреклоннымъ совершенствомъ. Пушкинъ несравненно роднѣе намъ,—онъ весь просвѣчиваетъ и играетъ игрою внутреннихъ силъ, волненіемъ крови, явно не видной. Мы познаемъ его такъ же, какъ познаемъ нашего ближняго, только несравненно глубже,—но не такъ, какъ зна-

емъ (или можемъ знать) самихъ себя. Оттого Пушкина легко полюбить. Теперь художникъ хочетъ показывать намъ душу въ непосредственномъ видѣніи; искусство болѣе, чѣмъ когда-нибудь, становится діагнозомъ, и это новое искусство, необходимое и благотворное, будетъ на первыхъ порахъ пугать людей своей безстрашной правдой. Тѣмъ съ большимъ умиленіемъ будутъ люди возвращаться къ Пушкину, не затѣмъ, чтобы въ его поэзіи забывать настоящее, но чтобы черпать у него крѣпкую вѣру въ человѣка.

ПИКОВАЯ ДАМА.

I.

Зачѣмъ понадобилось Пушкину разсказать такой странный, мало-правдоподобный анекдотъ? Или въ самомъ дѣлѣ это—не болѣе, какъ „шалость геніальнаго пера", подобно „Графу Нулину", хотя и въ другомъ, фантастическомъ родѣ? Бѣлинскій писалъ о „Пиковой дамѣ": „Собственно, это не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе „Пиковой дамы" слишкомъ исключительно и случайно"; но анекдотъ, прибавляетъ онъ, мастерски разсказанный. Какъ бы хорошо ни былъ разсказанъ анекдотъ, какъ бы тонко ни были очерчены дѣйствующія въ немъ лица, отъ этого сущность анекдота не мѣняется: его содержаніе всецѣло исчерпывается фабулой; онъ лишенъ художественной идеи. Итакъ, Бѣлинскій хотѣлъ сказать, что въ „Пиковой дамѣ" нѣтъ художественной идеи, а есть только мастерски изложенная фабула.

Если бы это было такъ, „Пиковую даму" надо было бы признать исключеніемъ среди творчества зрѣлой поры Пушкина. Сюжетъ этой повѣсти, разсматриваемый какъ фабула, как ъ разсказъ о фактахъ, есть прямая нелѣпость. Эта старуха, знающая три вѣрныя карты, появленіе ея посмертной тѣни передъ Германомъ—что это: объективно разсказанныя происшествія, или намѣренная фантастика? Въ обоихъ случаяхъ факты слишкомъ невѣроятны, чтобы Пушкинъ, съ его трезвымъ умомъ, съ его любовью къ простому и реальному, могъ соблазниться такимъ Гофмановскимъ сюжетомъ. Какъ „анек-

дотъ", „Пиковая дама" представляла бы плохую и не идущую къ Пушкину выдумку. Но „Пиковая дама"—совсѣмъ не анекдотъ: на этотъ разъ Бѣлинскій ошибся.

2.

За ужиномъ, послѣ картъ въ офицерской компаніи, Томскій разсказалъ анекдотъ о своей бабушкѣ, какъ она въ молодости, прожигая жизнь съ мужемъ въ Парижѣ, проиграла однажды герцогу Орлеанскому большую сумму, какъ мужъ отказался платить и она въ отчаяніи рѣшилась на скользкій шагъ—обратиться къ графу Сенъ-Жермэну, который слылъ за чудодѣя, но, впрочемъ, „былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный"; и будто бы графъ выручилъ ее, открывъ ей тайну трехъ вѣрныхъ картъ, что и помогло ей отыграться; и будто тайны этой она потомъ никому не открывала, даже своимъ четыремъ сыновьямъ, которые всѣ были отчаянные игроки,—открыла только разъ молодому Чаплицкому, когда онъ сильно проигрался, и тѣмъ дѣйствительно спасла его.

Разумѣется, пустая сказка, шитая бѣлыми нитками. Какой-нибудь положительный, пошловатый человѣкъ, выслушавъ ее, вѣроятно, подумалъ бы: „Знаемъ мы эти чудеса. Разумѣется, Сенъ-Жермэнъ просто далъ ей деньги за нѣжную плату, а Чаплицкому она сама въ трудную минуту помогла за снисхожденіе къ ея увядшимъ прелестямъ. Миѳъ о трехъ картахъ пущенъ въ ходъ, конечно, ею самой, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно не лишенъ остроумія".

Такъ, вѣроятно, и подумали слушатели, и, можетъ-быть, они были правы. Пушкинъ намѣренно оставляетъ факты подъ дымкою. О чемъ говорила наединѣ молодая красавица съ Сенъ-Жермэномъ, этого, разумѣется, никто не могъ знать,—развѣ что она сама потомъ разсказала; а случай съ Чаплицкимъ Томскій передаетъ со словъ своего дяди, графа Ивана Ильича, который „увѣрялъ его въ томъ честью".

Итакъ, вся исторія о трехъ таинственныхъ картахъ предста-

вляла собою, вѣроятно, не болѣе, какъ комочекъ житейской пошлости. Остальные присутствовавшіе взглянули, увидали комочекъ пошлости или, на иной взглядъ, обыденнаго быта, и безъ особеннаго вниманія прошли мимо. Но одному изъ слушателей анекдотъ глубоко запалъ въ память—и здѣсь, въ душѣ, насыщенной взрывчатыми газами, комочекъ грязи получилъ силу динамита. Онъ разорветъ вдребезги эту душу и всего человѣка.

Таковъ художественный замыселъ „Пиковой дамы“: соприкосновеніе души, опредѣленно настроенной, съ соотвѣтствующимъ этому настроенію элементомъ дѣйствительности. Вся грядущая драма Германа—его безуміе и гибель—уже до начала дѣйствія заложена въ его душѣ потенціально, но для того, чтобы она разразилась, нуженъ толчокъ извнѣ, хотя бы самый незначительный. Въ высшей степени любопытно видѣть, съ какимъ стараніемъ Пушкинъ позаботился ослабить этотъ внѣшній толчокъ. Добро бы Герману предсталъ живой кусокъ дѣйствительности: здѣсь было бы, по крайней мѣрѣ, непосредственное впечатлѣніе, способное увлечь наперекоръ разсудку. Но нѣтъ, душа Германа вспыхиваетъ отъ пустой, явно выдуманной сказки, разсказанной легкомысленнымъ офицеромъ предъ разъѣздомъ.

Обликъ Томскаго, обстановка, въ которой онъ разсказываетъ свой анекдотъ, и самый характеръ его разсказа—все это какъ бы снимаетъ съ реальности одну оболочку за другой, чтобы оставить только тѣнь реальности. И этой тѣни оказалось довольно, чтобы сыграть для Германа роль искры, брошенной въ пороховой погребъ. Пушкинъ какъ бы хочетъ сказать: мы всѣ ходимъ ежеминутно готовые для драмы; наша насыщенная страстью душа жадно ищетъ въ мірѣ пищи для своей страсти—такъ жадно, что даже тѣнь вещи способна соблазнить ее, и тогда она мгновенно вспыхиваетъ вся и сгораетъ въ мучительномъ счастіи, одна медленнѣе, другая сразу, какъ этотъ Германъ. Таковъ законъ человѣческаго духа. Таковъ, между прочимъ,—это всѣ знаютъ—законъ любви; такъ Таня уже до встрѣчи съ

Онѣгинымъ была готова для любви: „Душа ждала... кого-нибудь“.

Та исключительность и случайность, которую Бѣлинскій ставитъ въ вину „Пиковой дамѣ“—очевидно только кажущаяся: здѣсь есть преувеличеніе въ количествѣ, но оно служитъ только для болѣе рѣзкаго обнаруженія вѣчной нормы—того непреложнаго закона, которому подчинена жизнь человѣческой души. Въ этомъ свойствѣ ея—отъ соприкосновенія съ подходящимъ элементомъ дѣйствительности загораться пожаромъ, испепеляющимъ и ее самое, и все смежное съ ней въ мірѣ,—залогъ ея могущества и корень ея безумія. Человѣкъ толпы живетъ мелкими вспышками, медленно тлѣя; чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ больше горючаго матеріала въ ней и тѣмъ неизбѣжнѣе она сгоритъ вся отъ ничтожнѣйшаго толчка извнѣ. Не такъ ли и душа самого Пушкина подъ конецъ была насыщена и готова для драмы, такъ что пошлѣйшей интриги оказалось довольно, чтобы взорвать его и испепелить?

3.

Съ той минуты, какъ душа Германа соприкоснулась съ нужнымъ ей отрывкомъ дѣйствительности (въ данномъ случаѣ—даже только съ „тѣнью вещи“), онъ уже не владѣетъ собою: онъ одержимъ, онъ обезумѣлъ, и быстро переходитъ къ дѣйствію, къ безумному дѣйствію, совмѣщающему въ себѣ два убійства—обманъ Лизаветы Ивановны и смерть графини.

Смертью старухи завершается первый актъ драмы. Она еще не кончена, ея роковая развязка впереди. Сознаніе, что тайна утеряна навѣки, не только не гаситъ пожара въ душѣ Германа, но, наоборотъ, разжигаетъ его. Эта внѣшняя неудача дѣлаетъ только то, что его энергія, направившаяся было на дѣйствіе, теперь вся сосредоточивается внутри его, еще безконечно болѣе напряженная. Такъ Пушкинъ говоритъ и о любви Маши Троекуровой къ Дубровскому: „Она не была еще влюблена, но при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы пламя

страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ". Такъ и Таня, убѣдившись въ равнодушіи Онѣгина, не только не остываетъ:—

Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ.

Всюду тѣ же двѣ стадіи хотѣнія или страсти: она сначала неопытно рвется наружу, а потомъ, встрѣтивъ преграду, уходитъ внутрь, и именно тамъ, въ этой второй стадіи, достигаетъ зенита.

Какая глубокая правда въ этомъ! И какъ вѣрно изображенъ въ „Пиковой дамѣ" весь этотъ переходъ отъ внѣшняго обнаруженія страсти—черезъ поступокъ (типичная для всякой страсти первая попытка осуществленія) къ внутреннему ея разгару, гдѣ самый поступокъ своими многообразными послѣдствіями весь идетъ на ея усиленіе. Смерть старухи, боязнь ея загробной мести, присутствіе на ея похоронахъ, ея щурящійся глазъ, разстройство нервовъ отъ этого видѣнія, излишне выпитое вино—всѣ эти мелкія событія съ неотразимой послѣдовательностью вытекаютъ изъ поступка и, какъ шпоры коня, гонятъ обреченную душу въ пропасть. Этотъ поднятый поступкомъ вихрь тревожныхъ, полубезумныхъ чувствъ окончательно отдаетъ Германа во власть его навязчивой идеи; и тутъ какъ нельзя естественнѣе возникаетъ въ немъ галлюцинація, въ которой наконецъ разрѣшается безмѣрное напряженіе его воли. Въ этой галлюцинаціи нѣтъ и тѣни фантастики: она реальна или психологична до малѣйшей черты. Лучшее въ ней то, что старуха говоритъ: „Я пришла къ тебѣ противъ своей воли: мнѣ велѣно исполнить твою просьбу". Такъ—какъ высшее велѣніе—долженъ былъ чувствовать Германъ свою страсть; такъ, болѣе или менѣе отчетливо, чувствуетъ каждый человѣкъ свое непреодолимое хотѣніе. Все остальное, что говоритъ старуха, внушено Герману его памятью и безсознательнымъ чувствомъ. Она велитъ ему ставить тѣ три карты одну за другою и послѣ того уже никогда не играть: это тѣ самыя условія, которыя она, по разсказу Томскаго, поставила Чаплицкому; и еще она велитъ ему жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ: такъ

разстроенный мозгъ Германа отразилъ въ себѣ его страхъ передъ убитой имъ и, можетъ-быть, его смутное чувство вины предъ оскорбленной имъ дѣвушкой. Что въ галлюцинаціи ему померещились эти, а не другія три карты, это, конечно, случайность: не все ли равно, какія?

Но вотъ что странно: эти случайныя карты дѣйствительно даютъ ему выигрышъ. Что это: случайность?—Я думаю, нѣтъ. Мысль, руководившая Пушкинымъ, представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Страсть Германа, подстрекаемая внѣшними обстоятельствами, вошла внутрь и здѣсь достигла своего апогея; на высшей своей точкѣ она рождаетъ галлюцинацію, которая и разрѣшаетъ мучительную полноту чувства тѣмъ, что даетъ Герману иллюзію объективности. Таковъ вѣчный законъ человѣческаго духа: всякое хотѣніе порождаетъ иллюзію объективности—объективной истины или объективнаго блага; притомъ, чѣмъ напряженнѣе хотѣніе, тѣмъ увѣреннѣе сама объективація. Увѣренность Германа въ объективной истинѣ померещившихся ему картъ безпредѣльна, въ соотвѣтствіи съ необычайной напряженностью его мечты. Онъ абсолютно увѣренъ въ своихъ трехъ картахъ—такъ увѣренъ, что сразу ставитъ на первую карту, очевидно, весь свой капиталъ—47 тысячъ,—онъ, жившій до сихъ поръ однимъ жалованьемъ, не трогавшій даже процентовъ съ наслѣдства, никогда не рисковавшій играть въ карты. И мнѣ кажется, что, по мысли Пушкина, самъ космосъ склоняется передъ такой непреклонной вѣрой, слѣпой случай, какъ песъ, лижетъ властную руку: вотъ почему Германъ выигрываетъ. Германъ могъ выиграть и на третьей картѣ, могъ и не выиграть по собственной оплошности, какъ дѣйствительно случилось; на этой безумной высотѣ у человѣка не можетъ не кружиться голова, ему слишкомъ легко оступиться; но горе ему, если онъ оступился: малѣйшій невѣрный шагъ,—движеніе Наполеона на Москву или, какъ здѣсь, ошибочно вынутая карта—и онъ летитъ въ бездну, увлекаемый порожденіями собственнаго возмущеннаго духа. Что Герману открылась пиковая дама, это была, ко-

нечно, чистая случайность, да и видъ этой карты вѣроятно не имѣлъ никакого сходства съ мертвой старухой въ гробу; все равно—разъ сорвавшись съ высоты, человѣкъ долженъ погибнуть, и тогда для гибели ему достаточно любого внутренняго образа, самаго ничтожнаго или обманчиваго. Ихъ много, больныхъ и призрачныхъ, въ мозгу маніака.

Слово маніакъ здѣсь, можетъ-быть, неумѣстно. Всякій человѣкъ—болѣе или менѣе маніакъ въ каждомъ своемъ хотѣніи. Пушкинъ, повторяю, избралъ форму настоящей маніи только затѣмъ, чтобы нагляднѣе представить универсалвный законъ, по которому растетъ и дѣйствуетъ человѣческое хотѣніе.

Анекдотъ Томскаго, равнодушно выслушанный другими, но взорвавшій душу Германа, приводитъ на память другой сюжетъ Пушкина. Онъ самъ разсказалъ, что написалъ „Графа Нулина" съ цѣлью пародировать исторію Тарквинія и Лукреціи. Замыселъ этой поэмы нетрудно разгадать. Вотъ происшествіе: насиліе Тарквинія надъ Лукреціей; это происшествіе явилось причиною громадныхъ историческихъ событій. Что-же: должны ли мы думать, что въ самой сущности его были заложены и неизбѣжность, и самый характеръ этихъ всемірныхъ послѣдствій, какъ въ маломъ зернѣ—весь будущій колосъ? Но вѣдь точно такія же зерна, какъ это, попадаются намъ всюду; стоитъ только нагнуться, чтобы подобрать такое зерно. Нѣтъ ничего легче, какъ взять одно изъ нихъ и изслѣдовать его, такъ сказать, химически; тогда будетъ ясно, присуща ли ему въ самомъ дѣлѣ творческая сила этого опредѣленнаго порядка. Зерно-событіе—попытка посторонняго мужчины овладѣть замужней женщиной; и вотъ Пушкинъ беретъ такое же зерно и на глазахъ читателя разлагаетъ его на составныя части. Весь анализъ онъ производитъ сравнительно: вотъ историческое зерно—Тарквиній-Лукреція, и вотъ экспериментальное зерно—графъ Нулинъ—Наталья Павловна. До половины анализъ обоихъ совпадаетъ вполнѣ: тамъ и здѣсь—отлучка мужа, пріѣздъ сластолюбца, его бесѣда съ женою, ея рукопожатіе, его ночное возбужденіе, наконецъ его преступная попытка. Но тутъ, въ кульминаціонномъ пунктѣ,

тожество вдругъ прерывается: Лукреція поддалась насилію, Наталья Павловна отражаетъ насиліе. Вслѣдствіе этого крошечнаго отклоненія дальнѣйшій ходъ происшествія даетъ въ обоихъ случаяхъ двѣ далеко расходящіяся линіи—тамъ трагедію, сперва только личную, а въ послѣдствіяхъ своихъ—и міровую, здѣсь—анекдотъ, разрѣшающійся смѣхомъ. Итакъ, не самое происшествіе по существу, а только одна микроскопическая часть его послужила причиною историческихъ событій; и эта частность въ немъ—вовсе не органическая: она случайна; она была, но могла и не быть; вѣдь чистая случайность, что Лукреціи „не пришло въ голову" то, что „пришло въ голову" пустенькой Наталіи Павловнѣ,—дать пощечину насильнику. Изъ этой-то микроскопической случайности развился колоссальный рядъ потрясеній—изгнаніе царей изъ Рима, установленіе республики, и т. д.; она, такая ничтожная, своими послѣдствіями перевернула міръ.

Итакъ, Пушкинъ экспериментальнымъ путемъ выдѣлилъ подлинное творческое ядро событія—и оно оказалось еле замѣтной пылинкой, какими полна человѣческая жизнь. Обыкновенная пылинка оказалась заряженной динамитомъ; попавъ въ ту среду: Римъ, цари, Брутъ,—въ среду, очевидно благопріятную для взрыва, она вызвала мѣстный и потомъ всеобщій взрывъ. Не таковъ ли всеобщій законъ человѣческой жизни, личный и исторической? Вся она состоитъ изъ пылинокъ,—изъ происшествій, индивидуальныхъ поступковъ и случайностей, и каждая пылинка по составу своему—динамитъ: все дѣло въ томъ, попадетъ ли она въ горючій матеріалъ, или не попадетъ. Вотъ эта колоссальная взрывчатая сущность каждаго матеріальнаго атома и поразила Пушкина въ драмѣ Лукреціи; отсюда—замыселъ его поэмы.

4.

Первые наброски „Пиковой дамы" находятся въ тетради Пушкина, занятой произведеніями 1832—33 годовъ („Галубъ",

„Родословная моего героя“, „Воевода“). Надо думать, что повѣсть была и начата, и кончена осенью 1833 года. Появилась она во II книгѣ „Библіотеки для чтенія“ 1834 года (ценз. помѣта: 31 генваря 1834). Вотъ эти первоначальные наброски [1]).

Первый набросокъ.

(Года два) (Лѣтъ 5) Года 4 тому назадъ (жилъ я (находясь) въ П. Б. и велъ я жизнь (очень) довольно безпорядочную). (Въ П. Б.) собралось насъ въ П. Б. нѣсколько молодыхъ людей (независимыхъ по состоянію) (связанныхъ) (недавно сближенныхъ) между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно безпорядочную. Обѣдали у Андріэ безъ аппетита, пили безъ (завлеченія) веселости, ѣздили къ С. А. (безъ нужды) (чтобы позѣвать и) побѣсить (ее) бѣдную старуху своею притворной безразборчивостію; день убивали кое-какъ, а вечеромъ по очереди собирались другъ у друга (и до зари) (и всю ночь проводили за картами).

Второй набросокъ.

Теперь позвольте мнѣ покороче (ближе) познакомить васъ съ героиней моей повѣсти.

Въ одной изъ etc.

(Шарлота Миллеръ была четвертая дочь (обанкрутившагося) обрусѣвшаго нѣмца). Отецъ ея былъ нѣкогда купцомъ второй гильдіи (потомъ учителемъ въ кад. корп.), потомъ аптекаремъ, потомъ директоромъ пансіона, наконецъ (журналистомъ) корректоромъ въ типографіи и умеръ, оставивъ (женѣ) кой-какіе долги (и нѣсколько рукописей, касающихся ботаники) и довольно полное собраніе бабочекъ и насѣкомыхъ. Онъ былъ человѣкъ добрый (и честный) и имѣлъ много основательныхъ свѣдѣній, которыя ни къ чему хорошему (его) не привели. (Вдова

---

[1]) Воспроизвожу по рук. Румянц. музея № 2373.

его, продавъ рукописи лавочнику) расплатилась съ табачной лавочкой и стала (жить) кормиться съ Шарлотою (трудами своихъ рукъ). Германъ жилъ (съ ними) на одномъ дворѣ съ его вдовою, познакомился съ Шарлотой, и скоро они полюбили другъ друга, какъ только нѣмцы могутъ еще любить въ наше время.

Но въ сей день, или справедливѣе etc. И когда милая нѣмочка отдернула бѣлую занавѣску (окна своего), Германъ не явился у своего васисдаса и не привѣтствовалъ ее обычной улыбкою.

Отецъ его, обрусѣвшій нѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя (60 тысячъ капиталу) маленькій капиталъ; Германъ оставилъ ихъ въ ломбардѣ, не касаясь и процентовъ, а жилъ однимъ жалованьемъ.

Германъ былъ твердо etc.

Оба эти отрывка любопытны. Первый изъ нихъ показываетъ, что первоначально Пушкинъ думалъ придать своей повѣсти характеръ личнаго разсказа. Потомъ онъ оставилъ эту мысль, по понятной причинѣ: было бы слишкомъ трудно о т ъ л и ц а р а з с к а з ч и к а обрисовать сложную психологію героя, изобразить его безумныя переживанія и его поступки, напр. галлюцинацію, свиданіе съ Лизаветой Ивановной въ ея комнатѣ и пр. Любопытно далѣе, что въ этой первой редакціи, гдѣ разсказчикъ долженъ былъ являться если не дѣйствующимъ лицомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ происшествій, Пушкинъ совершенно точно, и съ конкретными подробностями, воспроизвелъ картину своего собственнаго недавняго опыта: именно такъ, въ кругу военныхъ, проигрывая ночи напролетъ и навѣщая веселый пріютъ Софьи Астафьевны, жилъ онъ въ Петербургѣ передъ женитьбою. Въ январѣ 1832 г. Пушкинъ писалъ Судіенку: „Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Астафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ

лѣтъ; на бѣду мою я забастовалъ будучи въ проигрышѣ". Рѣшивъ придать разсказу объективную форму, Пушкинъ выбросилъ это вступленіе, рисующее образъ жизни участниковъ: въ окончательномъ видѣ повѣсть начинается прямо съ дѣйствія; и соотвѣтственно съ этимъ исчезли тѣ конкретныя, автобіографическія черты. Изъ нихъ уцѣлѣла только одна—въ первой строкѣ: „Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова".

Еще больше свѣта на процессъ Пушкинскаго творчества бросаетъ второй изъ приведенныхъ выше набросковъ. Эта нѣмочка и любовь къ ней Германа въ повѣсти совсѣмъ исчезли: ихъ замѣнила интрига съ воспитанницей графини. Соображенія, которыми руководился Пушкинъ при этой замѣнѣ, не трудно возстановить.

Какъ я уже сказалъ, Пушкинъ для вящей наглядности эксперимента выбралъ характеръ исключительный, т.-е. такой, въ которомъ хотѣніе или страсть достигаютъ предѣльнаго напряженія, поглощаютъ всю волю безъ остатка. Поэтому Германъ былъ съ самаго начала задуманъ, какъ контрастная натура. Въ немъ сочетаются твердость воли и самообладаніе съ одной стороны—сильныя страсти и „огненное" воображеніе съ другой, т.-е. въ обыденной жизни разсудочная трезвость, но въ потенціи—оргіазмъ, и именно оргіазмъ одной какой-нибудь страсти, потому что такая собранная воля недѣлима: либо она вся владѣетъ собою, и тогда Германъ—филистеръ изъ самыхъ педантическихъ, либо она вся же срывается въ пропасть, устремившись за какимъ-нибудь призракомъ. Первую черту—трезвость и самообладаніе, какъ общій фонъ характера Германа—Пушкинъ мотивируетъ и рисуетъ чрезвычайно внимательно. Именно для этого онъ дѣлаетъ Германа нѣмцемъ—и дважды обращаетъ на это вниманіе читателя. Въ первой же сценѣ Германъ говоритъ о себѣ: „Игра занимаетъ меня сильно, но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее",—и Томскій замѣчаетъ: „Германъ нѣмецъ: онъ разсчетливъ—вотъ и все". Дальше Пушкинъ еще подробнѣе выписываетъ этотъ фонъ: „Германъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца, оставившаго ему ма-

ленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти"; и конечно, это самое убѣжденіе „въ необходимости упрочить свою независимость" заставило его стать не просто офицеромъ, а инженеромъ.

Второй набросокъ показываетъ, что Пушкинъ первоначально имѣлъ въ виду провести эту черту еще дальше. Филистерство Германа должно было вступить на путь осуществленія. Онъ влюбляется въ милую нѣмочку, свою сосѣдку, разумѣется находитъ взаимность, ждетъ по утрамъ, когда Шарлотта отдернетъ бѣлую занавѣску у своего окна, и привѣтствуетъ ее улыбкою. Словомъ, банальный, чисто-нѣмецкій романъ, который вскорѣ увѣнчается свадьбою. И вотъ, изъ самой глубины этого филистерства Германа вырываетъ вспыхнувшая въ немъ страсть. Таковъ, повидимому, былъ начальный замыселъ.

Этотъ планъ имѣлъ серьезныя художественныя основанія. Пушкину надо было н а д ѣ л ѣ, а не только путемъ авторской характеристики, показать обыденную трезвость Германа, а романъ съ нѣмочкой превосходно удовлетворялъ этой цѣли. Но это была частичная художественная задача, и въ концѣ-концовъ Пушкинъ рѣшилъ пожертвовать ею ради стройности цѣлаго. Въ окончательной редакціи филистерство Германа характеризуется тѣмъ, что онъ не играетъ въ карты, живетъ однимъ жалованьемъ и пр.

Рѣшивъ оставить эти первые наброски и начать заново, Пушкинъ вынулъ изъ-подъ спуда давнишнюю свою тетрадь, гдѣ 15 лѣтъ назадъ имъ была начата и на первой же страницѣ брошена такая же повѣсть изъ быта кутящихъ и играющихъ петербургскихъ офицеровъ („Наденька").

Этимъ началомъ Пушкинъ теперь воспользовался. Оно было хорошо тѣмъ, что безъ прелюдій, безъ описаній, сразу вводило in medias res. Пушкинъ только придалъ ему болѣе строгій видъ, выкинувъ всѣ лишнія детали; вспомнимъ, что онъ писалъ около этого времени о „манерности въ описаніяхъ", о „близорукой

мелочности нынѣшнихъ французскихъ романистовъ"[1]). Использовать въ зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ обрывки стараго, свои давніе наброски и записи, было, какъ извѣстно, въ привычкахъ Пушкина. Такъ, и въ „Пиковой дамѣ" онъ, кромѣ наброска 1819 года, употребилъ въ дѣло старые шуточные стихи: „А въ ненастные дни", сообщенные имъ Вяземскому еще въ 1828 году, и еще другую шутку—французскій эпиграфъ къ 3-й главѣ,—записанную имъ среди строкъ неоконченной повѣсти „На углу маленькой площади" (1832) [2]).

5.

Скажу, не обинуясь, что на мой взглядъ „Пиковая дама"—одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей, достойная быть поставленной рядомъ, если не выше, съ такими перлами, какъ „Тамань" Лермонтова и „Казаки" Л. Толстого. Нельзя достаточно надивиться на эту сжатость, стремительность, сосредоточенность разсказа, на эту ясность линій и цѣломудріе слога, словомъ на недосягаемую экономію средствъ, употребленныхъ здѣсь поэтомъ для воплощенія глубокой художественной идеи. Ни одной лишней черты, но всякая черта, какъ радіусъ, стремится къ центру повѣствованія; ни одного психологическаго описанія, но все дѣйствіе насыщено психологіей; безпредѣльное напряженіе силъ, почти математическая художественная разсчетливость—и ни малѣйшей нарочитости, но все течетъ естественно, какъ въ самой жизни. Я не знаю ничего совершеннѣе, какъ завязка повѣсти, нежели начало „Пиковой дамы". Какъ есте-

---

1) Въ статьѣ „О трехъ повѣстяхъ г. Павлова".

2) См. „Рукописи А. С. Пушкина въ Румянцовск. музеѣ" В. Е. Якушкина, Р. Стар., 1884, іюль, стр. 52. Любопытно отмѣтить, что фамилію „Нарумовъ" Пушкинъ въ первый разъ употребилъ въ черновомъ наброскѣ начала „Дубровскаго", написанномъ, повидимому, въ одно время съ черновымъ началомъ „Пиковой дамы": въ этомъ наброскѣ позднѣйшій Троекуровъ названъ Нарумовымъ (см. Р. Стар., тамъ же, авг., стр. 329). Потомъ, рѣшивъ передѣлать начало „Пиковой дамы", Пушкинъ использовалъ здѣсь эту фамилію; самодуру же изъ „Дубровскаго" далъ имя Троекурова.

ственно завязывается здѣсь, за ужиномъ, разговоръ о шансахъ въ карточной игрѣ, какъ незамѣтно сразу дается характеристика будущаго героя и какъ непринужденно выступаетъ затѣмъ узелъ драмы, разсказъ Томскаго о его бабушкѣ! Я уже говорилъ о томъ, съ какимъ искусствомъ Пушкинъ тутъ же показываетъ ничтожный удѣльный вѣсъ этого анекдота, вкладывая его въ уста вѣтренаго Томскаго, и пр. Этотъ анекдотъ, содержащій такую малую долю реальности, есть какъ бы микроскопическая доза чрезвычайно ослабленной вакцины, прививаемая душѣ Германа. И смотрите, какъ медленно и неотвратимо начинаетъ дѣйствовать въ немъ ядъ. Въ первую минуту, выслушавъ разсказъ, онъ рѣшительно заявляетъ: „Сказка!“ Но анекдотъ не выходитъ у него изъ головы. Онъ мечтаетъ—и самъ себя останавливаетъ: можно ли вѣрить такой баснѣ! Потомъ, случайно набредши на домъ графини, онъ опять охваченъ желаніемъ, онъ ходитъ около дома, потомъ долго не можетъ заснуть, ему снятся карты и груды червонцевъ, и на утро онъ опять у того дома, точно „невѣдомая сила привлекала его къ нему“. Ядъ уже вошелъ въ кровь, Герману не спастись.

Не буду говорить о мастерствѣ въ обрисовкѣ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ—графини, Лизаветы Ивановны, Томскаго, Чекалинскаго: оно бросается въ глаза. Портретъ графини на всѣ вѣка останется классическимъ изображеніемъ старости, на ряду съ геніальнѣйшими типами міровой литературы—Скупымъ рыцаремъ и Плюшкинымъ, Отелло и пр. Вообще „Пиковая дама“ представляется мнѣ во многихъ отношеніяхъ вѣнцомъ прозаическаго творчества Пушкина. Ея художественное совершенство такъ велико, что три четверти вѣка, протекшія со времени ея написанія, почти не состарили ея; въ ней нѣтъ ни одного унца рыхлой плоти, которая отъ лѣтъ могла бы стать дряблой, ничего „литературнаго“, что выдохлось бы съ годами. Напротивъ, поскольку она устарѣла, ея старомодность обусловлена какъ-разъ ея излишней сухостью. Я разумѣю то отсутствіе воздуха и глубины, тотъ недостатокъ сочности, который присущъ всѣмъ повѣстямъ Пушкина, не исключая даже—хотя въ мень-

шей степени—„Капитанской дочки". Повѣсть Пушкина, въ отличіе отъ нашей современной повѣсти,—не картина, а рисунокъ перомъ; въ ней нѣтъ мазковъ, передающихъ полутоны,—все сухія, четкія линіи, рисующія какъ бы остовъ событія, обстановки или характера. Отчасти эта особенность Пушкинской прозы объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что прежде, чѣмъ заняться прозою, Пушкинъ долго работалъ стихомъ и привыкъ къ тому способу описанія, какого требуетъ—и какой единственно допускаетъ—стихотворная повѣсть: описанія именно линіями, а не широкими мазками. Но была и другая, болѣе общая причина: такова была вообще беллетристическая техника 20-хъ годовъ. Искусство воспроизводить полноту жизни, передавать воздухъ и глубину картины было достигнуто позднѣе Нуженъ былъ геній Гоголя и вся черная работа „физіологической" беллетристики 40-хъ и 50 хъ годовъ, чтобы дать эту сочность.

Пушкинъ, повидимому, самъ сознавалъ этотъ недостатокъ и мѣстами старался восполнить его, впрочемъ, не всегда удачно. Въ „Пиковой дамѣ" есть два такихъ мѣста. Разсказъ Томскаго о его бабушкѣ по деталямъ превосходенъ, но именно какъ разсказъ Томскаго онъ не можетъ быть оправданъ. Вѣтреный Томскій, конечно, не сталъ бы, да и не сумѣлъ бы выписывать эти очаровательныя, искусно подобранныя черты быта версальской эпохи: онъ долженъ былъ разсказать свой анекдотъ проще, грубѣе. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ хотѣлъ передать картину быта, и сдѣлалъ это некстати. Такою же художественной ошибкой надо признать описаніе графининой спальни, въ которую вошелъ Германъ. Современный художникъ, напримѣръ Чеховъ, нарисовалъ бы здѣсь только тѣ черты обстановки, которыя могъ и долженъ былъ въ эту минуту величайшаго напряженія замѣтить Германъ. Такъ поступилъ и самъ Пушкинъ, рисуя приготовленія къ дуэли Онѣгина съ Ленскимъ:

Вотъ пистолеты ужъ блеснули,
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули

И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще...

Это—не объективная картина, которую могъ бы отъ себя, для читателя, нарисовать художникъ: здѣсь воспроизведены лишь тѣ звуки и движенія, за которыми напряженно слѣдятъ Онѣгинъ и Ленскій, ожидая призыва къ дуэли. Современный художникъ сдѣлалъ бы больше: онъ воспроизвелъ бы эти черты не фотографически, какъ Пушкинъ, а съ той цѣлью, чтобы подборомъ замѣченныхъ чертъ уяснить намъ душевное состояніе героя. Въ этомъ отношеніи образцомъ могутъ служить тѣ строки „Войны и мира", гдѣ разсказанъ пріѣздъ молодого Ростова съ театра войны въ отпускъ домой. Онъ бѣжитъ „по сѣнямъ и знакомымъ, покривившимся ступенямъ. Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, такъ же слабо отворялась. Въ передней горѣла одна сальная свѣча. Старикъ Михайло спалъ на ларѣ. Прокофій, выѣздной лакей, тотъ, который былъ такъ силенъ, что за задокъ поднималъ карету, сидѣлъ и вязалъ изъ покромокъ лапти". Самыя элементарныя зрительныя впечатлѣнія, схваченныя на лету (Ростовъ *бѣжитъ*)— и вихремъ возникающіе обрывки воспоминаній: все та же слабая ручка, грязная—за это мама не разъ сердилась... Прокофій— а, это тотъ, силачъ!..

Съ этой точки зрѣнія подробное *объективное* описаніе графининой спальни, какъ ни хорошо оно само по себѣ,—серьезный художественный промахъ; всего, что здѣсь перечислено, Германъ, конечно, не могъ тогда видѣть и сопоставлять въ своемъ умѣ.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

У Пушкина немало произведеній объективныхъ, какъ „Борисъ Годуновъ" или „Капитанская дочка"; но лучшія его вещи глубоко автобіографичны, т.-е. зачаты имъ въ страстныхъ думахъ о его собственной судьбѣ, когда его личное недоумѣніе, созрѣвъ, открывалось ему какъ загадка универсальная, когда онъ постигалъ вселенскій смыслъ своего личнаго и частнаго дѣла. Таковы „Цыганы", „Мѣдный Всадникъ" и многое другое; и такова же эта маленькая геніальная драма о Моцартѣ и Сальери.

Пушкинъ самъ былъ Моцартомъ,—въ искусствѣ,—и онъ зналъ это; но во всемъ другомъ онъ былъ Сальери,—и это онъ тоже зналъ, это онъ мучительно чувствовалъ каждый день, потому что его жизнь была очень трудна. Конечно, даръ пѣсенъ—неоцѣнимое богатство; онъ самъ сказалъ о себѣ:

> Иная, высшая награда
> Была мнѣ небомъ суждена:
> Самолюбивыхъ думъ отрада,
> Мечтанья неземнаго сна.

— Но почему же не были ему „суждены небомъ" и прочіе дары? Другимъ—удача во всемъ и легкая жизнь, богатство, красота, успѣхъ у женщинъ: тоже сладкіе дары и тоже данные даромъ. Что за произволъ въ раздачѣ и какая возмутительная, какая оскорбительная несправедливость! Но вѣдь онъ самъ, Пушкинъ,—носитель такого же дарового дара? Да,—и тѣмъ хуже. Можетъ быть, Пушкинъ вспоминалъ Катенина (въ Сальери рѣшительно есть черты Катенина); Пушкинъ и с в о й даръ разсматривалъ какъ частный случай общей несправедливости.

Такъ, мнѣ кажется, родилась въ немъ идея „Моцарта и

Сальери“. Случайному или произвольному опредѣленію „неба“ человѣческое сознаніе противопоставляетъ свой законъ,—законъ справедливости, или, что то же, разумной причинности. „Моцартъ и Сальери“ есть трагедія причинно-мыслящаго разума, осужденнаго жить въ мірѣ, гдѣ главныя событія совершаются безпричинно; и Пушкинъ, самъ обязанный своимъ лучшимъ достояніемъ безпричинному выбору, выступаетъ здѣсь истолкователемъ и адвокатомъ протестующаго сознанія. Въ мірѣ царитъ Судьба; разумъ, возставъ противъ нея, конечно, будетъ раздавленъ, потому что Судьба всемогуща, но разумъ не можетъ не возставать, въ силу самой своей природы. Кто застигнутъ несправедливостью Судьбы, тотъ либо разобьетъ себѣ голову о стѣну, либо, какъ обыкновенно и дѣлаютъ люди, обманетъ себя размышленіемъ, что здѣсь—однократная случайность, что въ общемъ жизнь все-таки совершается причинно, и что поэтому, какъ только случайность исчезнетъ, все опять пойдетъ закономѣрно. Именно такъ разсуждаетъ у Пушкина Сальери. Онъ слишкомъ увѣренъ въ нормальности разумнаго порядка; всякій другой порядокъ бытія кажется ему настолько нелѣпымъ и невѣроятнымъ, что онъ просто не хочетъ допустить такой возможности; оттого онъ убиваетъ не себя, а Моцарта, чтобы съ устраненіемъ этой чудовищной аномаліи возстановился правильный ходъ вещей.

Это, дѣйствительно, міровая трагедія. Трудно, невыносимо человѣку примириться съ рокомъ. Въ нашей жизни явно дѣйствуетъ не одинъ, а два закона: наши цѣлесообразныя усилія основаны на законѣ причинности, но наперекоръ имъ и ей въ мірѣ царитъ судьба, въ мигъ разрушающая и созидающая, произвольно дарящая и отнимающая. Какому же закону довѣриться? Сложить руки и ждать всего отъ судьбы, или, наоборотъ, утвердиться въ причинности разума и строить безоглядно, стараясь забыть о страшныхъ возможностяхъ? Толпа живетъ подъ обоими законами, не сознавая этой двойственности, поминутно отдаваясь то одной, то другой волнѣ; но въ коллективномъ сознаніи человѣчества вопросъ издревле ставился съ полной от-

четливостью и всегда былъ рѣшающимъ. Напримѣръ, въ религіи онъ гласилъ такъ: спасается ли человѣкъ своими заслугами, или благодатью помимо заслугъ?

Пушкинъ, разумѣется, не притязалъ на рѣшеніе вопроса; здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, онъ только показываетъ, только вскрываетъ противорѣчіе въ его всеобщности и глубинѣ. Въ пьесѣ одно дѣйствующее лицо,—Сальери, потому что Моцартъ не дѣйствуетъ — онъ только есть. Сальери дѣйствуетъ въ пьесѣ (убиваетъ Моцарта), потому что дѣйствіе, цѣлесообразная активность, есть вообще его стихія, тогда какъ Моцартъ—какъ бы пассивное орудіе небесныхъ силъ. Это одна изъ завѣтныхъ мыслей Пушкина, обычный у него контрастъ: дѣйствовать—земное, отъ ущерба или грѣха; небесное же (красота, совершенство, избытокъ)—пассивно, неподвижно, не стремится и потому не дѣйствуетъ. Сальери всю жизнь дѣйствовалъ, онъ и въ драмѣ дѣйствуетъ; у Моцарта нѣтъ біографіи, и мы ея не узнаемъ въ драмѣ, а біографію Сальери узнаемъ, чтобы видѣть послѣдовательность его усилій. Сальери самъ не сознаетъ, что явленіе Моцарта для него—не только вопросъ объ искусствѣ или о славѣ: здѣсь для него поставленъ на карту самый смыслъ существованія, ибо если признать явленіе Моцарта законнымъ, то все прошлое дѣятеля—Сальери оказывается глупостью, а будущаго у него вовсе нѣтъ. Сальери съ раннихъ лѣтъ поставилъ свою жизнь на почву человѣческаго, послѣдовательнаго созиданія; для него исторія—прогрессъ, и въ частности музыка развивается прогрессивно, въ силу цѣлесообразной человѣческой дѣятельности. Такому-же честному труженику, какъ онъ, Сальери не позавидуетъ; напротивъ, наличность такихъ же радуетъ его, потому что самымъ фактомъ своего дѣлового усердія они укрѣпляютъ въ немъ его жизненную основу, его увѣренность въ творческой силѣ сознательныхъ дѣйствій.

Я счастливъ былъ—я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.

Это — нормальный прогрессъ искусства и заслуженный, понятный успѣхъ его дѣятелей. И вдругъ является Моцартъ, какъ молнія съ неба. Не то страшитъ Сальери, что Моцартъ превзойдетъ его славою, но Моцартъ—явно геній, больше. чѣмъ онъ, и геній, не заработавшій своей геніальности. Что же это? Значитъ въ мірѣ есть еще и второй законъ, кромѣ закона понятнаго и освящаемаго разумомъ, и Моцартъ — геній по второму закону? Сальери не можетъ допустить мысли, что такой законъ существуетъ; существуетъ только одинъ законъ — пріобрѣтенія по заслугамъ, иначе міръ—хаосъ и ужасъ, и жить нельзя. Важно замѣтить, что, по Пушкину, Сальери непоколебимо увѣренъ въ своей геніальности. Онъ—геній, и этимъ онъ обязанъ самому себѣ. Въ этой мысли Сальери—великая гордыня, крайнее самоутвержденіе человѣка. Сальери убиваетъ Моцарта, чтобы устранить двойственность изъ міра и возстановить единовластіе того разумнаго закона, которому онъ довѣрился сызмала и которому обязанъ всѣмъ; онъ убиваетъ въ сущности не Моцарта, а Бога („небо“) и спасаетъ не себя, а человѣчество въ его цѣлесообразномъ трудѣ.

Я избранъ, чтобъ его
Остановить,—не-то мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой.

Эти слова въ устахъ Сальери—не софизмъ, это—его настоящая мысль. Непонятно, чудовищно на минуту нарушенъ законъ: ему, Сальери, выпалъ тяжкій жребій устранить нарушеніе, чтобы опять водворился правильный строй, гдѣ высшія блага даются справедливо, по заслугамъ. Онъ ставитъ вопросъ широко: проченъ только прогрессъ, достигаемый планомѣрностью человѣческихъ усилій, небесныя же озаренія минутны, какъ молнія.

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,

Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!

Мысль не новая, никогда не умирающая! Намъ невозможно довѣряться капризамъ неба; человѣкъ долженъ взять свое дѣло въ свои собственныя руки и строить хотя медленно, но вѣрно.

Онъ долженъ совершить убійство, и убить ему сравнительно легко, потому что онъ Моцарта не чувствуетъ, какъ личность. На такого, какъ онъ самъ, „жреца, служителя музыки", у него вѣрно не поднялась бы рука, потому что человѣкъ для него— только геометрическая точка цѣлесообразныхъ усилій; гдѣ онъ видитъ накопленіе такихъ усилій, тамъ для него—человѣкъ, гдѣ такихъ усилій нѣтъ,—тамъ марево, тѣнь человѣка. Таковъ въ его глазахъ Моцартъ: призракъ, залетный херувимъ, но только не живая личность. Пушкинъ тонко отмѣтилъ это, — умолчаніемъ, полнымъ отсутствіемъ въ Сальери личной жалости къ Моцарту. Въ длинномъ монологѣ Сальери, когда онъ рѣшаетъ отравить Моцарта, нѣтъ ни одного слова сожалѣнія о другѣ и человѣкѣ; о цвѣтущей жизни, которую онъ готовится разрушить. Въ концѣ пьесы, слушая Реквіемъ, Сальери плачетъ не о Моцартѣ, а о послѣдней „райской пѣснѣ", которая сейчасъ должна смолкнуть; и по уходѣ уже отравленнаго Моцарта—ни слова сожалѣнія о немъ, но жестко-равнодушное въ догонку:

Ты уснешь
Надолго, Моцартъ!

Этимъ убійствомъ Сальери думаетъ только поправить случайную ошибку Бога, потому что въ цѣломъ, по его мысли, Богъ стоитъ конечно за правильный порядокъ, т.-е. за послѣдовательное наростаніе причинъ и слѣдствій, усилій и достиженій. Иначе Сальери не способенъ мыслить; для него Богъ—санкція человѣческаго разумѣнія, и Провидѣніе тожественно съ закономѣрностью. Другими словами, онъ самого себя, свой разумъ признаетъ Богомъ, т.-е. Бога собственно отрицаетъ; поэтому я и говорю, что убивая Моцарта, онъ тѣмъ самымъ убиваетъ въ себѣ Бога.

Эта драма есть драма объ одномъ Сальери, Моцартъ же—

только искра, отъ которой загорается пламя, освѣщающее для насъ душу Сальери. Таковъ излюбленный пріемъ Пушкина: взять душу готовую, вполнѣ насыщенную, поднести къ ней извнѣ соотвѣтственную частицу бытія,—и сразу накопленный въ ней жаръ вспыхиваетъ пожаромъ, и мы съ изумленіемъ видимъ (о чемъ раньше никто бы и не догадался), какая страсть назрѣла въ этой душѣ и какъ эта страсть была сильна. Таковъ и Германъ въ „Пиковой дамѣ". Въ „Моцартѣ и Сальери" Моцартъ играетъ только служебную роль, и такимъ Пушкинъ изобразилъ его. Моцартъ долженъ быть полярно противоположенъ Сальери въ томъ, что составляетъ сущность Сальери. Если Сальери олицетворяетъ собою человѣческое самоутвержденіе, то Моцартъ долженъ быть весь олицетвореніемъ небесныхъ силъ. Такимъ онъ и представленъ въ драмѣ. Пушкинъ по себѣ зналъ, какъ много серьезнаго въ душѣ генія, какъ много скорбнаго въ его жизни, какъ много труда въ его творчествѣ. Но все это въ Моцартѣ скрыто отъ насъ; онъ повернутъ къ Сальери и къ намъ своей небесной стороной: безпечный въ жизни, безсознательно или шутя создающій геніальное въ искусствѣ. Онъ творитъ не потому, что трудится творить, какъ Сальери, а единственно потому, что онъ „съ волей небесною друженъ". Его небесную природу Пушкинъ разоблачаетъ еще иначе: Моцартъ безсознательно знаетъ и близкую свою смерть, и въ Сальери — своего убійцу, о чемъ онъ сознательно, конечно, не смѣетъ и мыслить. Его душа открыта и вѣдѣнію неба, какъ звукамъ небеснымъ. Онъ, можно сказать, максимально-небесенъ изъ всѣхъ людей, какихъ могъ бы встрѣтить Сальери, и потому его явленіе—наиболѣе рѣзкій вызовъ существу Сальери, какой только возможенъ. Только при встрѣчѣ съ такимъ явленіемъ душа Сальери должна дать полную реакцію, въ которой она и раскрывается до дна.

Пушкинъ внесъ много тонкихъ чертъ въ противопоставленіе Моцарта и Сальери. Ихъ коренное различіе въ томъ, что Сальери чувствуетъ себя „служителемъ искусства", а Моцартъ чувствуетъ себя „сыномъ гармоніи". Для Сальери искус-

тво—суровый и властный господинъ, награждающій за трудъ и по заслугамъ; искусство—внѣ его; онъ въ потѣ лица трудится для искусства, какъ вѣрнѣйшій рабъ, и ждетъ, что за усердіе господинъ наградитъ его

Быть-можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье.

Другого отношенія къ искусству онъ не понимаетъ; оттого онъ каждаго изъ своихъ товарищей оцѣниваетъ въ мѣру его усердія и полезности для общаго дѣла, оттого и о Моцартѣ онъ ставитъ кардинальный вопросъ: „Что пользы въ немъ?", т.-е. для искусства. Моцартъ не извнѣ служитъ музыкѣ, но она органически въ немъ, или онъ—въ ней; онъ вовсе не служитъ ей и не ждетъ отъ нея даровъ, она какъ бы изнутри и помимо воли внушается ему:

Намедни ночью
Безсонница моя меня томила.
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ.

Сальери живетъ для искусства, а для Моцарта творчество—одно изъ естественныхъ проявленій его жизни, притомъ — изъ пріятнѣйшихъ; Сальери говоритъ о немъ: „Гуляка праздный", а онъ самъ называетъ себя: „Счастливецъ праздный", да и не себя одного, а всякаго музыканта, потому что иначе онъ не можетъ представить себѣ жизнь въ музыкѣ, какъ только радостнымъ цвѣтеніемъ души въ созвучіяхъ.

Кто изъ нихъ правъ? Правы оба, хотя по-разному. Человѣкъ, какъ обитаемая имъ земля, не только вращается вокругъ своей собственной оси (Сальери), но и несется въ пространствѣ по далекой орбитѣ. Наша планета гармонично сочетала въ себѣ оба движенія — почему же въ человѣческой душѣ не координировались разумъ и судьба? И вотъ, есть два судилища: предъ судомъ разума правъ Сальери, но явленіе Моцарта—живая красота—вовсе не подлежитъ этому суду. Въ легендѣ о Фринѣ, обнажившейся предъ судьями, есть вѣчная правда.

Цѣлый рядъ положительныхъ заявленій Пушкина свидѣтельствуетъ о томъ, что въ драмѣ онъ видѣлъ не очную ставку характеровъ, а ихъ дѣйственное раскрытіе. Всѣ свои драматическіе опыты Пушкинъ строилъ по одному—по Шекспировскому плану: господствующая страсть характера доводится на глазахъ зрителей до предѣльнаго напряженія, и тогда вспыхиваетъ пожаромъ, испепеляя и своего носителя, и часто все, что въ ту минуту близко къ нему. Наростаніе страсти и, какъ результатъ его, разрушительное дѣйствіе во-внѣ — таково по Пушкину содержаніе драмы. И этотъ же планъ проведенъ въ „Моцартѣ и Сальери".

Но какъ-разъ „Моцартъ и Сальери" наглядно показываетъ, что фокусомъ драмы являлась для Пушкина не сама страсть героя, какъ индивидуальное и конкретное нѣчто: мысль Пушкина была устремлена въ глубину этой страсти, въ ея универсальный, символическій смыслъ.

Его Сальери — дѣйствительно герой, потому что дѣйствуетъ не за себя только, но отстаиваетъ дѣло всего человѣчества. Въ этой тяжбѣ человѣка съ Богомъ открываются неизслѣдимыя глубины. На что собственно притязаетъ Сальери? Вѣдь и все, что въ немъ есть,—„небеснаго" происхожденія; самая жизнь его—даръ неба, и музыка—даръ неба; говоря: „Родился я съ любовію къ искусству", онъ говоритъ о небесномъ дарѣ, и воля его къ планомѣрной дѣятельности въ искусствѣ питается изъ тѣхъ-же тайныхъ родниковъ. Онъ живетъ въ небесной стихіи, ею дышетъ, ею и въ ней созидаетъ; у него нѣтъ ничего своего. Небесенъ и разумъ, которымъ онъ организуетъ стихію. Но здѣсь онъ и ставитъ предѣлъ: „Разумъ—не только твой, но и мой. Пусть всѣ элементы, изъ которыхъ я строю,—твои, планъ и дѣятельность принадлежатъ мнѣ, и ты не долженъ вмѣшиваться въ мою творческую работу". Ему предносится ослѣпительное видѣніе — какъ человѣкъ изъ бѣднаго матеріала, дарованнаго ему небомъ, самъ, своимъ собственнымъ „усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ", создастъ свое могущество и красоту. Мы—чада праха, наши желанія пока безкрылы, но мы

вырастимъ себѣ крылья, только бы небо не мѣшало намъ своими капризами. Такъ въ Сальери воплощается человѣческій идеализмъ, идеализмъ культуры. Богу отводится роль поставщика матеріаловъ и орудій,—строителемъ хочетъ быть самъ человѣкъ.

Это гордое самоутвержденіе человѣка, этотъ бунтъ противъ неба Пушкинъ довелъ въ Сальери до крайней черты, когда мятежное настроеніе, созрѣвъ, разражается дѣйствіемъ, активнымъ противодѣйствіемъ верховной силѣ—убіеніемъ ея посла. И Сальери, совершивъ поступокъ, содрогается; мы чувствуемъ, что онъ убилъ и самого себя. Ирраціональное въ немъ самомъ, небесный составъ его цѣлостнаго духа, возмущенъ узурпаціей разсудка, и личность погибнетъ, не вынеся этого разлада.

Въ общемъ культура, разумѣется, не такъ активна, не столь ясно сознаетъ свой принципъ. Богоборчество культуры противъ стихіи скрыто, оно рѣдко выступаетъ наружу. Такъ и Сальери прожилъ долгіе годы въ упорномъ самоутвержденіи, но невинно съ виду, до появленія Моцарта,—и, не явись Моцартъ, Сальери дожилъ бы свою жизнь, ни разу явно не возставъ противъ неба, хотя и ослушный ему во всемъ.

Нелѣпо говорить о его неправотѣ: онъ только близорукъ и непрактиченъ, онъ самъ обрекъ себя на гибель. Но какъ-же быть? Не создавать культуры самочинно и послѣдовательно, а ждать посланцевъ свыше, ждать небесныхъ даровъ?—Если бы мы даже рѣшили такъ, намъ невозможно прозябать въ бездѣйствіи; не въ нашей власти заглушить нашъ разумъ—онъ нудитъ насъ творить. Культура неизбѣжна, культура законна; Пушкинъ никогда не отвергалъ ее по существу. Но онъ зналъ, что верховная власть принадлежитъ ирраціональному началу, о чемъ на казнь себѣ и людямъ забылъ Сальери.

„СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ".

Иное произведеніе Пушкина похоже на тѣ загадочныя картинки для дѣтей, когда нарисованъ лѣсъ, а подъ нимъ напечатано: „Гдѣ тигръ?" Очертанія вѣтвей образуютъ фигуру тигра; однажды разглядѣвъ ее, потомъ видишь ее уже сразу и дивишься, какъ другіе не видятъ. Дѣти любятъ такія картинки; признаюсь, и мнѣ было весело увидать звѣря въ простодушномъ разсказѣ Бѣлкина. Но картинка разгаданная теряетъ всякій интересъ, а „Станціонный смотритель" разгадкою впервые оживаетъ и раскрывается. Онъ очарователенъ тонкостью лукавства: онъ весь—сарказмъ, но насмѣшка разлита въ немъ такъ, что и не замѣтишь. Нынѣшніе символисты могли бы поучиться здѣсь легкости и естественности работы. Идея нисколько не спрятана,—напротивъ, она вся на лицо, такъ что всякій можетъ ее видѣть; и однако всѣ видятъ только лѣсъ.

„Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранился?" Такъ начинается разсказъ, и дальше на протяженіи цѣлой печатной страницы идетъ разсужденіе о станціонныхъ смотрителяхъ вообще. Ничего не можетъ быть забавнѣе этой страницы. Съ какимъ добросовѣстнымъ вниманіемъ добрый Бѣлкинъ приступаетъ къ своему предмету, какъ задушевно онъ говоритъ о станціонныхъ смотрителяхъ, съ какимъ благороднымъ жаромъ ратуетъ противъ несправедливаго мнѣнія о нихъ! Эта страница съ первой же минуты усыпляетъ читателя и, усыпленнаго, естественнѣйшимъ образомъ вводитъ его въ раз-

сказъ. Теперь можно безъ опасеній рисовать обманныя деревья, располагая какія угодно фигуры между вѣтвей: читатель будетъ видѣть только стволы и вѣтви. Бѣлкинъ и переходитъ простодушно къ повѣствованію.

Едва только онъ началъ, только успѣлъ разсказать, какъ пріѣхалъ на станцію, потребовалъ чаю и увидалъ 14-лѣтнюю хорошенькую дочь смотрителя,—онъ мелькомъ сообщаетъ незначительную подробность, и ничего не можетъ быть естественнѣе способа, какимъ онъ сообщаетъ ее. „Тутъ онъ принялся прописывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой—почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодаго человѣка; онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ, представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ въ томъ же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные нѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, такъ же какъ и горшки съ бальзаминомъ“ и т. д. [1]).

Какія картинки висѣли на стѣнѣ—это, конечно, мелкая художественная подробность, назначеніе которой—дополнить об-

---

[1]) Стѣнныя картины о блудномъ сынѣ были въ 20—40 годахъ повидимому частой принадлежностью станціонной обстановки; можетъ быть, какой-нибудь нѣмецкій комми-вояжеръ развозилъ по русскимъ почтовымъ станціямъ это произведеніе нѣмецкой художественной промышленности. Гр. В. А. Соллогубъ въ „Тарантасѣ“ описываетъ комнату на почтовой станціи: „Между оконъ красуются изображенія Малекъ-Аделя на разъяренномъ конѣ, возвращеніе блуднаго сына, портретъ графа Платова“, и т. д.

рисовку дома и его хозяина; на ней не стоитъ останавливаться; въ дальнѣйшемъ повѣствованіи она, разумѣется, не играетъ никакой роли.—Но я совѣтовалъ бы всѣмъ изучающимъ Пушкина принять къ руководству двойное правило: слѣпо, даже суевѣрно вѣрить всѣмъ его сообщеніямъ—и никогда не вѣрить его указаніямъ о цѣли его сообщеній. Въ разсказѣ о фактахъ Пушкинъ, можно сказать, принудительно правдивъ до щепетильности; выдумывать онъ не могъ, даже если бы хотѣлъ, потому что тогда его перо писало бы плохо—плохіе стихи или плохую прозу. Но ровно такъ же онъ былъ неспособенъ раскрывать до конца или ясно высказывать свои замыслы, свои постиженія и предчувствія—„мечтанья неземнаго сна“, потому что они и не могутъ быть выражены ясно; и если бы онъ пытался дѣлать это, его стихи и проза были бы плоски. Онъ сплошь и рядомъ утаиваетъ или даже умышленно прячетъ концы въ воду. Описаніе тѣхъ картинокъ—вовсе не мелочь: нарисованная въ нихъ исторія блуднаго сына и есть искомый тигръ „Станціоннаго смотрителя“.

Что эти картинки были для него важны по ходу его мысли, тому есть доказательство. Среди его бумагъ сохранилось черновое начало какой-то повѣсти, оставленное имъ на четвертой страницѣ. Повѣсть эта, судя по хронологическому указанію, имѣющемуся въ ней („4 мая 1825 г. произведенъ я въ офицеры“...), едва ли могла быть приписана Бѣлкину. Изъ этого-то наброска Пушкинъ дословно перенесъ въ „Станціоннаго смотрителя“ описаніе картинокъ о блудномъ сынѣ. И тамъ ихъ разглядываетъ въ станціонномъ домѣ проѣзжій офицеръ; но тамъ онѣ—только рядовая и вовсе не самая характерная подробность среди многихъ столь же обстоятельно описываемыхъ подробностей станціонной обстановки и скуки, тогда какъ въ нашемъ разсказѣ нѣтъ рѣчи о долгомъ ожиданіи и изъ всей обстановки показана только одна эта деталь. Тѣмъ отчетливѣе она обрамлена и поставлена на виду; но сдѣлано это такъ искусно, какъ бы ничего и не было; на стѣнѣ висѣли картинки, только всего.

Содержаніемъ этихъ картинъ Пушкинъ формулируетъ—въ нарочито-сочномъ, нѣмецки-филистерскомъ видѣ—одно изъ положеній ходячей мысли; и этому благочестивому обману онъ въ своемъ разсказѣ противопоставляетъ живую правду.

Начинается правда точь въ точь какъ легенда. Тамъ почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ, и безпокойный юноша, его сынъ: здѣсь—смиренная, но опрятная обитель, занавѣски на кровати, горшки съ бальзаминомъ; станціонный смотритель, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, свѣжій и бодрый, въ длинномъ зеленомъ сюртукѣ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ,—и его дочь, хорошенькая Дуня, кокетка, легко дарящая въ сѣняхъ поцѣлуй проѣзжему офицеру. Дальнѣйшія картины правды,—а Пушкинъ показываетъ ихъ столько-же, сколько было на стѣнѣ: счетомъ четыре,—нисколько не похожи на легенду. Въ притчѣ герой—блудный сынъ, у Пушкина—отецъ, смотритель; и картины повѣствуютъ о немъ. Картина вторая: въ домѣ смотрителя на окнахъ уже нѣтъ цвѣтовъ и все кругомъ показываетъ ветхость и небреженіе; самъ онъ за три года превратился изъ бодраго мужчины въ хилаго старика: сѣдой, сгорбленный, глубокія морщины на давно небритомъ лицѣ, угрюмъ и непривѣтливъ, пристрастился къ вину, а блудная дочь, по его собственному разсказу, цвѣтетъ любовью, счастьемъ, богатствомъ. Картина третья: смотритель окончательно спился, идетъ изъ кабака, а мальчишки за нимъ: „дѣдушка, дѣдушка, орѣшковъ!“ Наконецъ, послѣдняя сцена правды, полный контрастъ съ послѣдней картиною притчи: прекрасная барыня—карета въ шесть лошадей—трое маленькихъ барчатъ, кормилица, даже черная моська; барыня, выйдя изъ кареты, идетъ на жалкое кладбище, ничѣмъ не огражденное, безъ единаго деревца, гдѣ среди другихъ убогихъ могилъ—могила ея отца, груда песку, въ которую врытъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ; барыня долго лежитъ на могилѣ и плачетъ, потомъ идетъ въ село, зоветъ священника и даетъ ему денегъ на панихиду.

А погибъ смотритель не отъ существенной напасти; важно то, что погибъ онъ изъ-за тѣхъ нѣмецкихъ картинокъ.

Такъ, какъ въ этихъ картинкахъ разсказана исторія блуднаго сына,—такъ вѣритъ смотритель, и потому, что онъ вѣритъ именно такъ, ему уже всѣ вещи видятся въ невѣрномъ свѣтѣ. Дуня, бѣжавъ съ Минскимъ, вышла на путь своего счастія; Минскій дѣйствительно любитъ ее, и она—его, они вѣнчаются, она счастлива, богата, все пошло какъ нельзя лучше; если бы ложная идея не застилала глаза смотрителю, онъ постарался бы съ самаго начала узнать о намѣреніяхъ Минскаго, и тотчасъ успокоился бы, и все было бы по хорошему; онъ былъ бы счастливъ счастіемъ Дуни. Но онъ не хочетъ, не можетъ видѣть вещи такими, каковы онѣ есть. Кажется, какъ было не повѣрить, когда Минскій, разысканный имъ въ Петербургѣ, искренно сказалъ ему: „Не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово"? какъ было не повѣрить, когда, ворвавшись въ квартиру Минскаго, онъ увидалъ: „Въ комнатѣ, прекрасно убранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его креселъ, какъ наѣздница на своемъ англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностью смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы"? Но смотритель непоколебимо убѣжденъ, что въ нѣмецкихъ картинкахъ изображена универсальная истина, что офицеръ, сманившій Дуню, несомнѣнно, поиграетъ ею и броситъ, — и потому онъ не видитъ вещей впадаетъ въ отчаяніе и спивается. Почему ходячая мораль пустила въ немъ такіе глубокіе корни? Но такова его душевная почва, что она болѣе всего воспріимчива къ банальнымъ истинамъ; возможно, что вступительнымъ разсужденіемъ о станціонныхъ смотреляхъ Пушкинъ хотѣлъ кстати показать неизбѣжность такого умонастроенія. „Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда...; ...смотрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію", и т. д. Станціоннаго смотрителя сгубила ходячая мораль; сама призракъ, ничто, она совершенно реально высасываетъ кровь изъ людей; ея тиранія — вотъ мысль, выраженная Пушкинымъ въ

„Станціонномъ смотрителѣ“. Этотъ разсказъ — не формальная пародія, какъ „Графъ Нулинъ“: здѣсь самый оригиналъ (опошленная людьми евангельская притча) является въ психикѣ дѣйствующаго лица той силой, которая искажаетъ дѣйствительность.

МЕТЕЛЬ.

31-го августа 1830 года Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Болдино. На душѣ у него было тяжело, смутно, тревожно, какъ, можетъ быть, еще никогда. Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы будущая теща сдѣлала ему сцену, наговорила ему грубыхъ оскорбленій — и онъ счелъ долгомъ вернуть Натальѣ Николаевнѣ ея слово. Да и всѣ три недѣли, проведенныя имъ въ Москвѣ, были, несмотря на его влюбленность, настоящей пыткой для него. Будущая теща, мало привлекательная дама; ея снисхожденіе къ нему — и плохо скрываемое чувство, что къ нему снисходятъ; ея настоянія и укоры относительно его денежныхъ обстоятельствъ, и безпрестанные разговоры о деньгахъ, о приданомъ; чванный, разорившійся дѣдушка — Гончаровъ, къ которому пришлось ѣздить на поклонъ въ Калужскую губернію, и которому приходилось писать письма вродѣ слѣдующаго: „Судьба моя зависитъ отъ Васъ; осмѣливаюсь вновь умолять Васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности" — все въ надеждѣ на приданое для Натальи Николаевны, по настоянію будущей тещи; густой сонмъ Гончаровскихъ тетушекъ и бабушекъ, судачащихъ о его любви „на своемъ холопскомъ языкѣ", радостно подхватывающихъ московскія сплетни о немъ; письма къ Бенкендорфу, по требованію „дѣдушки", о казенной ссудѣ ему безъ всякаго основанія, о какой-то мѣдной статуѣ, продажа которой будто-бы должна дать сорокъ тысячъ на приданое; и дѣйствительное безденежье, и страхъ предъ будущимъ, еще болѣе тяжкимъ безденежьемъ съ молодой избалованной женой, — и страхъ вообще предъ семейной жизнью... „Милый мой, — писалъ Пушкинъ

Плетневу въ самый день отъѣзда изъ Москвы,— разкажу тебѣ все что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же Московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери—отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежные примиренія—словомъ если я и не нещастливъ, по крайней мѣрѣ не щастливъ. Осень подходитъ. Это любимое мое время—здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ—пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ—а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню. Богъ вѣсть буду-ли тамъ имѣть время заниматься, и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.—Такъ то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о щастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ. — Грустно, душа моя — обнимаю тебя и цѣлую нашихъ". Въ другомъ письмѣ къ тому-же Плетневу, мѣсяцъ спустя, Пушкинъ яснѣе излагалъ причины унынія, владѣвшаго имъ въ день отъѣзда: „Вотъ въ чемъ было дѣло: Теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бѣсило меня. Хандра схватила (меня) и черныя мысли мной овладѣли".

Онъ ѣхалъ съ тяжелымъ сердцемъ — вступить во владѣніе Болдиномъ, которое въ виду предстоящей женитьбы выдѣлилъ ему отецъ, и писать, такъ какъ наступала осень, и вѣрно просто для того, чтобы еще разъ вырваться на свободу, пожить съ самимъ собою.

Первыя его впечатлѣнія въ Болдинѣ были двойственны. Во-первыхъ онъ узналъ, что 200 душъ, которыя отдавалъ ему отецъ, составляютъ вовсе не отдѣльное имѣніе, а часть деревни изъ 500 душъ, и что слѣдовательно ему придется затѣять дол-

гую и скучную волокиту раздѣла. Кромѣ того, обнаружилось, что въ Псковской губерніи холера и открываютъ карантины, что должно было очень затруднить ему возвращеніе въ Москву. Зато деревенское уединеніе, и тишина, и свобода подѣйствовали на него благотворно; онъ писалъ объ этомъ Плетневу, и радовался просыпающемуся вдохновенію.

Сколько намъ извѣстно, онъ впервые взялся за перо 7 сентября: отыскалъ или нашелъ невзначай старый листокъ, еще 1824 года, изъ Михайловскаго,—на которомъ былъ перебѣленъ „Аквилонъ"—и выправилъ его, а внизу подписалъ: „Болд. 7 сент." Это стихотвореніе, возникшее когда-то изъ другихъ чувствъ и мыслей, теперь опять отвѣчало его настроенію.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Аквилонъ—судьба, онъ самъ—тростникъ; и воззваніе, дышащее надеждой:

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостно блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

На другой сторонѣ того-же листка оказался перебѣленный текстъ „Делибаша",—онъ и его исправилъ уже заодно, и подписалъ „7 сент.", уже безъ обозначенія мѣста. Затѣмъ въ этотъ же день онъ написалъ „Бѣсовъ", подписавъ подъ ними полностью: „1830 7 сентября Болдино".

Итакъ, „Бѣсы" написаны въ началѣ сентября, когда нѣтъ никакихъ метелей, ни снѣга, когда вообще въ поминѣ не было той реальной обстановки, которая изображена въ этомъ стихотвореніи. Пушкинъ никогда не выдумывалъ фактовъ, когда излагалъ ихъ автобіографически; напротивъ, въ этомъ отношеніи онъ былъ правдивъ и даже точенъ до іоты. Онъ былъ бы неспособенъ въ солнечный и теплый день ранней осени, лежа на канапѐ, выводить перомъ такія строки:

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна...

Уже одно это соображеніе объ элементарной честности поэта должно было насторожить критиковъ и читателей. Притомъ, самъ Пушкинъ надписалъ надъ заглавіемъ „Бѣсы“ другое заглавіе: „Шалость“, которое и до сихъ поръ печатается, какъ подзаглавокъ пьесы, во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій, даже въ самыхъ дешевыхъ. Ясно, что въ „Бѣсахъ“ Пушкинъ вовсе не хотѣлъ изобразить зимнюю поѣздку, и вьюгу, и настроеніе путниковъ, какъ простодушно думаютъ критика и публика, а ставилъ себѣ другую цѣль. Какую?

Его настроеніе 7-го сентября, на третій или четвертый день по пріѣздѣ въ Болдино, было конечно не таково, чтобы ему захотѣлось баловаться перомъ, формально-холодно и виртуозно описывать метель и ея дѣйствіе на человѣческую душу. Сердечная дрожь не покидала его во все время пребыванія въ Болдинѣ; еще и мѣсяцъ спустя, въ разгарѣ пламеннаго творчества, онъ писалъ: „Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой“; тѣмъ болѣе въ первые 2—3 дня ему было не до „шалости“. Слишкомъ густо сдвинулась, обступила его со всѣхъ сторонъ липкая, темная существенность, загораживала ему жизненный путь, по которому онъ когда-то шелъ такъ легко и беззаботно. Онъ чувствовалъ себя точно въ плѣну у этой косной стихіи; вся эта семья Гончаровыхъ, дѣдушка, теща, „тетушки, бабушки, сестрицы“, московскія сплетни о немъ, приданое, мучительная мысль о деньгахъ, раздѣлъ Болдина, холера — хватали его цѣпкими когтями, дразнили красными языками, манили какъ блуждающіе огни и поминутно снова оставляли во тьмѣ. Судьба и людская толпа, какъ онъ уже давно о нихъ мыслилъ, сплелись вокругъ него въ бѣсовской пляскѣ: такъ представилось ему теперь его положеніе; этотъ образъ жизни онъ и нарисовалъ въ „Бѣсахъ“.

Онъ издавна привыкъ изображать человѣческую жизнь какъ

путь, обыкновенно—по пустынной мѣстности, и свое существованіе—какъ скучную поѣздку; такъ же привычно ему было изображать житейскія осложненія и напасти въ видѣ скопившихся надъ путникомъ тучъ или бури (см. его „Телѣга жизни", „Зимняя дорога", „Дорожныя жалобы", „Предчувствіе", „Туча" и др.): эти два уподобленія и образовали сюжетъ „Бѣсовъ". Онъ неподражаемо выразилъ щемящее чувство, владѣвшее имъ въ тѣ дни, то чувство, которое охватываетъ каждаго человѣка на трудномъ распутьи, когда жутко ему смотрѣть впередъ „на черный отдаленный путь", когда „тоска, предчувствіе, заботы тѣснятъ его всечасно грудь":

> Мчатся тучи, вьются тучи;
> Невидимкою луна
> Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
> Мутно небо, ночь мутна.
> Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
> Колокольчикъ динь-динь-динь...
> Страшно, страшно поневолѣ
> Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Вьюга слипаетъ очи путнику, дорогу занесло; лошади сбились съ пути: что дѣлать? „Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ". И вотъ —

> Вижу: духи собралися
> Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
> Безконечны, безобразны,
> Въ мутной мѣсяца игрѣ
> Закружились бѣсы разны,
> Будто листья въ ноябрѣ...
> Сколько ихъ? куда ихъ гонятъ?
> Что такъ жалобно поютъ?
> Домового ли хоронятъ,
> Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Это тѣ самые „бѣсы", тотъ же бѣсовскій шабашъ, что видѣла Татьяна въ вѣщемъ снѣ; только теперь въ своей острой боли Пушкинъ съ удивительной ясностью ощутилъ то, чего ранѣе не сознавалъ такъ отчетливо: призрачность холоднаго и пустого коловращенія людской толпы, не только уродство, но и

нереальность ея — и геніально изобразилъ ея бытъ, какъ круженье безобразныхъ призраковъ въ мутномъ свѣтѣ мѣсяца. Характерна еще одна черта: чрезъ все стихотвореніе проходитъ, рядомъ съ чувствомъ жути и превозмогая его,— чувство щемящей жалости къ судьбѣ этихъ призрачныхъ существъ. Они „жалобно поютъ“, и въ концѣ:

Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльнвй вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

Свою глубокую мысль, свое чувство Пушкинъ до такой степени строго облекъ въ конкретныя формы, что для не-зоркихъ глазъ „Бѣсы“—только картина снѣжной метели, сочная и отчетливая въ своихъ частяхъ, очаровательная наглядностью и полнотою настроенія. Символика скрыта совсѣмъ, такъ что четыре поколѣнія не замѣтили ея; осталась чудесная описательная пьеса, которую лѣтъ 70 перепечатываютъ въ хрестоматіяхъ и заставляютъ школьниковъ учить наизустъ. Потебня хорошо сказалъ: „Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою иносказательностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ болѣе глубокихъ проникновеніяхъ въ смыслъ, могутъ только натуры глубокія“.

„Бѣсы“ были написаны 7 сентября, а въ слѣдующій день, 8-го, Пушкинъ написалъ „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, гдѣ говоритъ о томящей его „печали минувшихъ дней“, гдѣ о будущемъ есть такія печальныя строки въ духѣ „Бѣсовъ“:

Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Образъ, вставшій въ воображеніи Пушкина и обрисованный имъ въ „Бѣсахъ“, пустилъ корень и расцвѣлъ. Жизнь—метель, снѣжная буря, заметающая предъ путникомъ дороги, сбивающая его съ пути: такова жизнь всякаго человѣка. Онъ—безвольное игралище метели - стихіи: думаетъ дѣйствовать по личнымъ

цѣлямъ, а въ дѣйствительности движется ея прихотью: такъ углубился въ сознаніи Пушкина тотъ образъ, и эту углубленную символику жизни онъ выразилъ недѣль шесть спустя послѣ „Бѣсовъ“ въ разсказѣ „Метель“, написанномъ въ Болдинѣ-же въ серединѣ октября. Кто не догадывается объ этомъ символическомъ замыслѣ разсказа, долженъ признать сюжетъ „Метели“ пустымъ и неправдоподобнымъ анекдотомъ, какой было бы странно встрѣтить въ творчествѣ Пушкина объ эту пору. Повторяю: формально-холодное сочинительство было противно и чуждо Пушкину. Мы не поймемъ ни одной изъ написанныхъ имъ строкъ6и исказимъ смыслъ всѣхъ, ежели не будемъ помнить за чтеніемъ его поминутно, что онъ былъ весь горячій и расплавленный.

Но въ „Метели“ мысль Пушкина не только обобщена сравнительно съ чисто-автобіографическими „Бѣсами“: въ ней есть и новый элементъ. Именно: здѣсь Пушкинъ изобразилъ жизнь — метель не только какъ властную надъ человѣкомъ стихію, но какъ стихію *умную*, мудрѣйшую самого человѣка. Люди, какъ дѣти, заблуждаются въ своихъ замыслахъ и хотѣніяхъ, - метель подхватитъ, закружитъ, оглушитъ ихъ, и въ мутной мглѣ твердой рукой выведетъ на правильный путь, куда имъ, помимо ихъ вѣдома, и надо было попасть. Она знаетъ ихъ подлинную, ихъ скрытую волю—лучше ихъ самихъ.

Пушкинъ ясно даетъ намъ понять, что Марья Гавриловна въ сущности не любила Владиміра, а просто увлеклась своимъ романтическимъ воображеніемъ. „Марья Гавриловна была воспитана на французскихъ романахъ и, *слѣдственно*, *была влюблена*. *Предметъ*, *избранный* ею, былъ бѣдный армейскій прапорщикъ“, и т. д. И дальше исторія ихъ любви излагается въ томъ-же ироническомъ тонѣ: „само по себѣ разумѣется“, что прапорщикъ пылалъ равною страстью, само собою разумѣется, что родители запретили дочери и думать о немъ, что свиданія продолжались въ уединенныхъ и поэтическихъ мѣстахъ, съ взаимными клятвами въ вѣчной любви и сѣтованіями на судьбу, что между молодыми людьми шла секретная

переписка, что въ концѣ концовъ Владиміръ предложилъ бѣжать и обвѣнчаться тайно,—и, „разумѣется“, эта счастливая мысль „весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны“. Разсказъ о героинѣ продолжается и дальше въ томъ же духѣ: на лицо весь репертуаръ не-истинной, надуманной влюбленности и подражанія романтическимъ образцамъ; здѣсь и длинное прощальное письмо къ чувствительной подругѣ, и письмо къ родителямъ, гдѣ она прощалась съ ними „въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтетъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей“. Пушкинъ не забылъ даже сообщить о тульской печаткѣ, которою героиня запечатала оба письма, что на ней были изображены два пылающихъ сердца съ соотвѣтственной надписью. Всѣ признаки сознаніемъ навязаннаго чувства—и, напротивъ, ни одного намека на искреннюю, смѣлую и простую страсть; и такъ до конца приключенія.

Но Власть-имущій слѣдилъ за милой, простодушной Марьей Гавриловной. Она, шаля, готова была сбиться съ пути,—онъ пошлетъ своего слугу спасти ее. Его слуга—жизнь, метель.

Еще съ вечера поднялась метель, и когда Марья Гавриловна вышла изъ дому, чтобы сѣсть въ сани Владиміра, „вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто силясь остановить молодую преступницу“; и съ той минуты, какъ она садится въ сани,—она въ рукахъ судьбы, какъ и намекаетъ Пушкинъ полушутя, прерывая разсказъ объ ея поѣздкѣ: „Поручивъ барышню п о п е ч е н і ю с у д ь б ы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику“. Потому что разсказать о томъ, какъ пеклась о ней судьба, значило разсказать не о ея путешествіи, вполнѣ исправно проведенномъ Терешкою, а о поѣздкѣ Владиміра, котораго вела судьба,—вела не навстрѣчу ей, а въ сторону. Судьба обернулась метелью. Эту метель—жизнь, метель—судьбу Пушкинъ изображаетъ здѣсь тѣми-же чертами, какъ въ „Бѣсахъ“; она и такъ же издѣвается надъ Владиміромъ, какъ надъ путникомъ „Бѣсовъ“.

„Сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею“:

— Эй, пошелъ, ямщикъ!—„Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
. . . .
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.

Такъ же, какъ въ „Бѣсахъ“, бѣсъ метели водитъ Владиміра по полю и кружитъ по сторонамъ, толкаетъ въ оврагъ измученнаго коня, встаетъ небывалой и обманчивой рощей, долго водитъ по лѣсу и съ хохотомъ выпускаетъ на невѣдомую равнину, „устланную бѣлымъ волнистымъ ковромъ“; и Владиміру тоже, какъ тому путнику,

Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ,

и онъ тоже съ лошадью выбиваются изъ силъ...

Но эта разрушительная цѣль достигнута,—Владиміръ не доѣдетъ во-время,—а въ то же время метель исполняетъ и вторую, творческую половину работы. Въ этотъ самый вечеръ офицеръ Бурминъ изъ сосѣдней усадьбы спѣшилъ въ Вильно, въ свой полкъ; судьба—метель, точно одной рукой отстраняя Владиміра, другою ведетъ нѣкоего Бурмина навстрѣчу Марьи Гавриловны. Въ этомъ мѣстѣ разсказъ Пушкина достигаетъ полной силы; скупость строго обдуманныхъ подробностей напоминаетъ здѣсь „Пиковую даму“. „Пріѣхавъ... на станцію поздно вечеромъ,—разсказываетъ впослѣдствіи Бурминъ,— я велѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; каза-

лось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ и велѣлъ ѣхать туда". Съ удивительнымъ мастерствомъ описана дальнѣйшая сцена — естественность появленія Бурмина среди ожидавшихъ въ церкви, гипнозомъ легшая на него самого, и легкая, роковая его одержимость, когда онъ точно во снѣ или понуждаемый тайной силою сталъ рядомъ съ Марьей Гавриловной предъ аналоемъ (онъ вспоминаетъ: „непонятная, непростительная, вѣтренность"...).— Его появленіе и было естественно,—больше того, ихъ вѣнчаніе, столь случайное съ виду, какъ рѣдко бываетъ, было въ высшемъ смыслѣ закономѣрно, необходимо, естественно, потому что они были „суженые", судьбой предназначенные другъ для друга, какъ и обнаружилось три года спустя, когда, встрѣтившись, они искренно полюбили другъ друга.

Можетъ быть, писавъ этотъ разсказъ, Пушкинъ думалъ: жизнь-метель рѣдко бываетъ такъ добра, но бываетъ.

„ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ"

До сихъ поръ никто не могъ сказать, что разгадалъ смыслъ этой странной поэмы. Первая треть ея занята длиннѣйшимъ разсужденіемъ о стихотворныхъ размѣрахъ, съ полемическими выпадами противъ тогдашней журнальной критики; остальныя двѣ трети—прекрасное повѣствованіе, сюжетъ котораго однако чрезвычайно страненъ. Непонятна связь между тѣмъ вступленіемъ и самой повѣстью, но еще болѣе непонятно, для чего Пушкинъ вздумалъ тщательно излагать въ великолѣпныхъ стихахъ пустой анекдотъ — исторію о томъ, какъ вновь нанятая кухарка въ мѣщанской семьѣ оказалась переодѣтымъ мужчиной. Изъ всѣхъ предложенныхъ объясненій наиболѣе увѣренный видъ имѣетъ объясненіе В. Я. Брюсова. Онъ видитъ въ „Домикѣ въ Коломнѣ" одно изъ проявленій общей политики Пушкина. Пушкинъ, по его словамъ, „старался перенять всѣ формы, выработанныя на Западѣ, словно спѣшилъ проложить для новой русской литературы просѣки по всѣмъ направленіямъ"; въ ряду этихъ опытовъ „своимъ „Домикомъ въ Коломнѣ" Пушкинъ хотѣлъ усвоить русской поэзіи тотъ родъ шутливой романтической поэмы, который, въ тѣ годы, имѣлъ особенный успѣхъ въ Англіи и во Франціи". В. Я. Брюсовъ очень хорошо описываетъ этотъ родъ тогдашней литературы и утверждаетъ, что Пушкинъ намѣревался дать русскимъ читателямъ такую поэму по всѣмъ законамъ этого стиля, какъ онъ ихъ могъ прослѣдить въ своихъ образцахъ—въ „Беппо" Байрона и „Намунѣ" Мюссэ. „Всѣ три поэмы, Байрона, Мюссе и Пушкина, написаны стро-

фами. Общій тонъ во всѣхъ трехъ одинъ и тотъ же: легкой шутки; ко всему, чего касается разсказъ, авторы относятся съ насмѣшкой, но тѣмъ большую силу получаютъ отдѣльныя замѣчанія, сказанныя серьезно и грустно. На каждомъ шагу авторы прерываютъ свой разсказъ то вводными замѣчаніями, то длинными неожиданными отступленіями", и т. д. Пушкинъ, по мнѣнію В. Я. Брюсова, въ точности придержался этихъ правилъ, у него на лицо все, что полагалось дать въ подобной шутливой поэмѣ,—далекія отступленія, интимныя признанія, лирика, легкая болтовня, и пр. Къ этому же обязательному составу, такъ сказать, относится и разсужденіе Пушкина о стихѣ — то странное вступленіе къ разсказу. По хріѣ полагалось наполнить первую половину поэмы отступленіями, и вотъ каждый поэтъ „отступалъ" сообразно своему національному характеру: Байронъ разсуждаетъ о свободѣ печати, о парламентскихъ преніяхъ, о Habeas Corpus, у Мюссе всѣ отступленія вращаются около вопросовъ любви,—вниманіе Пушкина почти исключительно занято вопросами литературы: „горестное свидѣтельство, какъ больно ощущалъ онъ ту травлю, которую предприняли противъ него въ тѣ годы критики и которую онъ старался презирать".

Итакъ, по мнѣнію В. Я. Брюсова, Пушкинъ „Домикомъ въ Коломнѣ" преслѣдовалъ формальную литературную цѣль—написать легкую и своенравную поэму въ стилѣ „Беппо" и „Намуны". Я полагаю, что приписывать Пушкину подобныя намѣренія—въ корнѣ ошибочно; думаю даже, что такая „литературность" должна была внушать ему отвращеніе и что поэтъ, затѣявшій произведеніе съ такимъ холоднымъ разсчетомъ, былъ бы имъ сурово осужденъ. За это порукою и его теорія искусства, и его собственное поэтическое творчество. Къ тому же, общій тонъ „Домика въ Коломнѣ" кажется мнѣ безконечно далекимъ отъ тона „легкой шутки", и вовсе я не вижу, чтобы онъ относился съ насмѣшкой ко всему, чего касается его разсказъ; какъ разъ напротивъ. Близость его повѣсти къ „Беппо" и „Намунѣ", доказываемая В. Я. Брюсовымъ, и даже совпаденіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ несомнѣнны, но это формальное сходство не

рѣшаетъ вопроса, такъ какъ форму отчасти заимствованную Пушкинъ наполнилъ безпримѣрнымъ содержаніемъ. Въ духѣ объективнаго художественнаго творчества „Домикъ въ Коломнѣ“ никогда не удастся понять осмысленно: съ этой точки зрѣнія онъ неизбѣжно представляется нелѣпымъ произведеніемъ, несмотря на отдѣльныя его красоты. Понять его можно только психологически, въ кипящей душевности Пушкина,— и тогда, какіе ослѣпительные лучи выступаютъ въ немъ, и какія черныя тѣни! какъ ровная плоскость разсказа оживаетъ страстнымъ, почти судорожнымъ движеніемъ! и какую выразительность пріобрѣтаютъ строфы и стихи, казавшіяся раньше банальными или мелочными! Пушкинъ созрѣвшій былъ огненъ въ каждомъ своемъ стихѣ; только наше невниманіе виною, если мы находимъ у него скучныя или непонятныя строки. Какъ-разъ въ тѣ дни, когда создавался „Домикъ въ Коломнѣ“, написалъ онъ стихотвореніе „Шалость“, первыя строки котораго кажутся почти безсмысленными.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь *видъ*: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій;
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?

и т. д.

Кто это говоритъ? кто кого спрашиваетъ? Вѣдь здѣсь ничего понять нельзя. А такъ эти стихи и печатаются искони. Но стоитъ прочитать ихъ внимательно, и они загораются яснымъ и острымъ смысломъ. Это—діалогъ, его можно напечатать такъ:

Поэтъ: «Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.»

Критикъ:— „Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?"—

Поэтъ: «Смотри, какой здѣсь видъ»,

и т. д.

Поэтъ отвѣчаетъ желчно, съ силой, — оттого рѣзко ломается и ритмъ, такъ что, вмѣсто правильнаго чередованія мужскихъ и женскихъ попарно риѳмъ, рядомъ оказываются двѣ пары женскихъ: оставить — позабавить, убогій — отлогій.— Вотъ примѣръ Пушкинскихъ нелѣпостей, живущихъ нашимъ непониманіемъ. Странный и анекдотическій „Домикъ въ Коломнѣ" — другой примѣръ такого же рода.

Понять „Домикъ въ Коломнѣ" можно только погрузившись сочувственно въ настроеніе, которое переживалъ Пушкинъ въ дни созданія этой поэмы. Она написана въ октябрѣ 1830 года въ Болдинѣ; подъ 12-й строфой ея въ черновой рукописи значится дата: 5 октября, подъ послѣдней — 10 октября. При быстротѣ, съ какою онъ писалъ въ ту осень, когда напримѣръ „Метель" была окончена 20 октября, „Скупой рыцарь" 23 окт., „Моцартъ и Сальери" 26 окт., „Каменный Гость" 4 ноября, онъ долженъ былъ начать „Домикъ въ Коломнѣ" числа 3-го или даже 4-го. Слѣдовательно „Домикъ въ Коломнѣ" писался приблизительно съ 4-го по 10-ое октября.

За десять дней, съ 1-го по 10-е октября Пушкинъ написалъ,— по крайней мѣрѣ, насколько мы достовѣрно знаемъ, — кромѣ „Домика въ Коломнѣ", еще 4 стихотворенія. Они датированы такъ: 1-го октября, въ день возвращенія отъ кн. Голицыной,— цитированное выше стихотвореніе „Шалость"; 5-го — „Разставаніе", 7-го — „Пажъ или 15-лѣтній король", 9-го — „Я здѣсь, Инезилья", наконецъ, 5-го-10-го „Домикъ въ Коломнѣ". Значитъ, послѣднія три стихотворенія писаны въ промежутки „Домика въ Коломнѣ". Изъ нихъ одно — жгучее воспоминаніе о какой-то женщинѣ, прежде страстно любимой и любимой еще до сихъ поръ,— „Разставаніе":

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,

Будить мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Остальныя два (какъ и написанныя вѣроятно тоже въ Болдинѣ „Предъ испанкой благородной“ и „Пью за здравіе Мери“) несомнѣнно были внушены Пушкину его новымъ, необычно-чистымъ чувствомъ къ невѣстѣ и добродушной насмѣшкой надъ самимъ собою, тридцатилѣтнимъ влюбленнымъ,—т. е. надъ своей юношеской влюбленностью и рыцарской вѣрностью [1]). Это совмѣщеніе чувствъ, казалось бы, противоположныхъ, было неслучайно.

Въ эти Болдинскіе уединенные мѣсяцы Пушкинъ переживалъ весьма сложное настроеніе. Онъ былъ влюбленъ — но эта влюбленность рѣзко отличалась отъ его прежнихъ многочисленныхъ увлеченій. Наталья Николаевна была для него не только предметомъ умиленнаго обожанія и предметомъ страсти: оба эти чувства онъ и раньше питалъ къ другимъ женщинамъ; ново было то, что съ любовью къ Натальѣ Николаевнѣ въ его умѣ неразрывно связалась новая для него мечта о счастіи. Такъ онъ самъ многократно опредѣлялъ свое чувство въ эту осень. До сихъ поръ онъ легко, а иногда и трудно, обходился безъ счастія, теперь ему страстно хотѣлось его. Почему?—объ этомъ онъ не спрашивалъ себя. Въ немъ уже нѣкоторое время властно звучалъ этотъ зовъ, и онъ подчинялся ему, какъ бы неоспоримому приказу; подчинялся, такъ сказать, противъ своей воли, потому что зналъ (и писалъ объ этомъ своимъ друзьямъ), что счастье—не для него, что счастье трудно строить, и притомъ оно въ самомъ себѣ вмѣщаетъ рабство. Его страшила предстоящая семейная жизнь, ему до боли жаль было своей золотой независимости,—и все-таки онъ, какъ обреченный, шелъ впередъ,

[1]) Съ этимъ въ связи — шутливое письмо Пушкина изъ Болдина къ Дельвигу, отъ 4-го ноября, гдѣ онъ называетъ себя „вассаломъ“ Дельвига и свои стихи — „пѣснями трубадура“. — „Я здѣсь, Инезилья“ — конечно самостоятельное стихотвореніе, а не предназначалось для помѣщенія въ „Каменномъ Гостѣ“, какъ думаютъ комментаторы: Пушкинъ не могъ вложить мужскую пѣсню въ уста Лауры.

куда не хотѣлъ: хлопоталъ о свадьбѣ, хотя минутами, ослабѣвая, готовъ былъ стремглавъ убѣжать назадъ, воспользоваться какимъ-нибудь предлогомъ, чтобы разстроить свадьбу, какъ справедливо подозрѣвали его друзья. Такой фатализмъ въ отношеніи собственнаго духа былъ ему всегда присущъ, но никогда еще внутренній голосъ не понукалъ его такъ настойчиво и никогда разладъ между этимъ какъ будто сверхличнымъ повелѣніемъ и личной волею не былъ въ немъ такъ силенъ, какъ теперь. Таковъ былъ одинъ водоворотъ его тогдашняго настроенія.

А отсюда, съ рубежа новой жизни, гдѣ онъ стоялъ, готовясь перешагнуть, — его „сердечная мысль“ невольно влеклась назадъ, въ его прошлое. Тамъ была свобода (стих. „Цыганы“, будто-бы „съ англійскаго“, августъ 1830 года), и тамъ сіялъ незакатно образъ той единственно-любимой женщины, чье имя намъ неизвѣстно („Разставаніе“ 5 октября, „Заклинаніе“ 17 октября, „Для береговъ отчизны дальной“ 27 ноября 1830 г., всѣ три въ Болдинѣ); и столько было мучительнаго и вмѣстѣ сладкаго въ этихъ воспоминаніяхъ, что именно они исторгали изъ лиры Пушкина въ эту осень самые острые, самые жгучіе звуки ужаса, боли, нѣжности, умиленія, точно вопли кающагося преступника.

Между тѣмъ какъ эти противорѣчивыя чувства глубоко волновали его духъ,—жизнь на поверхности бурлила и строилась самозаконно, и безчисленными мелкими остріями проникала въ душу и больно ранила ее, какъ будто глубь, клокотавшая темной бурею, волшебно скопляла реальную грозу надъ головою, и оба волненія скрещивались, взаимно разъяряясь, и совмѣстно творили адъ въ душѣ Пушкина.

Уѣзжая изъ Москвы, онъ разсчитывалъ пробыть въ отлучкѣ 25 дней. Теперь этотъ срокъ кончился; оставаться дольше въ Болдинѣ было для Пушкина во всѣхъ отношеніяхъ мучительно; главное-же, отсрочка лишала его надежды на дальнѣйшее полученіе писемъ отъ невѣсты. Она и то писала рѣдко и скупо, а съ концомъ назначеннаго имъ трехнедѣльнаго срока уже по праву должна была не писать. Надо было во что бы то ни стало

возвращаться въ Москву, — а вокругъ Болдина свирѣпствовала холера и по пути въ Москву уже быстро, одинъ за другимъ, устраивались карантины, да погода испортилась и дороги стали непроѣздными. Онъ рѣшилъ все-таки выѣхать 1-го октября, хотя зналъ, что придется пробыть въ пути не меньше мѣсяца. Наканунѣ, 30-го сентября, онъ писалъ невѣстѣ: „Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ Богородицкѣ не болѣе 6 ти дней. Мнѣ объявили, что устроено 5 карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи! Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго санняго пути. Если что можетъ меня утѣшить, то это—мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это". И дальше: „Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума съ ея карантинами, — развѣ это не самая дряная штука, какую судьба могла придумать. Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго зáмка"...

Въ этотъ самый день, 30-го сентября, Пушкинъ—очевидно, подъ проливнымъ дождемъ—поѣхалъ за 30 верстъ къ княгинѣ Голицыной, чтобы отъ нея разузнать о кратчайшемъ пути, о числѣ карантиновъ и пр. На слѣдующій день онъ вернулся въ Болдино — и тутъ узналъ, что холера достигла Москвы и что „жители всѣ оставили городъ". Послѣднее свѣдѣніе нѣсколько успокоило его, но онъ все-таки хотѣлъ ѣхать. По справкамъ

онъ узналъ — можетъ быть, именно отъ кн. Голицыной,— что выдаются свидѣтельства на свободный проѣздъ или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, и послалъ соотвѣтственное прошеніе въ Нижній. Приходилось ждать отвѣта, безъ всякихъ извѣстій изъ Москвы и безъ надежды на нихъ. 2-го октября, въ замѣткѣ „Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе" онъ писалъ: „... Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ, я, для препровожденія времени, писать возраженія", и т. д. „Смѣю увѣрить моего читателя,.. что глупѣе сего занятія отъ роду ничего не могъ я выдумать".

А тутъ еще, какъ снѣгъ на голову, свалилось на него извѣщеніе, что онъ назначенъ окружнымъ инспекторомъ для надзора надъ карантинами Болдинскаго округа. Это было новое осложненіе: инспекторъ былъ прикрѣпленъ къ мѣсту,— его не выпустили бы изъ округа (какъ потомъ дѣйствительно и случилось). Отвѣтъ изъ Нижняго пришелъ,—онъ гласилъ, что свидѣтельство будетъ выдано въ Лукояновѣ; но одновременно пришло и новое извѣстіе — что въѣздъ и выѣздъ изъ Москвы запрещены. Эта новость, при неизвѣстности о мѣстѣ пребыванія Гончаровыхъ, ошеломила Пушкина. Онъ былъ увѣренъ, онъ надѣялся, что Гончаровы благоразумно уѣхали изъ зараженной Москвы,— зачѣмъ же онъ поѣдетъ туда? ихъ тамъ вѣрно нѣтъ, а его уже оттуда не выпустятъ. И вотъ, онъ рѣшается ждать въ Болдинѣ. Всѣ эти тревоги онъ пережилъ какъ-разъ въ промежутокъ между 1-мъ и 10-мъ октября. 11-го, очевидно, только-что принявъ это рѣшеніе, онъ пишетъ невѣстѣ письмо, тонъ котораго близокъ къ отчаянію. „Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишите мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ что дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ) нашей свадьбѣ не бывать", и т. д.

Въ эти дни писанъ „Домикъ въ Коломнѣ“. Я разскажу такъ отчетливо, какъ сумѣю, что я слышу въ строфахъ этой странной повѣсти. Мое воспріятіе субъективно — я и не думаю доказывать его вѣрность. Болѣе причудливаго Пушкинъ ничего не написалъ; естественно, что и толкованіе покажется произвольнымъ.

Мнѣ слышится въ длинномъ вступленіи къ разсказу отзвукъ душевнаго надрыва, потребность на время бѣжать отъ самого себя, отъ кипѣнія своихъ тяжелыхъ мыслей. Этой лихорадочной болтовней о стихотворныхъ размѣрахъ и журнальной брани Пушкинъ словно заговариваетъ свою сердечную боль и тревогу. Мнѣ кажется: онъ началъ безъ всякой охоты, „для препровожденія времени“, какъ ту „Критическую замѣтку“ отъ 2-го октября, и первый же стихъ звучитъ необычнымъ для него раздраженіемъ:

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ...

На протяженіи десяти строфъ онъ болтаетъ о размѣрахъ, и заглушаемая боль нѣтъ-нѣтъ да вырвется желчнымъ стихомъ: „Изъ мелкой сволочи вербую рать“, „И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель“, „И ты, Делиль, парнасскій муравей“... И по мѣрѣ того, какъ текли строфы, ихъ мѣрный ритмъ до нѣкоторой степени умѣрялъ внутреннюю тревогу. Какъ въ одинъ изъ первыхъ дней Болдинской жизни, 9-го сентября, Пушкинъ писалъ Плетневу: „Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать“, такъ теперь онъ пишетъ въ 11-ой строфѣ:

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
и т. д.

Но самообладанія все-таки нѣтъ; чѣмъ дальше, болтовня становится все судорожнѣе, идетъ скачками, о пустякахъ, поминутно обрывается; послѣ каждой строфы поэтъ дѣлаетъ усиліе надъ собою, чтобы собрать свою мысль и продолжать. Строфы 12-ая, 13-ая, 14-ая похожи на бредъ; дальше какъ-будто най-

дена хоть какая-нибудь тема — о журнальныхъ ссорахъ и журнальной критикѣ, – эта тема близка Пушкину, онъ на минуту одушевляется и ведетъ свой разговоръ осмысленно, но скоро и этотъ предметъ исчерпанъ, дальше опять слѣдуютъ нѣсколько бредовыхъ стиховъ (конецъ 21-ой и 22-ая строфа); наконецъ, рѣшимость найдена и поэтъ начинаетъ разсказъ. Словомъ, чрезъ все вступленіе проходитъ, какъ мнѣ кажется, сердечная судорога боли, тоски, ожесточенія.

Разсказъ начинается какъ-будто эпически-спокойно, хотя и сухо:

Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью, У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка,
За самой будкой.

Но самообладанія и хватило только на эти пять строкъ; за ними слѣдуютъ полтора стиха личныхъ —

Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь —

и мгновенно скрытая боль разражается бурнымъ взрывомъ ожесточенія и гнѣва. Въ чемъ дѣло? Поэтъ помнитъ эту лачужку — такъ что же? почему онъ сердится и готовъ проклинать весь міръ?

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ, передъ вечеркомъ:
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ?—И что же?
Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы охватилъ кругомъ,
То моему бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно: много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ

Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.
Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость;
Оставимъ это—сдѣлайте мнѣ милость!

На первый взглядъ эта вспышка представляется совершенно непонятной. Въ этихъ стихахъ такая острая душевная боль—и почему? потому что на мѣстѣ знакомой лачужки сталъ трехъ-этажный домъ! Что за змѣя шипитъ въ сердцѣ Пушкина, которую онъ силится задушить? и зачѣмъ онъ силится усыпить себя забвеніемъ („Я воды Леты пью")? Совершенно такъ же нѣсколько лѣтъ спустя онъ писалъ женѣ изъ Михайловскаго (25 сент. 1835 г.): „Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась во время моего отсутствія молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть".

Но нѣсколько ниже мы находимъ и другое совершенно сходное отступленіе. Разсказавъ о томъ, что по воскресеньямъ вдова съ дочерью ходили въ церковь Покрова, Пушкинъ снова вдругъ оборачивается на себя и сообщаетъ, совсѣмъ не кстати, что раньше самъ жилъ въ той сторонѣ и теперь любитъ мысленно присутствовать на богослуженіи у Покрова; и дальше слѣдуетъ длинное воспоминаніе, въ четыре строфы, ничѣмъ не связанное съ фабулой разсказа, о какой-то гордой молодой графинѣ, которую онъ видалъ въ той церкви,—о ея красотѣ и пышности, и о затаенной печали, которую онъ читалъ въ ея лицѣ. Почему ему вспомнилась теперь эта графиня?

Для меня ясно, что оба эти отступленія психологически-тожественны; въ обоихъ Пушкинъ выражалъ одну и ту же свою мысль, вѣрнѣе — одно и то же чувство: какъ тамъ ненавистному трехъ-этажному дому противопоставлена милая лачужка,

такъ здѣсь надменной и несчастной графинѣ — простая и сч стливая Параша. Мнѣ кажется — именно въ этомъ противопоставленіи заключенъ весь смыслъ повѣсти. Теперь я могу перейти къ объясненію ея.

Вотъ какъ я представляю себѣ ея зарожденіе. Въ эти тяжкіе дни на порогѣ новой жизни, когда Пушкинъ такъ много обращался мыслью въ прошлое, ему невольно навязывалось сравненіе между нынѣшнимъ его положеніемъ, столь сложнымъ и труднымъ, — и легкой, простой его молодостью. Теперь онъ могучъ и знаменитъ, богатъ средствами къ дѣятельности, замыслами и интересами, связанъ отношеніями со множествомъ людей; но не былъ ли онъ безконечно счастливѣе въ юности, когда стоялъ одинъ, какъ деревцо въ полѣ, безоружный и свободный, — когда, кончивъ Лицей, беззаботно жилъ въ Петербургѣ? Вспоминались ему тутъ Коломна, ея низенькіе дома, церковь у Покрова: онъ дѣйствительно жилъ тамъ послѣ Лицея. Вспомнилась и графиня, которую онъ встрѣчалъ тамъ; біографы Пушкина дознались ея фамиліи,—то была графиня Стройновская; вспомнились тогдашнія проказы и шалости, тѣшившія такъ весело, часто, можетъ быть, укрытыя отъ глазъ, и такъ удачно сходившія съ рукъ. Теперь въ его жизни все грозно и открыто: какъ просто и легко было тогда! И самъ онъ, сложный, смятенный и темный, былъ тогда такъ блаженно-наивенъ!

Такъ, мнѣ кажется, родился въ немъ замыселъ „Домика въ Коломнѣ“. Графиня—это онъ теперешній, Параша,—онъ-же въ пору послѣ Лицея. И не о нихъ, а о себѣ онъ говоритъ въ строфѣ, которая и есть ключъ къ пониманію поэмы (оттого и подчеркнутое воззваніе къ читателю):

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода; хоть жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой ѳиміамъ,—она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

Отсюда та судорога боли, которая, по моему впечатлѣнію, проходитъ чрезъ всю поэму, и тотъ нѣжный свѣтъ, которымъ озарены Параша и ея амурная продѣлка. Потому что замкнутому и неисцѣлимому страданію графини противопоставлена легкая и ловкая хитрость Параши, отлично улаживающая ея сердечныя дѣла. Непонятно, какъ критики и читатели не замѣтили, что мнимая кухарка — очевидно, любовникъ Параши, ею же умышленно введенный въ домъ. Сказавъ о томъ, что молодые гвардейцы любили ѣздить мимо окна Параши и заглядывались на нее, Пушкинъ продолжаетъ, съ яснымъ намекомъ на дальнѣйшую исторію:

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душою холодна? Увидимъ ниже.

А ниже объ этомъ и нѣтъ ни слова, напротивъ, событіе изложено совершенно discret, только кое-гдѣ шалунья-истина лукаво проглядываетъ сквозь объективный разсказъ. Такъ описанъ самый приводъ кухарки Парашею. Посланная матерью къ сосѣдкѣ только съ запросомъ, не знаетъ ли та какой-нибудь кухарки, Параша долго не возвращается. Приходитъ она поздно, когда мать уже одолѣвалъ сонъ; и гдѣ она такъ скоро нашла кухарку?

Было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: „Вотъ, я кухарку привела“.

Эта кошачья тихость не случайно отмѣчена. Другой легкій намекъ—когда уже обманъ былъ разоблаченъ:

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было—простылъ и слѣдъ...

Сочинивъ такую странную, завѣдомо для него непонятную читателямъ поэму, Пушкинъ, разумѣется, ясно предвидѣлъ ожидающій ее пріемъ—и заранѣе разсчелся съ нимъ насмѣшливой „моралью“ въ послѣдней строфѣ. Онъ не ошибся; по свидѣтельству Анненкова, повѣсть, при появленіи ея въ

„Новосельѣ“ на 1833 годъ, „почти всѣми принята была за признакъ конечнаго паденія нашего поэта. Даже въ обществѣ старались не упоминать о ней въ присутствіи автора, щадя его самолюбіе“. Не многимъ выше была, впрочемъ, и позднѣйшая оцѣнка. Бѣлинскій писалъ: „Домикъ въ Коломнѣ“—игрушка сдѣланная рукою великаго мастера. Несмотря на видимую незначительность ея со стороны содержанія, эта шуточная повѣсть тѣмъ не менѣе отличается большими достоинствами со стороны формы...„—онъ находилъ, что отъ чтенія этой повѣсти на душѣ остается „впечатлѣніе легкое, невыразимо-сладостное“. Анненковъ, печатая выброшенные Пушкинымъ строфы вступленія, указывалъ: „Въ нихъ Пушкинъ представляется намъ съ новой стороны. Не заботясь о достиженіи художнической цѣли (!), онъ отдается вполнѣ теченію мыслей и перу своему (!), но какая тонина и беззлобливость шутки, какой превосходный нравственный профиль прикрыты этой сѣтью октавъ, едва набросанныхъ, и какъ она свѣтится въ этомъ стихѣ нараспашку! Тотъ же характеръ отражается и въ самой повѣсти“. Позже удивлялись чудесному реализму бытовой картины и красотѣ стиховъ „Домика въ Коломнѣ“. Щемящей боли, этого „огня подъ мѣрой“, никто не замѣтилъ.

ПРИЛОЖЕНIЕ.

СѢВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА.

Въ біографіи Пушкина есть много темныхъ мѣстъ, но нѣтъ ни одного, которое было бы менѣе освѣщено, чѣмъ тотъ эпизодъ, которому посвящены настоящія замѣтки. Я говорю о первой поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ и въ Крымъ въ 1820 году. Правда, документальныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Пушкина чрезвычайно скудны: два-три мѣста въ его письмахъ, нѣсколько замѣтокъ въ путевыхъ запискахъ Геракова, который путешествовалъ по Кавказу и Крыму въ одно время съ Пушкинымъ и нѣсколько разъ встрѣтился съ нимъ тамъ, наконецъ коротенькій разсказъ врача, сопровождавшаго Раевскихъ въ этой поѣздкѣ — Рудыковскаго, — вотъ и все, что у насъ есть. Но и этими свѣдѣніями біографы Пушкина далеко не воспользовались вполнѣ, а главное — они оставили безъ вниманія весь тотъ обильный біографическій матеріалъ, который заключенъ въ самихъ стихахъ Пушкина. Пушкинъ необыкновенно правдивъ, въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова; каждый его личный стихъ заключаетъ въ себѣ автобіографическое признаніе совершенно реальнаго свойства,—надо только пристально читать эти стихи и вѣрить Пушкину. Такой опытъ „медленнаго чтенія" и представляетъ нашъ очеркъ.

I

Какъ извѣстно, въ началѣ мая 1820 года Пушкинъ, высланный изъ Петербурга въ распоряженіе главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, ген. Инзова, отправился по мѣсту

назначенія въ Екатеринославъ. Здѣсь онъ вскорѣ схватилъ жестокую лихорадку, выкупавшись въ Днѣпрѣ. Недѣли двѣ по его пріѣздѣ проѣзжалъ чрезъ Екатеринославъ генералъ Н. Н. Раевскій, герой 12-го года, направлявшійся съ частью своей семьи (сыномъ Николаемъ и дочерьми Маріей и Софьей, въ сопровожденіи врача, гувернантки и прислуги) на кавказскія минеральныя воды, гдѣ долженъ былъ уже застать старшаго своего сына, Александра Николаевича, который его опередилъ. Н. Н. Раевскій-сынъ былъ еще въ Петербургѣ близокъ съ Пушкинымъ. Найдя послѣдняго больнымъ въ Екатеринославѣ, Раевскіе, съ разрѣшенія Инзова, взяли его съ собою. Съ ними Пушкинъ прожилъ два мѣсяца на минеральныхъ водахъ, и съ ними же въ половинѣ августа переѣхалъ въ Крымъ, въ Гурзуфъ, гдѣ находились остальные члены семьи Раевскаго: его жена и другія двѣ дочери—старшая Екатерина и Елена. Въ Гурзуфѣ Пушкинъ прожилъ три недѣли, послѣ чего, разставшись съ Раевскими, отправился на новое мѣсто своей службы—въ Кишиневъ.

Такова общеизвѣстная исторія этой поѣздки. Начнемъ съ внѣшнихъ фактовъ и постараемся, прежде всего, установить возможно подробно „итинерарій“ поэта.

4 мая помѣчено письмо гр. Каподистрія къ Инзову о переводѣ Пушкина къ нему на службу (это письмо долженъ былъ доставить Инзову самъ Пушкинъ), а 7-го мая Екат. Ник. Раевская, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, поясняла, почему оно идетъ почтою: „мама забыла послать его съ Пушкинымъ“. Это показываетъ, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга послѣ 4-го и раньше 7-го, т.-е. 5-го или 6-го мая[1]). Въ тѣ времена пользованіе „оказіями“ для пересылки писемъ было, какъ извѣстно, очень распространено. Раевскіе, конечно, знали Пушкина, хотя бы чрезъ Н. Н. Раевскаго младшаго, съ которымъ онъ былъ близокъ, знали и о его высылкѣ; но ничто — и эта приписка въ письмѣ Екат. Ник. въ томъ числѣ—

[1]) „Онъ завтра отправляется курьеромъ къ Инзову“, писалъ А. И. Тургеневъ 5-го мая. „Остаф. Арх.“, II, 37.

не даетъ основаній думать, что онъ въ Петербургѣ былъ вхожъ въ это семейство. Напротивъ, все показываетъ, что только на югѣ онъ не только сблизился, но даже познакомился съ Раевскими. Достаточно вспомнить, въ какомъ тонѣ онъ разсказываетъ о нихъ брату тотчасъ по пріѣздѣ въ Кишиневъ (въ письмѣ отъ 24 сентября).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ „Новомъ Времени" (№ 8285) было напечатано письмо въ редакцію изъ Бахмута, оставшееся, къ сожалѣнію, незамѣченнымъ. Автору этого письма (онъ подписался: „бывшій предводитель дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи") въ 1820 году было десять лѣтъ, значитъ свои свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Екатеринославѣ онъ могъ почерпнуть только изъ чужихъ разсказовъ или изъ какой-нибудь современной записи. Но свѣдѣнія, заключающіяся въ его письмѣ, чрезвычайно любопытны. Вотъ оно.

„Пушкинъ проживалъ въ Екатеринославѣ въ 1820 году, съ половины мая до начала іюня, что длилось дней 18, до пріѣзда въ Екатеринославъ генерала Раевскаго, который ѣхалъ со своимъ семействомъ на Кавказъ изъ Петербурга и проѣздомъ остановился въ Екатеринославѣ по просьбѣ своего сына, который ѣхалъ повидаться со своимъ пріятелемъ Пушкинымъ, котораго, по указанію генерала Инзова, нашли въ домѣ, или скорѣе въ домикѣ, на Мандрыковкѣ. Когда генералъ Раевскій съ сыномъ вошли въ комнату, то глазамъ ихъ представилось слѣдующее: Александръ Сергѣевичъ лежалъ на досчатой скамейкѣ или досчатомъ диванѣ. Онъ былъ боленъ. На Раевскихъ онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе при этой обстановкѣ. При видѣ Раевскихъ у него отъ радости покатились слезы. Раевскій выхлопоталъ ему отпускъ, и четвертаго или пятаго іюня онъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ на Кавказъ".

Въ этомъ сообщеніи есть свѣдѣнія, которыми мы раньше не располагали. Во всемъ, что было извѣстно раньше, оно совершенно точно, и даже освѣщаетъ кое-что, что было не совсѣмъ ясно; такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ, что навѣстить Пушкина отправился не только Раевскій-сынъ, но и самъ генералъ, его

отецъ,—и это подтверждается словами самого Пушкина въ упомянутомъ уже письмѣ къ брату: „Генералъ Раевскій... нашелъ меня въ жидовской хатѣ“, и т. д. Эта точность сообщенія въ его извѣстной части внушаетъ довѣріе и къ новымъ свѣдѣніямъ, которыя оно содержитъ: что Раевскій заѣхалъ въ Екатеринославъ по просьбѣ сына, который хотѣлъ повидаться тамъ съ Пушкинымъ; что Пушкинъ былъ до слезъ обрадованъ ихъ пріѣздомъ, и что изъ Екатеринослава они выѣхали 4 или 5 іюня.

Мы имѣемъ теперь возможность съ точностью установить дальнѣйшій маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Въ семейномъ архивѣ внуковъ М. Ѳ. Орлова, который, какъ извѣстно, въ началѣ двадцатыхъ годовъ женился на старшей дочери ген. Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, сохранились письма, писанныя Раевскимъ-отцомъ къ этой самой дочери съ кавказскихъ минеральныхъ водъ въ теченіе этого лѣта. Въ главной своей части они представляютъ какъ бы дорожный дневникъ. Имя Пушкина въ этихъ письмахъ не упоминается ни разу—безъ сомнѣнія потому, что, кромѣ самого Ник. Ник., писали Екатеринѣ Николаевнѣ съ дороги и съ мѣста и братъ Николай, и сестры, ѣхавшія съ отцомъ: они вѣроятно и описали ей встрѣчу съ поэтомъ въ Екатеринославѣ и дальнѣйшее совмѣстное путешествіе съ нимъ. По той же причинѣ старикъ не упоминаетъ и о встрѣчѣ съ сыномъ Александромъ въ Горячеводскѣ, и вообще ничего не пишетъ о бывшихъ съ нимъ членахъ семьи. На всѣхъ его письмахъ — надпись: „Катенькѣ“; очевидно, полный адресъ (и не на ея имя, а на имя матери, С. А.) писался на общемъ пакетѣ, заключавшемъ и его письма къ женѣ, и письма молодежи.

Эти письма Н. Н. Раевскаго читатель найдетъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Они любопытны, какъ итинерарій Пушкина и какъ живая рѣчь его амфитріона. Въ нихъ—точно движущаяся панорама тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ поэтъ и отзвукъ тѣхъ поясненій, которыя, можетъ-быть, давалъ старикъ Раевскій своимъ молодымъ спутникамъ.

Эти письма позволяютъ, прежде всего, устранить одно недоразумѣніе, связанное со ссылкой Пушкина на югъ. Опираясь на слова Карамзина въ письмѣ къ кн. Вяземскому, что Пушкинъ „благополучно поѣхалъ въ Крымъ“, многіе думаютъ, что Пушкинъ еще въ Петербургѣ зналъ о предстоящей ему поѣздкѣ на Таврическій полуостровъ. Эта догадка безъ сомнѣнія ошибочна. Самъ Пушкинъ, въ упомянутомъ письмѣ къ брату, разсказавъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Екатеринославѣ, пишетъ: „Сынъ его... предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ“, т.-е. предложилъ тутъ же, при встрѣчѣ; слѣдовательно, предварительнаго уговора не было. Что же касается Крыма, то, какъ показываютъ помѣщаемыя ниже письма Раевскаго, послѣдній и самъ до конца лѣта не былъ увѣренъ, что попадетъ въ Крымъ: его жена съ двумя дочерьми оставались въ Петербургѣ, и ихъ пріѣздъ въ Гурзуфъ, повидимому, не былъ окончательно рѣшенъ съ весны. Выраженіе Карамзина объясняется, конечно, простой неточностью; онъ имѣлъ въ виду больше служебное званіе Инзова, къ которому прикомандировывался Пушкинъ („попечитель колоній южнаго края“), нежели точное обозначеніе мѣста.

По этимъ письмамъ маршрутъ Раевскихъ и Пушкина можетъ быть опредѣленъ довольно точно. Въ Екатеринославъ Раевскіе пріѣхали въ десятомъ часу вечера, и еще въ тотъ же вечеръ (какъ свидѣтельствуетъ Рудыковскій) старикъ съ сыномъ разыскали Пушкина. Любопытная черта для характеристики отца-Раевскаго: этотъ превосходный человѣкъ, сильный духомъ и вмѣстѣ нѣжный, видно, съ теплымъ участіемъ отнесся къ больному пріятелю сына, если ночью, усталый съ дороги, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ разыскивать его; неудивительно, что Пушкинъ былъ тронутъ.

Согласіе Инзова на отпускъ Пушкину было получено, конечно, безъ труда, и уже на другой день послѣ завтрака путешественники выѣхали изъ Екатеринослава; по всей вѣроятности, это было именно 4-го іюня. Отъ Екатеринослава ѣхали, какъ видно изъ нижеприводимыхъ писемъ, весь остальной день и за-

тѣмъ всю ночь. Утромъ 5-го іюня пріѣхали въ Таганрогъ, провели здѣсь день и ночевали. 6-го утромъ выѣхали изъ Таганрога, проѣхали Ростовъ-на-Дону, и вечеромъ того же дня пріѣхали въ Аксай; здѣсь переночевали, и слѣдующій день провели въ Новочеркасскѣ. Утромъ 8-го числа выѣхали изъ Аксая; 9-го пріѣхали въ Ставрополь и, проѣхавъ далѣе, ночевали не доѣзжая Георгіевска; 10-го пріѣхали въ Георгіевскъ, здѣсь переночевали и, выѣхавъ утромъ 11-го, въ тотъ же день прибыли на Горячія воды. Съ этимъ разсчетомъ вполнѣ согласуется то, что 13-го Раевскій-отецъ принялся писать свое обстоятельное письмо дочери.

На Горячихъ водахъ Раевскіе съ Пушкинымъ прожили, какъ показываютъ тѣ же письма, нѣсколько больше трехъ недѣль: 3-го іюля они переѣхали въ Желѣзноводскъ, разсчитывая пробыть тамъ двѣ недѣли и затѣмъ перебраться въ Кисловодскъ, тоже на двѣ недѣли. Вѣроятно, около 1-го августа Раевскіе оставили Кисловодскъ и двинулись въ обратный путь, опять чрезъ Горячія воды, гдѣ, повидимому, провели день или два; здѣсь Гераковъ, 2-го августа, видѣлся съ Пушкинымъ („Путевыя записки", 99—100). По этимъ же запискамъ Геракова мы можемъ возстановить весь обратный маршрутъ Раевскихъ съ Кавказа въ Крымъ: 8-го августа онъ встрѣтился съ ними въ Темижбекѣ и потомъ въ крѣпости Кавказской, 14-го—въ Тамани, 15-го—въ Керчи, 17-го—въ Ѳеодосіи. Изъ письма Пушкина къ брату видно, что ѣхали они до Тамани въ каретахъ, отсюда до Керчи моремъ, затѣмъ опять въ каретахъ до Ѳеодосіи. Если и допустить, что въ Ѳеодосіи они нѣсколько задержались (младшій Раевскій захворалъ въ дорогѣ), то все-таки морской переѣздъ изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ они совершили, безъ сомнѣнія, числа 18-го или 19-го. Во время этого ночного переѣзда, какъ извѣстно, была написана Пушкинымъ элегія „Погасло дневное свѣтило". Эту элегію Пушкинъ потомъ послалъ брату для передачи Гречу, и вѣроятно уже братъ выставилъ подъ нею ту ошибочную помѣтку: „Черное море, 1820, сентябрь", съ которою она была напечатана въ „Сынѣ Отечества" и печатается донынѣ.

Итакъ, въ Гурзуфъ Пушкинъ прибылъ около 19 го августа. Здѣсь уже ждали ихъ жена Раевскаго съ остальными двумя дочерьми, Екатериной и Еленой, по которымъ старикъ такъ скучалъ на Кавказѣ. Въ письмѣ къ брату Пушкинъ говоритъ, что прожилъ въ Гурзуфѣ три недѣли; значитъ, онъ долженъ былъ уѣхать оттуда, считая съ 19-го августа, около 10-го сентября, и въ Кишиневъ онъ прибылъ, вѣроятно, около 15-го. И дѣйствительно, 24-го сентября онъ пишетъ изъ Кишинева брату неоднократно упомянутое нами письмо, которое по всему своему характеру заставляетъ думать, что онъ въ Кишиневѣ уже по крайней мѣрѣ нѣсколько дней. Всѣ эти даты почти абсолютно точны; но почему въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина два раза встрѣчается помѣтка подъ стихами: „Юрзуфъ, 20-го сентября“, мы не можемъ себѣ объяснить. Чтобы писать брату изъ Кишинева 24-го сентября, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Гурзуфа во всякомъ случаѣ раньше 20-го.

Изъ Гурзуфа Раевскіе поѣхали, какъ извѣстно, въ Каменку. Въ Пушкинской литературѣ было много споровъ о томъ, сопровождалъ ли ихъ туда и Пушкинъ, чтобы уже оттуда направиться въ Кишиневъ. Но этотъ вопросъ рѣшается безъ труда. Изслѣдователи упустили изъ виду, что у Геракова есть, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ „Путевыхъ записокъ“, еще и „Продолженіе путевыхъ записокъ“, изданное отдѣльной книгою въ 1830 г. Здѣсь онъ разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19-го и 20-го сентября (стр. 24, 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму; значитъ, онъ не могъ сопровождать Раевскихъ въ Каменку. Упустили изъ виду еще и то, что И. М. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.“, стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11-го сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и, слѣдовательно, не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18-го—20-го сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому, еще оста-

вилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина видно изъ словъ самого Пушкина, въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г.: „Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились“.

II.

Отъ этихъ внѣшнихъ фактовъ перейдемъ къ внутренней, къ душевной жизни Пушкина въ первые мѣсяцы его ссылки.

Уже В. Д. Спасовичъ обратилъ вниманіе на то, что въ стихахъ Пушкина задолго до ссылки, едва ли не съ 1817 года, временами сказывается неудовлетворенность разсѣянной петербургской жизнью. Инстинктивно онъ, повидимому, давно уже рвался вонъ изъ этой обстановки. Къ концу петербургскаго періода это чувство въ немъ крѣпнетъ, овладѣваетъ сознаніемъ и обнаруживается съ полной ясностью. Весь послѣдній годъ передъ ссылкою Пушкинъ уже сознательно стремится вонъ изъ Петербурга. Мы знаемъ, что въ мартѣ 1819-го года онъ собирался вступить въ военную службу и уѣхать на Кавказъ; потомъ, оставивъ это намѣреніе подъ вліяніемъ авторитетныхъ совѣтовъ, онъ рѣшаетъ удалиться въ отцовскую деревню:

Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной нѣгѣ, и т. д.

Лѣтомъ этого же года, живя въ деревнѣ, онъ пишетъ:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой я промѣнялъ порочный дворъ Цирцей, и т. д.

И здѣсь опять звучитъ тотъ же мотивъ—жажда свободы:

Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить...

Онъ впервые сблизился съ Чаадаевымъ еще будучи въ Лицеѣ, и затѣмъ тѣсно подружился съ нимъ уже въ Петербургѣ, въ 1818—1819 гг.; и вотъ какъ онъ, въ посланіи къ Чаадаеву, характеризуетъ эти два момента своей жизни:

> Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
> Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
> Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной...

Эта строка, въ которой Пушкинъ изображаетъ свое душевное состояніе за время передъ ссылкой, не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ ясности: онъ „тайно изнывалъ“ въ „суетныхъ оковахъ“—онъ жаждалъ „свободы“.

И вотъ онъ покидаетъ Петербургъ. Правда, онъ не самъ расторгнулъ оковы,—онъ выброшенъ отсюда грубой рукой; но онъ такъ долго, такъ страстно рвался вонъ, что важность самаго факта застилаетъ для него причину: ему кажется, что онъ самъ бѣжалъ, въ поискахъ свободы и свѣжихъ впечатлѣній. Въ томъ же посланіи къ Чаадаеву (апрѣль 1821 г.) онъ говоритъ:

> И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
> Для сердца новую вкушаю тишину.

Еще опредѣленнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ элегіи, написанной на пути изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ:

> Искатель новыхъ впечатлѣній,
> Я васъ бѣжалъ, отечески края,
> Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
> Минутной младости минутные друзья.

И еще долго спустя, въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, онъ упорно повторяетъ: „Покинувъ сѣверъ наконецъ...“

Это—капитальный фактъ изъ внутренней біографіи Пушкина. Мы увидимъ дальше, какую важную роль онъ сыгралъ въ творчествѣ нашего поэта.

Итакъ, онъ на волѣ, онъ вырвался изъ душной атмосферы „свѣта“, онъ свободенъ отъ „стѣснительныхъ условій и оковъ“. Какъ же онъ чувствуетъ себя въ первые мѣсяцы ссылки? Сча-

стливъ ли онъ своей свободой? вбираетъ ли онъ жадно тѣ новыя впечатлѣнія, которыхъ такъ искалъ?—Нѣтъ; въ немъ произошла какая-то глубокая перемѣна, которую онъ самъ не въ силахъ себѣ уяснить. На протяженіи многихъ мѣсяцевъ послѣ пріѣзда на югъ его стихи и письма говорятъ объ одномъ: о полной апатіи, объ омертвѣлости духа, о недоступности какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ.

Это началось, повидимому, тотчасъ по пріѣздѣ. На Горячихъ водахъ онъ пишетъ эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“ — здѣсь мы находимъ такія строки:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!

Недолго спустя, на южномъ берегу Крыма, онъ въ стихотвореніи «Чаадаеву» говоритъ о себѣ:

...въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

И тамъ же, въ Гурзуфѣ, пишетъ онъ великолѣпное стихотвореніе «Мнѣ васъ не жаль», гдѣ, перечисливъ безъ сожалѣнія утѣхи своей бурной юности, говоритъ:

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны!

Его обычная впечатлительность какъ бы атрофирована. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ такъ—самъ удивляясь своей безчувственности—разсказывалъ въ письмѣ къ Дельвигу (черновомъ) о своемъ переѣздѣ съ Кавказа въ Крымъ. Въ Керчи онъ посѣтилъ гробницу Митридата. «Воображенiе мое спало; хоть бы одно чувство, нѣтъ! тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнiя. Развалины Пантикапеи подѣйствовали на мое воображенiе еще того менѣе». Ночью, плывя изъ Өеодосiи въ Гурзуфъ, онъ не спалъ, но когда капитанъ указалъ ему вдали Чатырдагъ, онъ не различилъ его, «да и не любопытствовалъ». И дальше, среди тѣхъ строкъ, гдѣ онъ описываетъ свою жизнь въ Гурзуфѣ, есть неоконченная фраза: «Холодность моя посреди прелестей природы...» Только на минуту, въ ту безсонную ночь на кораблѣ, ожила его душа при воспоминанiи о прошломъ—и «въ очахъ родились слезы вновь».

Надо замѣтить, что это состоянiе безчувственности, безочарованности, осложняясь и углубляясь, длилось у Пушкина затѣмъ еще очень долго,—но это для насъ теперь не важно: мы изучаемъ только первое время его ссылки.

Въ эти первые мѣсяцы безчувственность сказывалась у него еще косвенно: временной утратой поэтическаго вдохновенiя. Ему самому казалось, что онъ утратилъ вдохновенiе навсегда. Мы уже видѣли въ эпилогѣ къ «Руслану и Людмилѣ»: «огнь поэзiи погасъ», и т. д. Этотъ эпилогъ кончается такими строками:

Восторговъ краткiй день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣнiй...

И это сознанiе, опять-таки, еще долго звучитъ въ его стихахъ

И ты, моя задумчивая лира...
Найдешь ли вновь утраченные звуки.

(„Желанiе", 1821 г.)

Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній..,

(„Война“, 1821 г.)

и еще въ первой пѣсни „Онѣгина“:

Адріатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!

Пушкинъ, разумѣется, старался дать себѣ отчетъ—откуда эта мертвенность его духа,—и отвѣтъ напрашивался самъ собою: бурныя страсти опустошили его душу:

...рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,

говоритъ онъ въ элегіи „Погасло дневное свѣтило“, и повторяетъ это потомъ многократно: „въ волненіи страстей я тайно изнывалъ“, и т. д. Но къ этому мы еще вернемся.

III.

Надо ясно представить себѣ душевное состояніе Пушкина въ эти первые мѣсяцы ссылки, чтобы не исказить перспективу его настроеній. Эту самую мертвенность духа надо понимать условно. Пушкинъ писалъ потомъ о своей жизни въ Крыму, что это были „счастливѣйшія минуты его жизни“, что онъ „наслаждался“ южной природой. Но это было наслажденіе пассивное: онъ самъ прибавляетъ, что сразу привыкъ къ южной природѣ „и ни на минуту ей не удивлялся“. Его душа была закрыта для очарованій, но красоты природы, миръ, счастливый кругъ семьи, въ которую онъ вошелъ,—все это дѣйствовало на него благотворно.

А въ глубинѣ души онъ въ эти самые дни внѣшней безчувственности свято лелѣялъ какое-то живое и сильное чувство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Пушкинъ вывезъ изъ Петербурга любовь къ какой-то женщинѣ, и что эта лю-

бовь жила въ немъ на югѣ еще долго, во всякомъ случаѣ—до Одессы. Онъ говоритъ о ней съ ясностью, не оставляющей мѣста никакимъ толкованіямъ. Почему онъ не спалъ въ ту ночь на военномъ бригѣ, везшемъ его и Раевскихъ въ Гурзуфъ? Онъ плылъ въ виду полуденныхъ береговъ—но Чатырдагъ оставляетъ его равнодушнымъ: „воспоминаньемъ упоенный", онъ думаетъ о своей любви—онъ „вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь", и это-то воспоминаніе вызвало слезу на его глаза. Онъ говоритъ о томъ, что бѣжалъ отъ минутныхъ друзей юности, бѣжалъ изъ отеческаго края,—

Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви ничто не излѣчило.

Въ посвященіи къ „Кавказскому Плѣннику" онъ говоритъ Раевскому-сыну, вспоминая свою ссылку и время, проведенное съ нимъ на Кавказѣ и въ Крыму:

Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;

и образъ этой же женщины „преслѣдовалъ" его тогда, когда онъ стоялъ передъ фантаномъ слезъ въ Бахчисараѣ, и о ней онъ говоритъ въ заключительныхъ строкахъ „Бахчисарайскаго Фонтана" (1822 г.):

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную [1]);
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...

Эти намеки слишкомъ содержательны и слишкомъ тождественны, чтобы можно было ими пренебречь. Эти сейчасъ приведенные стихи („любовный бредъ", какъ назвалъ ихъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ) онъ выключилъ при первомъ изданіи поэмы—какъ дѣлалъ всегда со стихами, содержавшими личный на-

---

[1]) „Еще земную"—въ противоположность тѣнямъ Маріи и Заремы.

мекъ. Что женщина, которую онъ любилъ, жила на сѣверѣ, показываетъ стихъ:

Объ ней въ изгнанiи тоскую.

Кто была эта женщина? Бiографы не знаютъ за Пушкинымъ никакой сѣверной любви на югѣ. Напротивъ, они утверждаютъ, что Пушкинъ въ Крыму влюбился въ Екатерину Николаевну Раевскую (другiе думаютъ, что въ Елену), и къ ней относятъ всѣ эротическiя мѣста въ стихахъ Пушкина за 1820—1821 гг. Мы сейчасъ видѣли, что это была старая любовь, что воспоминанiе о ней преслѣдовало Пушкина и на Кавказѣ, и на пути въ Крымъ, т.-е. до встрѣчи съ Екатериной и Еленой Раевскими, наконецъ, что любимая имъ женщина несомнѣнно жила далеко („въ изгнанiи тоскую"). Но и помимо этихъ прямыхъ указанiй, все говоритъ противъ предположенiя о любви Пушкина къ какой-либо изъ Раевскихъ. Единственное стихотворенiе, которое съ нѣкоторымъ правомъ можно отнести къ одной изъ Раевскихъ—„Увы, зачѣмъ она блистаетъ",—не содержитъ ни малѣйшаго намека на любовь. Уже позднѣе, въ Каменкѣ, Пушкинъ написалъ элегiю: „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда", полную воспоминанiй о Крымѣ. Разрѣшая Бестужеву напечатать эту элегiю, онъ потребовалъ, чтобы послѣднiе три стиха были выпущены,—и очень разсердился, когда увидѣлъ ихъ въ печати. Вотъ эти три стиха:

...Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя (звѣзду) искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Это былъ конкретный намекъ, возможно—на одну изъ Раевскихъ (и тогда—на Елену: „дѣва юная"). Но и въ этихъ трехъ стихахъ нѣтъ намека на любовь; напротивъ, весь характеръ воспоминанiя исключаетъ мысль о какомъ-либо остромъ чувствѣ: „Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь", говоритъ Пушкинъ о себѣ. Въ ближайшiе мѣсяцы послѣ Гурзуфа Пушкинъ раза два ѣздилъ изъ Кишинева къ Раевскимъ въ Кiевъ но и тутъ ни однимъ стихомъ не обмолвился о своей любви.

Наконецъ, его дальнѣйшія отношенія къ Екатеринѣ Николаевнѣ уже совершенно исключаютъ мысль о любви къ ней. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Гурзуфа она вышла замужъ за М. Ѳ. Орлова и съ тѣхъ поръ жила въ Кишиневѣ, Пушкинъ былъ ежедневнымъ гостемъ въ ихъ домѣ и очень друженъ съ мужемъ, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ страдалъ, ревновалъ и т. п. [1]).

Главнымъ основаніемъ легенды о любви Пушкина къ Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской служатъ тѣ строки въ его стихахъ и письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ, впервые расказавшей ему исторію Бахчисарайскаго фонтана. Теперь даже трудно доискаться, кто первый пустилъ въ ходъ этотъ аргументъ. Все дѣло заключается въ слѣдующемъ. 8-го февраля 1824 года Пушкинъ писалъ Бестужеву: „Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive».

Эти строки изъ Пушкинскаго письма неизвѣстно какимъ путемъ попали къ Булгарину, который и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ съ поясненіемъ: „П. писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: „Недостатокъ плана...“ и т. д. Когда Пушкинъ узналъ объ этомъ, его бѣшенству не было предѣла, и 29-го іюня онъ пишетъ Бестужеву (выговаривая и за другую нескромность—за напечатаніе тѣхъ трехъ заключительныхъ стиховъ): „Чортъ дернулъ меня написать еще кстати о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными. Журналъ можетъ попасть въ ея руки. Что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей... Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я бо-

[1]) См. нашу „Исторію Молодой Россіи“, М. 1908, стр. 26—28.

лѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась".

И вотъ, біографы Пушкина, сопоставляя эти строки съ его словами въ письмѣ къ Дельвигу, что о фонтанѣ слезъ онъ впервые услыхалъ отъ какой-то К**, рѣшили, что это и была Екатерина Николаевна Раевская, и что слѣдовательно въ послѣднюю и былъ влюбленъ тогда Пушкинъ.

Между тѣмъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкинъ впервые услыхалъ несомнѣнно въ Петербургѣ. Объ этомъ съ полной ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала „Бахчисарайскаго Фонтана".

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостномъ унылъ
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой. быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья, и т. д.

Здѣсь такъ ясно обрисована петербургская жизнь Пушкина, что сомнѣній быть не можетъ. Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ говоритъ, что К** поэтически описывала ему фонтанъ, называя его „la fontaine des larmes", а въ самой поэмѣ онъ говоритъ объ этомъ:

Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Эти выдержки, думается, рѣшаютъ вопросъ. Да и какъ можно было относить этотъ эпизодъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, которую мы хорошо знаемъ за натуру холодную, положительную, строгую, когда самъ Пушкинъ ту женщину, которая разсказывала ему о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, характеризуетъ выраженіями: «поэтическое воображеніе К**», «элегическая моя красавица», и примѣняетъ къ ней стихъ: «bouche aimable et naive?» Какою представлялась ему Екатерина Николаевна, можно судить по тому, что̀ онъ писалъ кн. Вяземскому по поводу

«Бориса Годунова»: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова».

Итакъ, кто же былъ предметомъ сѣверной любви Пушкина на югѣ?—При нынѣшнемъ состоянiи нашихъ свѣдѣнiй на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить положительно, а шаткихъ догадокъ лучше избѣгать. Несомнѣненъ самый фактъ его сѣверной любви; этимъ фактомъ и надо пока довольствоваться, не затемняя его пристрастiями.

IV.

Теперь, зная настроенiя Пушкина въ первый перiодъ ссылки, зная и его омертвѣлость, и его сѣверную любовь, мы глубже и вѣрнѣе поймемъ его „Кавказскаго Плѣнника", написаннаго непосредственно послѣ поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ (начатъ еще въ Гурзуфѣ).

Если бы нужны были еще доказательства поразительной, щепетильной, почти педантической правдивости Пушкина, лучшимъ изъ нихъ могла бы служить эта поэма. Она вѣрна дѣйствительности до мелочей. Пушкинъ самъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу, указалъ на одну такую черту: какъ ни соблазнительно было избрать мѣстомъ дѣйствiя горы и ущелья Кавказа,—онъ „поставилъ своего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца". И подобныхъ чертъ много. Напримѣръ, дѣйствiе поэмы происходитъ лѣтомъ, въ перiодъ грозъ, косьбы (можетъ быть, второй)—когда и Пушкинъ былъ на Кавказѣ. Онъ описываетъ Байрамъ—и отъ Геракова мы знаемъ („Пут. зап.", 153), что въ тотъ годъ Байрамъ начался 5-го или 6-го сентября, и, слѣдовательно, Пушкинъ могъ его видѣть у крымскихъ татаръ.

Пушкинъ неоднократно признавался, что въ лицѣ Плѣнника изобразилъ самого себя. Соглашаясь съ мнѣнiемъ Горчакова, что характеръ Плѣнника неудаченъ, онъ замѣчаетъ: „Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенiя", и, посвящая поэму младшему Раевскому, онъ говоритъ:

Ты здѣсь найдешь...
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.

Мы видѣли, каково было душевное состояніе Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму— и какимъ оно представлялось ему самому. Три чувства преобладали въ немъ: 1) онъ чувствовалъ себя на свободѣ, и былъ интимно увѣренъ, что самъ бѣжалъ отъ „стѣснительныхъ условій и оковъ"; 2) онъ чувствовалъ себя нравственно мертвымъ, недоступнымъ никакому очарованью, никакой радости; 3) наконецъ, онъ лелѣялъ какую-то давнюю, нераздѣленную любовь. Этими тремя элементами всецѣло исчерпывается и психологическій сюжетъ „Кавказскаго Плѣнника". Больше въ немъ нѣтъ ничего. Замѣчательно, что въ своей безсознательной правдивости Пушкинъ и Плѣнника сдѣлалъ поэтомъ, какимъ былъ самъ: „Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ", говоритъ онъ о Плѣнникѣ.

Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ Пушкинымъ за это первое время его ссылки, можно подобрать рядъ признаній, почти буквально совпадающихъ съ характеристикой, которую онъ даетъ своему Плѣннику. И Плѣнникъ, какъ самъ Пушкинъ, „бѣжалъ" съ сѣвера—и по той же причинѣ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

И то, что дальше говорится о Плѣнникѣ:

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ,—

это самое Пушкинъ, въ 1821 г., писалъ Дельвигу о себѣ:

Къ невѣрной славѣ я хладѣю—
Одна свобода мой кумиръ.

Общъ ему съ Плѣнникомъ и „души печальный хладъ". Какъ въ немъ самомъ, это—самая рѣзкая черта въ душевномъ состояніи Плѣнника: она проходитъ красной нитью чрезъ всю поэму. Въ отвѣтъ на любовь черкешенки Плѣнникъ говоритъ:

Но поздно: умеръ я для счастья
Надежды призракъ отлетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Въ августѣ 1821 г. Пушкинъ то же самое отвѣчаетъ отъ себя женщинѣ, которая, какъ ему показалось, готова его полюбить („Умолкну скоро я", черновая):

Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей уже не воскреситъ.
Ей чуждо страсти упоенье
И щастье тихое меня не веселитъ.

И онъ объясняетъ эту душевную мертвенность Плѣнника такъ же, какъ собственную разочарованность: дѣйствіемъ страстей, рано опустошившихъ душу:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей,

или:

Страстями сердце погубя...

или:

Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье... и т. д.

Но, какъ и онъ, Плѣнникъ унесъ съ собою изъ родного края долгую, мучительную страсть—и также безъ взаимности, какъ Пушкинъ. То, что Пушкинъ говоритъ о себѣ въ элегіи „Погасло дневное свѣтило",—то самое онъ почти буквально говоритъ и о Плѣнникѣ:

...въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней...
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,
Тоска любви безъ упованья.

Даже романтическую фабулу своей поэмы (которую надо отличать отъ психологическаго сюжета) Пушкинъ не выдумалъ, а взялъ, повидимому, изъ собственнаго опыта. Въ объятіяхъ женщины думать о другой—такова эта фабула:

Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжко мыслить о другой!..

Вся эта фабула in nuce заключена въ стих. „Дорида“, которое было написано Пушкинымъ еще въ Петербургѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до ссылки: въ объятіяхъ Дориды ему „другія милыя... видѣлись черты“ и „имя чуждое“ уста его шептали.

Надо обратить вниманіе на тѣ два стиха о Плѣнникѣ:

Измучась ревностью н а п р а с н о й,
Уснувъ безчувственной душой...

Въ нихъ вся исторія „сѣверной“ любви Плѣнника—и Пушкина.

V.

Этой сѣверной любовью вдохновлялась поэзія Пушкина на югѣ цѣлыхъ два года, ею внушенъ былъ не только „Кавказскій Плѣнникъ“, но и „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Чуднымъ свѣтомъ озаряется для насъ его творчество—мы нисходимъ до таинственныхъ источниковъ вдохновенія.

Но ихъ даже не надо искать, ихъ показываетъ намъ самъ Пушкинъ. Онъ увезъ на югъ только смутный обликъ любимой женщины, не настоящую страсть, а глубокое томленіе, сладкое очарованье недостижимой, нѣжной, кроткой красоты. И, можетъ быть, именно этой безбурной полнотой волшебнаго очарованья, этой туманностью чарующаго образа и питалось больше всего вдохновеніе поэта. Реальная страсть узка, нетерпима, въ ней нѣтъ такой дали. Въ черкешенкѣ и въ Маріи Потоцкой Пушкинъ возвелъ въ „перлъ созданія“ женщину своей сѣверной любви.

Онъ самъ говоритъ это. Стоя передъ фонтаномъ въ Бахчисараѣ, онъ равнодушно смотрѣлъ кругомъ:

...не тѣмъ
Въ то время сердце полно было.

Ему чудилась тѣнь дѣвы:

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?

То были не Марія и Зарема,—то былъ образъ другой, живой женщины:

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго ль, узникъ томной,
Тебѣ оковы лобызать
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Это—та любовь, о которой онъ говоритъ въ стихотвореніи „Умолкну скоро я" (авг. 1821 г.):

Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью...

Пушкинъ самъ разсказываетъ (1823 г.), что, прочитавъ Туманскому отрывки изъ своего „Бахчисарайскаго Фонтана", онъ сказалъ ему, что не желалъ бы напечатать эту поэму, „потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру". То самое, что онъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ поэмы, онъ повторилъ и въ стихотвореніи „Фонтану Бахчисарайскаго дворца":

Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?
Иль только сонъ воображенья

Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Въ черновомъ было: „Любви безумной идеалъ".

И уже позднѣе, въ „Онѣгинѣ", вспоминая обѣ свои поэмы—и „Плѣнника", и „Фонтанъ",—онъ писалъ:

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира...

На югѣ Пушкинъ, какъ извѣстно, впервые узналъ Байрона, и отсюда начинается „байроническій" періодъ его творчества. Вопросъ о байронизмѣ у Пушкина требуетъ коренного пересмотра. Нельзя—какъ это большею частью дѣлалось до сихъ поръ—говорить о вліяніи, не изучивъ предварительно ту психическую почву, на которую легло это вліяніе; чтобы выдѣлить байроническіе элементы въ поэзіи Пушкина, надо знать, чѣмъ былъ Пушкинъ въ моментъ своего ознакомленія съ Байрономъ. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, но основныя линіи уже теперь ясны. Мы видѣли, какъ много „байроническихъ" элементовъ было въ душѣ Пушкина уже въ 1819 г. и началѣ 1820 г., т.-е. прежде, чѣмъ Раевскіе познакомили его съ поэзіей Байрона; и съ другой стороны, легко замѣтить, что одна изъ основныхъ чертъ Байроновскаго настроенія осталась чужда ему и послѣ этого знакомства: бурный протестъ, мятежъ противъ соціальнаго насилія. Высылка Пушкина изъ Петербурга была соединена съ ужасными оскорбленіями, доводившими его до мыслей о самоубійствѣ или убійствѣ, да и, помимо этого, самая ссылка была насиліемъ. Пять лѣтъ спустя, Пушкинъ заговоритъ о мести и назоветъ ее: „бурная мечта ожесточеннаго страданья". Но на первыхъ порахъ, на Кавказѣ и въ

Крыму, у него не только не вырывается ни одной ноты возмущенія, протеста, но, какъ мы видѣли, онъ игнорируетъ даже самый фактъ ссылки, и чтеніе Байрона въ этомъ отношеніи нимало не вліяетъ на него; по его стихамъ никто не догадался бы, что онъ—жертва грубаго произвола. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что вліяніе Байрона не внесло въ психику Пушкина ни одного новаго элемента; оно только помогло ему яснѣе осознать его собственное душевное состояніе, въ какомъ онъ былъ тотчасъ по пріѣздѣ на югъ.

Въ заключеніе привожу упомянутыя выше письма Н. Н. Раевскаго-отца къ Ек. Н. Раевской.

I

13-го іюня. Горячія воды.—Гдѣ ты, милая дочь моя Катенька? каково твое здоровье и сестры твоей Аленушки?—вотъ единственная мысль моя, которая и во снѣ меня не оставляетъ. Я никакихъ плановъ не дѣлаю, пока не получу отъ васъ извѣстія; послѣднее имѣлъ въ Кіевѣ отъ 6-го мая. Выѣхалъ я 19-го [1]), 21-го ночевалъ въ Смѣлѣ, отпустилъ сестеръ по утру въ Каменку, самъ же поѣхалъ въ Сунки для нѣкоторыхъ испытаній на винномъ заводѣ, и пріѣхалъ къ матушкѣ вечеромъ.

Изъ сего начала ты видишь, мой другъ, что я пишу родъ журнала, родъ, потому что для онаго недовольно подробно, а для письма слишкомъ обстоятельно и длинно.

О Каменкѣ тебѣ ни слова, все по прежнему—хуже быть не можетъ, развѣ новыя мерзости.

Я выѣхалъ изъ Болтышки [2]) послѣ ночлега, позавтракалъ у Аграфены Ивановны [3]) и пустился въ путь. Въ Елисаветградѣ остановился у Фундуклея, гдѣ нашелъ доктора Бетриха. Первый

---

[1]) Т.-е. изъ Кіева; это же число указываетъ и Рудыковскій („Русскій Вѣстн.“, 1841 г., ч. I).

[2]) Имѣніе Н. Н. Раевскаго, Кіевской губ.

[3]) Величковской.

жаловался, что люди мало пьютъ водки, второй—что мало больныхъ!

Изъ Елисаветграда ѣхалъ я нѣкоторое время Николаевской дорогой, потомъ повернулъ влѣво на Кременчугскую, не доѣзжая его, повернулъ вправо на Екатеринославль въ виду Днѣпра нагорнымъ берегомъ; мѣста прекрасныя, рѣка излучистая, во всей своей красотѣ. Въ Екатеринославль пріѣхалъ въ десятомъ часу ночи, къ губернатору Карагеоргію, который имѣлъ ударъ отъ паралича, но болѣзни своей не знаетъ. Екатеринославль на прекрасномъ мѣстѣ расположенъ вдоль Днѣпра. Городъ не обширный, улицы и дома чистые, и при каждомъ садъ, что составляетъ картину весьма пріятную. Съ горы, которую предположено застроить, въ хорошую погоду виденъ Павлоградъ въ 70-ти верстахъ разстоянія. На сей высотѣ заложена была церковь императрицей Екатериной, которой величиной мало въ Европѣ равняться могутъ,—она оставлена; тутъ валится дворецъ, въ которомъ жилъ князь Потемкинъ, при немъ прекраснѣйшій, но запущенный садъ, обширный, съ прекрасными деревьями, коимъ окружающія степи цѣну прибавляютъ! Великій князь Николай Павловичъ, смотря на дворецъ, повторилъ слышанныя слова: этотъ человѣкъ все начиналъ, ничего не кончалъ.—Потемкинъ заселилъ обширныя степи, распространилъ границу до Днѣстра, сотворилъ Екатеринославль, Херсонъ, Николаевъ, флотъ Чернаго моря, уничтожилъ опасное гнѣздо непріятельское внутри Россіи пріобрѣтеніемъ Крыма и Тавриды, а не докончилъ только круга жизни человѣческой, не достигнувъ границы, ей предназначенной, умеръ во всей силѣ ума и тѣла!

Въ Екатеринославлѣ переночевалъ, позавтракалъ и поѣхалъ по Маріупольской дорогѣ. Въ 70-ти верстахъ переправился черезъ Днѣпръ при деревнѣ Нейенбургъ,—нѣмецкая колонія въ цвѣтущемъ положеніи, уже болѣе 30-ти лѣтъ тутъ поселенная. Тутъ Днѣпръ только что перешелъ свои пороги, посреди его—каменные острова съ лѣсомъ, весьма возвышенные, берега также мѣстами лѣсные; словомъ, виды необыкновенно живописные, я мало видалъ въ моемъ путешествіи, кои бы могъ сравнить съ оными.

За рѣкой мы углубились въ степи, ровныя, одинакія, безъ всякой перемѣны и предмета, на которомъ бы могъ взоръ путешествующаго остановиться; земли способныя къ плодородію, но безводныя и посему мало заселенныя. Онѣ отличаются отъ тѣхъ, что мы съ тобой видали, множествомъ травы ковылемъ называемой, которую и скотъ пасущійся въ пищу не употребляетъ, какъ будто бы почитаетъ единственное ихъ украшеніе. Надобно признаться, что при восходѣ или захожденіи солнца, когда смотришь на траву противъ онаго, то представляется тебѣ чистаго серебра волнующееся море.

Близъ Маріуполя открыли глаза наши Азовское море. Маріуполь, какъ и Таганрогъ, не имѣетъ пристани, но суда пристаютъ по глубинѣ ближе къ берегу. 40 лѣтъ, какъ населенъ онъ одними греками, торгуютъ много хлѣбомъ, скотомъ, въ 120-ти верстахъ отъ Таганрога, окружены землями плодородными, а хлѣбъ, то-есть пшеница, и въ теперешнее дешевое время продается до 16-ти рублей. На первой почтѣ за Маріуполемъ встрѣтили мы жену Гаевскаго, которая дожидалась меня трое сутокъ и отправилась къ мужу; ей не дали лошадей, для меня приготовленныхъ. Она за то приготовила намъ завтракъ, мы поѣли, я написалъ съ нею вамъ письма, и поѣхали.

Въ Таганрогъ пріѣхалъ я утромъ. Городъ на хорошемъ мѣстѣ, строеньемъ бѣдный, много домовъ покрытыхъ соломой, но торговлей богатъ и обыкновенно вдвое приноситъ правительству противъ Одессы. Способовъ ей не даютъ, купцы разныхъ націй не имѣютъ общественнаго духа, отъ сего нѣтъ никакого общественнаго заведенія, пристани нѣтъ, а по мелководью суда до берега далеко не доходятъ, а при мнѣ сгружали и нагружали оныя на подмощенныхъ телѣгахъ, которыя лошади въ водѣ по горло подвозили къ судамъ.

Обѣдалъ я у градоначальника Папкова, ночевалъ и поутру рано отправился въ Р о с т о в ъ, что прежде было предмѣстьемъ крѣпости С в я т а г о Д и м и т р і я.

Крѣпость сія есть то мѣсто, гдѣ 37 лѣтъ тому назадъ жилъ я почти годъ съ матушкой по той причинѣ, что Левъ Денисо-

вичъ, командовавшій полкомъ, ходилъ на Кубань подъ командой Суворова, а чтобъ разсмѣшить тебя, мой другъ, напомню пѣсенку, мной сочиненную дѣвицѣ Пеленкиной и тебѣ извѣстную, въ которой я назвалъ ее Лизетой, потому что къ ея имени, т.-е. Алены, я риѳмы пріискать не могъ. Въ первый разъ ѣхавъ на Кавказъ при жизни ея мужа тому 25 лѣтъ, я у нихъ обѣдалъ, нынче, узнавъ, поѣхалъ къ ней, засталъ у нихъ гостей; одна дочь замужемъ, другая же, 17 лѣтъ, въ дѣвицахъ, и такъ хороша, какъ мало видалъ я хорошихъ. Я посидѣлъ, посмѣялись насчетъ ребяческихъ лѣтъ нашихъ и... разстались безъ слезъ, ни сожалѣнья..

За крѣпостью есть другой форштатъ, или городъ армянскій, Нахичевань называемый, пространный, многолюдный и торговлей весьма богатый. Образъ жизни, строенье, лица, одѣянья все оригинальное. Мы его проѣхали и прибыли на ночлегъ въ станицу Аксай на устьѣ рѣки Аксай, вверхъ по которой въ 35-ти верстахъ перенесена столица донскихъ казаковъ и названа Новымъ Черкасскомъ. Въ Аксаяхъ долженъ былъ я переправляться чрезъ Донъ; послалъ тотчасъ письмо съ казакомъ къ атаману Денисову, что буду назавтра къ нему обѣдать, и куда всей гурьбой на утро отправился. Новый Черкасскъ, заложенный Платовымъ,—городъ весьма обширный, регулярный, но еще мало населенный, на высокомъ степномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Аксай, которая теперь въ половодье разливами соединяется съ Дономъ, но различить ихъ весьма можно по разности цвѣта воды. Пообѣдавъ, выпросилъ шлюпку и поѣхали назадъ водой. Вообрази ты себѣ берегъ нагорный, съ разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами, и застроенный безпрерывными дачами на разстояніи сорока верстъ, въ степномъ уголку земнаго шара,—ты можешь легко представить чувства смотрящаго на сіи картины человѣка, коего сердце къ пріятнымъ чувствамъ открыто быть можетъ. Мои всѣ были въ восхищеніи, и я былъ бы также, когда бъ вы были со мной и здоровы! — На пути, спросивъ на дачѣ граф. Кат. Дмитр. Орловой, вдовы атамана, тещи Палена, и узнавъ, что съ часъ какъ пріѣхалъ со-

сѣдъ нашъ Орловъ Алексѣй Петровичъ, который теперь здѣсь на водахъ, мы вышли на берегъ, я съ нимъ повидался, потомъ сѣлъ въ шлюпку и пріѣхали уже ночью довольно поздно въ Аксай.

На другой день рано, отправивъ кареты на большомъ суднѣ на другой берегъ, до коего было 18 верстъ, сѣли опять въ шлюпку и поѣхали въ Старый Черкасскъ. Сей разжалованный городъ въ станицу еще болѣе обыкновеннаго залитъ водою. Въ немъ осталось домовъ до 700, въ томъ числѣ нѣсколько старыхъ фамилій чиновниковъ, какъ-то Ефремовыхъ и пр., другія-жъ перевезены въ Черкасскъ. Но церквей не перевезли и ихъ богатства, но не могли увезть памяти, что это первое было гнѣздо донскихъ казаковъ. Словомъ, Старый Черкасскъ останется вѣчно монументомъ какъ для русскихъ, такъ и для иностранныхъ путешественниковъ. Обойдя все, что тамъ есть достойнаго, отправились и мы на лѣвый берегъ Дона и приплыли въ Азію въ одно время съ нашими каретами.

Тутъ кончу, другъ мой Катенька, первое описаніе мое; продолженіе впредь, я усталъ писать, ты устанешь читать,—отдохнешь, опять примешься за чтеніе, а я за перо. Прощайте, милыя мои дочки, обнимаю васъ.

2.

Продолженіе.—Мы вышли на лѣвый берегъ Дона, сѣли въ кареты и пустились въ путь, 200 верстъ ѣхали землями, принадлежащими донскому войску, кои въ мое время, равно и 170 верстъ Кавказской губерніи до называемой Донской крѣпости, составляли степь безводную и необитаемую, и на всемъ семъ разстояніи кромѣ однѣхъ землянокъ ничего не было, нынѣ жъ нашелъ я большія селенья, колодцы, пруды и все необходимо нужное для жизни проѣзжающаго. На другой день пріѣхалъ въ Ставрополь, уѣздный городъ, на высокомъ и пріятномъ мѣстѣ и лучшемъ для здоровья жителей всей Кавказской губерніи. Въ немъ нашелъ я каменные казенные и купеческіе дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словомъ, преобра-

зованный край, въ который ѣдущаго ничего кромѣ отдаленности страшить не должно. Сильная гроза и дождь заставили меня остановиться ночевать за сорокъ верстъ отъ Георгіевска, куда я отправилъ кухню и на другой день пріѣхалъ на готовый обѣдъ въ домъ генерала Сталя, начальника Кавказской линіи. Тутъ я обѣдалъ, ходилъ по городу, но не нашелъ и слѣдовъ моего жилища и мѣста рожденія брата твоего Александра; запасся всѣмъ нужнымъ, переночевалъ и на другой день пріѣхалъ на Горячія воды въ нанятый для меня домъ.

Воды горячія истекаютъ изъ горы, называемой Мечукъ, надъ рѣкой Подкумкомъ лежащей; самый низкій ключъ, не менѣе 6 или 7 саженъ вышины, истекаетъ отъ подошвы небольшой долины, въ которой все селеніе расположено въ 2 улицы; я примѣтилъ до 60 домовъ, домиковъ и лачужекъ, и какъ сего недостаточно для пріѣзжающихъ, то нанимаютъ калмыцкія кибитки, палатки, и располагаются лагерями, гдѣ кому полюбится, и какъ будто поддѣлываются нестройной здѣсь природѣ. Ванны старыя, хотя стоятъ казнѣ довольно дорого, ни вида, ни выгодъ не имѣютъ, новыя жъ представляютъ и то, и другое, и возможную чистоту и опрятность. Видъ изъ оныхъ наипріятнѣйшій на Бештовую гору или П я т и г о р і ю, ибо по оной бывшее тутъ въ древности нѣкое княжество называлось. Я расположилъ мою жизнь слѣдующимъ образомъ: встаю въ 5 часовъ, иду купаться, возвратясь черезъ часъ, пью кофій, читаю, гуляю, обѣдаю въ 1-мъ часу, опять читаю, гуляю, купаюсь, въ 7-мъ пью чай, опять гуляемъ и ложимся спать. Сестры купаются по одному разу, а когда жарко—по два, въ водѣ кисло-сѣрной, теплотою какъ парное молоко, единственно для забавы, я—въ горячей, имѣющей выше 38-ми градусовъ, и часто прихожу заблаговременно пользоваться съ галлерей видомъ наипріятнѣйшимъ горъ и забавнымъ сего селенія и жителей, каррикатурныхъ экипажей, пестроты одѣяній; смѣсь калмыковъ, черкесъ, татаръ, здѣшнихъ казаковъ, здѣшнихъ жителей и пріѣзжихъ—все это подъ вечеръ движется, встрѣчается, расходится, сходится, и все до бездѣлицы съ галлерей новыхъ ваннъ глазамъ вашимъ открыто.

Мы ѣздили въ называемую неправильно шотландскую колонію, ибо ихъ только двѣ фамиліи, кои миссіонеры лондонкаго Библейскаго общества, остальные же разные нѣмцы. Ѣздили мы на благодѣтельный желѣзный горячій ключъ, въ Бештовой горѣ находящійся. При первомъ хорошемъ днѣ положено ѣхать на верхъ шпица Бештоваго, съ котораго верстъ на сто открывается во всѣ стороны. Въ первыхъ числахъ переселюсь на Желѣзныя воды, гдѣ, пробывъ двѣ недѣли, поѣду на Кислыя, и тамъ только рѣшительно могу сказать о пользѣ здѣшняго моего лѣченія, теперь же, кромѣ надежды, ничего имѣть положительнаго нельзя. Желѣзныя воды дѣлаютъ чудеса во всякомъ родѣ разслабленія, какъ и въ томъ случаѣ, въ какомъ и ты, мой другъ, находишься; я для тебя полную имѣю на нихъ надежду. Кислыя жъ, полагаю, и для Аленушки могутъ быть полезны, употребленіе жъ всѣхъ оныхъ испытавъ на себѣ, могу быть путеводителемъ. Возьму заблаговременно всѣ мѣры для пріятности жизни, и намъ, кромѣ пользы здоровья, вѣрно будетъ весело. Прощай, милая моя Катенька, хотя письмо адресую въ Кіевъ, но надѣюсь, что оно найдетъ васъ въ Крыму, куда явлюсь я въ половинѣ августа молодецъ молодцомъ.

3.

29-го іюня. Горячія воды.—Отъ матери вчерась получилъ письмо съ полковникомъ Преображенскимъ, отъ 24-го, по почтѣ жъ двѣ недѣли не имѣю объ васъ извѣстія и не вижу, чтобъ вы сбирались ѣхать въ Крымъ, посему все адресую письма въ Кіевъ. Самъ же я переѣзжаю чрезъ пять дней на Горячія желѣзныя воды на двѣ недѣли, оттоль на Кислыя также недѣли на двѣ, а оттоль въ Крымъ.

О себѣ, другъ мой Катенька, ничего еще сказать не могу рюматизмъ не чувствую, но это можетъ только въ здѣшнемъ климатѣ, а избавился ль ихъ, это покажетъ время... Жизнь наша та же, ѣздили мы на Бештовую высокую гору, ходимъ, спимъ, пьемъ, купаемся, играемъ въ карты, словомъ, кое-какъ убиваемъ

время. Нынче Петровъ день, вечеромъ будетъ маленькій фейерверкъ. Все это хорошо, когда ничего нѣтъ лучшаго. Прощай‘·
обнимаю тебя, мой другъ.

4.

6-е іюля. Желѣзныя воды бештовыя.—Вотъ четвертый день, какъ мы здѣсь, милая Катенька; купаемся, и я немного пью воду. Здѣсь мы въ лагерѣ, какъ цыгане, на половинѣ высокой горы. 10 калмыцкихъ кибитокъ, 30 солдатъ, 30 казаковъ, генералъ Марковъ, сенаторъ Волконскій, три гвардейскихъ офицера и нынче пріѣзжающій Карагеоргій составляютъ колонію. Мѣста такъ мало, что 100 шаговъ сдѣлать негдѣ—или лѣзть въ пропасть, или лѣзть на стѣну. Но картину передъ собою имѣю прекрасную, т.-е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которыя мы оставили. Купаюсь три раза, ѣмъ одинъ разъ играю въ бостонъ,—вотъ физическое упражненіе, а душою съ вами. Большое для меня будетъ удовольствіе узнать, что вы изъ Петербурга выѣхали. Я къ вамъ пишу всякую недѣлю, то-есть всякую почту, а вы не вздумали дѣлать то же. Я сердитъ. Прощай.

ПУШКИНЪ и ГР. Е. К. ВОРОНЦОВА.

I.

Обстоятельства, результатомъ которыхъ явилась высылка Пушкина изъ Одессы на родину въ іюлѣ 1824 года, остаются до сихъ поръ невыясненными. Въ этой исторіи несомнѣнно есть какое-то темное мѣсто. Факты, намъ извѣстные: оскорбительное отношеніе Воронцова къ Пушкину и взаимная антипатія между ними — объясняютъ не все. Есть достаточно основаній думать, что острая ненависть къ Пушкину, заставившая надменнаго и выдержаннаго „лорда" унизиться до жалкой мести человѣку, стоявшему такъ неизмѣримо ниже его по общественному положенію, была вызвана какимъ-то личнымъ столкновеніемъ между ними на интимной почвѣ. Эта увѣренность заставляетъ отвести данному эпизоду видное мѣсто не только во внѣшней біографіи Пушкина, но и въ исторіи его душевной жизни. Тѣмъ важнѣе разобраться въ обстоятельствахъ этого дѣла.

Въ Пушкинской литературѣ прочно установилось мнѣніе, что причиною высылки Пушкина изъ Одессы была ревность, возбужденная въ Воронцовѣ отношеніями поэта къ его женѣ, гр. Елиз. Ксавер. Воронцовой. Считается доказаннымъ, что Пушкинъ во вторую половину своего пребыванія въ Одессѣ, приблизительно съ конца 1823 года (т.-е. послѣ отъѣзда Ризничъ), полюбилъ Воронцову и пользовался ея взаимностью. Нѣкоторые біографы думаютъ даже, что чувство, внушенное Пушкину Воронцовой, и было той единой, сильнѣйшей любовью Пушкина,

которая, начиная съ одесскаго времени, не покидала его всю жизнь и которую онъ такъ тщательно скрывалъ. Насколько справедливы эти два утвержденія?

Прежде всего, они должны быть строго раздѣлены. Что въ жизни Пушкина была такая „вѣчная", таинственная любовь, это не подлежитъ сомнѣнію: она оставила много слѣдовъ въ его поэзіи. Но, какъ справедливо указалъ уже П. Е. Щеголевъ [1]), женщина, внушившая Пушкину эту любовь и, повидимому, отвѣчавшая ему взаимностью, рано умерла. Чрезъ все позднѣйшее творчество Пушкина, начиная съ 1825 года (отрывокъ: „Все въ жертву памяти твоей"), проходитъ рядъ пьесъ, вдохновленныхъ воспоминаніемъ объ умершей женщинѣ. Такова, кромѣ названнаго сейчасъ отрывка, въ особенности трилогія 1830 года: „Разставаніе", „Заклинаніе" и „Для береговъ отчизны дальной". Тайна, которою Пушкинъ окружалъ эту любовь, позволяетъ думать, что какъ-разъ имя этой женщины онъ скрылъ подъ буквами N. N. въ составленномъ имъ спискѣ женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Это, очевидно, была не Воронцова: Воронцова пережила поэта на много лѣтъ (она умерла только въ 1880 г.). Но въ томъ же спискѣ значится и Воронцова („Элиза"): доказательство, что Пушкинъ дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ.

Эта запись въ „донъ-жуанскомъ" спискѣ, да отмѣтка въ записной книгѣ Пушкина подъ 8 февр. 1824 г.: „soupé chez C. E. V." — вотъ и все, что мы знаемъ достовѣрнаго объ отношеніяхъ Пушкина къ гр. Воронцовой. Все остальное, что біографы умѣютъ разсказывать объ этихъ отношеніяхъ, — легенда и домыселъ. Этотъ фактъ необходимо установить, чтобы очистить поле изслѣдованія. Надо твердо помнить, что легенда эта не опирается ни на какія документальныя свѣдѣнія. Посмотримъ же, чего она стоитъ.

---

[1]) „Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина", „Вѣстн. Европы" 1904, янв.

Ея первоисточникомъ являются показанія двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ очевидцемъ событій, другой передаетъ слышанное имъ отъ современниковъ: это Вигель и гр. П. Капнистъ. Въ основномъ оба показанія сходятся. Оба свидѣтеля согласно показываютъ, что дѣло было такъ: жившій тогда въ Одессѣ Александръ Раевскій, другъ Пушкина и родственникъ Воронцовой, любилъ послѣднюю и пользовался нѣкоторой взаимностью; чтобы отвлечь вниманіе мужа и общества, онъ прикрылся Пушкинымъ; дѣйствительно, введенный имъ въ салонъ Воронцовой, поэтъ не замедлилъ влюбиться въ графиню, и вотъ на него-то и обрушилась мстительная ревность Воронцова. Показаніе Капниста очень лаконично; напротивъ, Вигель расцвѣтилъ свой разсказъ эффектными драматическими подробностями. Раевскій, говоритъ онъ, не довольствовался прямымъ успѣхомъ своей уловки: съ адскимъ злорадствомъ онъ еще разжигалъ страсть Пушкина, тѣшился его муками, игралъ роль его повѣреннаго и помощника въ отношеніяхъ къ Воронцовой. Словомъ, Раевскій является у Вигеля если не дьяволомъ, то, по крайней мѣрѣ, Яго. Надо замѣтить, что Вигель вообще страстно ненавидитъ этого Раевскаго, можетъ быть потому, что, благодаря „тайнымъ наговорамъ" Раевскаго, для Вигеля, по его собственнымъ словамъ, закрылась гостиная графини. Надо думать, что именно сплетни, которыя Вигель распространялъ объ отношеніяхъ Раевскаго къ графинѣ, и заслужили ему ненависть обоихъ.

Такова легенда. Біографы и издатели сочиненій Пушкина придаютъ ей полную вѣру. Мало того, они находятъ ей подтвержденіе въ поэтическомъ свидѣтельствѣ самого Пушкина — въ его стихотвореніи „Коварность" (1824 г.). Напомню основную часть этой пьесы:

Но если ты святую дружбу власть
Употреблялъ на злобное гоненье,
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ,
Но если самъ презрѣнной клеветы

Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И сонваго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ,—
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей:
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

Въ этихъ строкахъ, говорятъ намъ, Пушкинъ заклеймилъ коварное предательство Раевскаго. Итакъ, мы должны вѣрить, что Пушкинъ и самъ видѣлъ въ Раевскомъ своего Яго и поэтически разсчитался съ нимъ.

Все это сложное построеніе, т.-е. и Вигелевская легенда, и домыселъ комментаторовъ, разрушается неопровержимымъ фактомъ: отношенія между Пушкинымъ и А. Раевскимъ остались тѣсно дружескими и послѣ высылки поэта изъ Одессы, и оставались такими еще много лѣтъ спустя. Черезъ три недѣли послѣ высылки Пушкина въ Михайловское, Раевскій пишетъ ему теплое, задушевное письмо (оно дошло до насъ), полное дружескихъ ободреній, извѣстій объ одесскихъ знакомыхъ, простыхъ и искреннихъ увѣреній въ своей привязанности. Одного этого письма достаточно, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отвергнуть показаніе Вигеля и Капниста. Но, странное дѣло: всѣ знаютъ письмо Раевскаго, и тѣмъ не менѣе всѣ повторяютъ Вигелевскую легенду, безъ критики повторяютъ, и ищутъ ей подтвержденій, и потому что ищутъ — находятъ. Еще совсѣмъ недавно ее въ полной неприкосновенности и съ полной вѣрою повторилъ такой знатокъ Пушкина, какъ Н. О. Лернеръ, во второмъ томѣ Венгеровскаго „Пушкина“. Здѣсь, въ статьѣ: „Пушкинъ въ Одессѣ“ и въ обширномъ примѣчаніи къ стих. „Демонъ“, воспроизведенъ весь разсказъ Вигеля. Г. Лернеръ чуждъ всякихъ сомнѣній и въ своей слѣпой довѣрчивости игнорируетъ факты, которыхъ онъ не можетъ не знать. Такъ, онъ указываетъ на то, что Липранди, написавшій „Замѣчанія“ на мемуары Вигеля, не опровергаетъ свѣдѣній послѣдняго о причинахъ высылки Пушкина изъ Одессы, что́ онъ не преминулъ бы сдѣлать, если бы эти свѣдѣнія были ложны. Это со-

ображеніе было бы очень цѣннымъ, если бы оно не противорѣчило элементарной возможности: дѣло въ томъ, что Липранди писалъ свои замѣчанія на первое изданіе „Воспоминаній" Вигеля, въ которомъ весь эпизодъ высылки Пушкина былъ опущенъ; этотъ пропускъ былъ возстановленъ только во второмъ изданіи, вышедшемъ уже послѣ смерти гр. Воронцовой (въ 1891—93 гг.), такъ что Липранди просто не зналъ легенды, передаваемой Вигелемъ. Далѣе: г. Лернеръ утверждаетъ, что упомянутое выше письмо Раевскаго къ Пушкину отъ 21 августа 1824 г. — единственный слѣдъ ихъ переписки послѣ Одессы. Это невѣрно: 18 октября того же года кн. С. Волконскій переслалъ Пушкину другое письмо Раевскаго [1]), и мы въ правѣ думать, что этому второму письму предшествовалъ отвѣтъ Пушкина на первое письмо Раевскаго. Нечего говорить, что „Коварность" въ глазахъ г. Лернера „подтверждаетъ разсказъ Вигеля и Капниста", что Раевскій „былъ въ душѣ Пушкина осужденъ послѣднимъ приговоромъ", и „близости между ними съ тѣхъ поръ не было". Это все — уже домыселъ, естественно вытекающій изъ принятой на вѣру легенды.

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Мы уже знаемъ, что Раевскій, въ ближайшіе мѣсяцы послѣ одесской разлуки, по крайней мѣрѣ дважды писалъ Пушкину. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого они не встрѣчались, живя въ разныхъ мѣстахъ, но Пушкинъ сохранялъ самое теплое чувство къ Раевскому. Лѣтомъ 1825 года, отвѣчая на письмо Н. Н. Раевскаго, брата Александра, онъ въ первыхъ строкахъ письма спрашиваетъ: „Что дѣлаетъ вашъ братъ? Вы ничего не пишите мнѣ о чемъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лѣчится ли онъ?" Когда въ январѣ 1826 года до Пушкина въ Михайловское дошли первые слухи объ арестахъ, связанныхъ съ событіемъ 14 декабря, онъ второпяхъ написалъ Дельвигу письмо, содержавшее одинъ тревож-

---

[1]) Переписка Пушкина, изд. Акад. Наукъ, подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 138.

ный вопросъ: не случилось ли чего съ Раевскимъ. Вотъ это письмо, опрокидывающее всѣ догадки объ охлажденіи Пушкина къ Раевскому, о пріуроченіи къ послѣднему піесы „Коварность" и пр.; привожу его цѣликомъ. „Милый Баронъ! Вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было понапрасну — мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности — но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ. П." Такъ не пишутъ о человѣкѣ, нанесшемъ смертельную рану. И точно такъ же, если бы Пушкинъ таилъ горечь противъ Раевскаго, онъ не вспомнилъ бы въ „Путешествіи въ Арзрумъ"—безъ другой надобности, кромѣ прелести воспоминанія, — какъ онъ въ 1820 году сиживалъ съ Раевскимъ на берегахъ Подкумка. Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ, наѣзжая въ Москву, не разъ дружески встрѣчался съ Раевскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма къ женѣ.

Итакъ, преданіе о роли, которую будто бы сыгралъ А. Раевскій въ исторіи высылки Пушкина изъ Одессы, должно быть безусловно отвергнуто, не смотря на согласныя показанія Вигеля и Капниста. Это согласіе двухъ свидѣтелей можно объяснить тѣмъ, что Вигель выдумалъ сплетню и пустилъ ее въ ходъ (а потомъ воспроизвелъ въ своихъ запискахъ), Капнистъ же нашелъ ее уже готовою и укоренившеюся въ умахъ одесситовъ; пущенная Вигелемъ, она легко могла упрочиться, какъ въ силу своей эффектности, такъ и потому, что согласовалась съ общеизвѣстнымъ фактомъ любви Раевскаго къ Воронцовой.

Какъ бы то ни было, главная часть легенды падаетъ, и остается только ея зерно — именно утвержденіе, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Воронцову и тѣмъ навлекъ на себя ненависть ея мужа, слѣдствіемъ чего и была его высылка. Въ виду несомнѣннаго факта любви Пушкина къ Воронцовой, удостовѣряемаго присутствіемъ ея имени въ „донъ-жуанскомъ" спискѣ,

это утвержденіе по существу не можетъ быть оспариваемо. Оно правдоподобно, и если прямо ничѣмъ не подтверждается, то и не противорѣчитъ достовѣрнымъ фактамъ. Общій голосъ современниковъ объяснялъ враждебное чувство Воронцова къ Пушкину ревностью, и того же взгляда держался, повидимому, самъ Пушкинъ. И. И. Пущинъ, навѣстившій его въ Михайловскомъ въ январѣ 1825 года, такъ передаетъ разговоръ съ нимъ о причинахъ его высылки изъ Одессы: „Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы козням графа Воронцова *изъ ревности*; думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные частые его разговоры о религіи“ [1]). Подъ ревностью надо понимать, очевидно, ревность къ женѣ, — а то къ кому же?

Но вотъ какое обстоятельство ускользнуло отъ вниманія біографовъ. Годъ спустя послѣ своей высылки изъ Одессы, въ „Воображаемомъ разговорѣ съ имп. Александромъ“, Пушкинъ самъ—и не для чужихъ глазъ, а единственно для себя — изложилъ причины своей вражды съ Воронцовымъ. На вопросъ царя: „Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?“—Пушкинъ отвѣчаетъ характеристикой *Инзова*, представляющей опредѣленіе *отъ противнаго* тѣхъ свойствъ Воронцова, которыми и была, по убѣжденію Пушкина, вызвана эта вражда. И вотъ тутъ, отрицательно изображая Воронцова въ лицѣ Инзова, Пушкинъ, въ числѣ причинъ, почему онъ съ Инзовымъ *могъ* ужиться, называетъ и такую: „*Онъ* (т.-е. Инзовъ) *уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти, если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли*“. И важно то, что это соображеніе онъ ставитъ на одно изъ первыхъ мѣстъ (ему предшествуетъ одно, главное: „онъ (Инзовъ) не предпочитаетъ перваго англійскаго

1) „Записки И. И. Пущина“, С-Петерб. 1907, стр. 59. Курсивъ въ подлинникѣ.

щалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ“ [1]).

Это показаніе слишкомъ важно и слишкомъ конкретно, чтобы можно было имъ пренебречь. Здѣсь ясный намекъ на какую-то романтическую исторію, на соперничество въ любви — но къ кому? Вся фраза въ цѣломъ и слово „волочиться“ исключаютъ мысль о женѣ. Прямой смыслъ этихъ словъ указываетъ на какую-то другую женщину, ставшую яблокомъ раздора между Пушкинымъ и Воронцовымъ. Указывая ни это странное свидѣтельство Пушкина, я отнюдь не желаю обогащать его и безъ того легендарную біографію еще одной досужей выдумкой: я хочу только собрать воедино всѣ разрозненныя свѣдѣнія о причинахъ одесской исторіи. Построить изъ нихъ правдоподобную гипотезу мы не можемъ, и вопрѐсъ долженъ пока оставаться открытымъ.

II.

Пушкинъ несомнѣнно былъ влюбленъ въ Воронцову, но, повторяю, мы ничего не знаемъ объ этомъ, кромѣ простого факта. Имя Воронцовой фигурируетъ въ „донъ-жуанскомъ“ спискѣ — вотъ и все. Это еще ничего не говоритъ ни о продолжительности, ни о характерѣ этой любви. Въ этомъ спискѣ много именъ; рядомъ съ женщинами, которыхъ Пушкинъ любилъ глубоко и долго, здѣсь отмѣчены и героини его мимолетныхъ увлеченій, вѣроятно вовсе не увѣнчанныхъ взаимностью. Но біографы и здѣсь не отступились. Стремленіе „округлить“ эпизодъ, разработать голый фактъ въ полную романтическую исторію, породило цѣлый рядъ догадокъ, со временемъ превратившихся въ факты, о которыхъ болѣе не спорятъ. Въ 1825 году Пушкинъ въ Михайловскомъ написалъ стихотвореніе „Сожженное письмо“ („Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...“). А

---

[1]) Сравн. слова Пушкина въ письмѣ къ Казначееву (по поводу ссоры съ Воронцовымъ): „je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier (imbécile) galopin anglais...“

сестра Пушкина разсказывала Анненкову, что когда получалось изъ Одессы письмо съ печатью, носившей точно такіе же кабалистическіе знаки, какіе были на перстнѣ ея брата, Пушкинъ запирался у себя въ комнатѣ и никого не пускалъ къ себѣ. Этотъ перстень Пушкину подарила Воронцова; отсюда заключили, что письма изъ Одессы были отъ Воронцовой. Это повторяютъ всѣ біографы до П. Е. Щеголева включительно [1]), и въ любомъ изданіи сочиненій Пушкина можно найти указаніе, что стихотвореніе „Сожженное письмо" относится къ Воронцовой, а въ монументальномъ Венгеровскомъ изданіи эта пьеса, для большей ясности, даже сопровождается портретомъ Воронцовой. Нужна весьма малая острота ума, чтобы понять нелѣпость этой басни. Есть ли малѣйшая вѣроятность, что гр. Воронцова имѣла два одинаковыхъ перстня съ древне-еврейской надписью „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна", или что прежде чѣмъ подарить перстень Пушкину, она заказала себѣ дубликатъ? Правда, въ стихотвореніи упоминается перстень:

> Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
> Растопленный сургучъ кипитъ...

Но въ тѣ времена всѣ запечатывали письма сургучной печатью и множество людей—именно печатью, вырѣзанной на перстнѣ, какъ это сплошь и рядомъ можно видѣть на письмахъ 20-хъ—30-хъ годовъ. Но такова сила традиціи, что даже покойный Ефремовъ, самъ же въ примѣчаніяхъ указывающій на невѣроятность существованія двухъ одинаковыхъ перстней, — въ текстѣ сочиненій Пушкина, подъ заглавіемъ: „Сожженное письмо", печатаетъ въ скобкахъ: „Гр. Е. К. Воронцовой" [2]).

До какихъ натяжекъ доходитъ изобрѣтательность біографовъ — показываетъ слѣдующій курьезъ. Въ черновой тетради Пушкина, на той же страницѣ, гдѣ набросаны 32-я и 33-я строфы третьей главы „Онѣгина", записано его рукою: „5 сент. 1824,

[1]) См. указ. статью, стр. 311—312.

[2]) Изданіе 1903—5 гг., т. II, стр. 9; т. VIII. стр. 266.

u. l. de“, т.-е. une lettre de... И вотъ новое подтвержденіе того, что Пушкинъ въ Михайловскомъ получалъ письма отъ Воронцовой! Такъ разсуждаетъ еще и г. Щеголевъ въ упомянутой выше статьѣ. Почему „письмо отъ...“ означаетъ письмо именно отъ Воронцовой, это остается тайной вѣры. Въ рукописи [1]) за предлогомъ de слѣдовала одна прописная французская буква, потомъ нѣсколько разъ зачеркнутая. Возможно, что Пушкинъ отмѣтилъ здѣсь полученіе того письма А. Раевскаго, о которомъ мы выше говорили; это письмо, писанное въ Александріи близъ Бѣлой Церкви 21 августа, должно было получиться въ Михайловскомъ какъ-разъ около 5 сентября; кстати, и зачеркнутая въ тетради буква иниціала очень похожа на R.

Чтобы покончить съ легендой, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ объ этомъ самомъ письмѣ Раевскаго. Оно содержитъ въ себѣ одно мѣсто, справедливо привлекающее вниманіе всѣхъ изслѣдователей. Сообщивъ Пушкину нѣкоторыя одесскія новости, Раевскій продолжаетъ [2]): „Отлагаю до другого письма удовольствіе разсказать тебѣ дѣянія нашихъ прекрасныхъ землячекъ; теперь же поговорю о Татьянѣ. Она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ; пишу съ ея вѣдома и согласія. Тихая и добрая душа ея сознаетъ лишь несправедливость, которая тяготѣетъ надъ тобою, и она выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру Татьяны. Даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто мнѣ говоритъ о „полоумномъ Пушкинѣ“ и о трости съ собачьимъ рыльцемъ, что ты ей подарилъ. Я каждый день поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты для нея написалъ“.

Полагаютъ, что подъ „Татьяною“ (конечно, съ намекомъ на „Онѣгинскую“ Татьяну) Раевскій разумѣетъ здѣсь гр. Воронцову. Дѣйствительно въ пользу этого предположенія говоритъ многое: и тонъ, въ которомъ Раевскій пишетъ эти строки (видно,

[1]) Рукопись Моск. Румянц. музея, № 2370, листъ 11 об.

[2]) Подлинникъ—по-французски. Цитирую по переводу въ „Русск. Арх.“, 1881, I.

что онъ считаетъ разговоръ о „Татьянѣ" особенно интереснымъ для Пушкина), и характеръ ея отзыва о несправедливости, постигшей Пушкина, и упоминаніе о ребенкѣ: у Воронцовыхъ, дѣйствительно, была тогда 4-лѣтняя дочка,—и, наконецъ, то, что письмо писано изъ Александріи, имѣнія матери Воронцовой, гдѣ послѣдняя часто гостила. Все это — вѣскіе доводы. Правда, Вигель опредѣленно говоритъ, что Воронцовы въ половинѣ іюня увезли свою выздоравливавшую послѣ тяжелой болѣзни дѣвочку въ Крымъ [1]; но возможно, что графиня прожила въ Крыму не все лѣто, и къ 21 августа уже была въ Кіевской губерніи, у матери.

Если это такъ, т.-е. если Раевскій пишетъ Пушкину дѣйствительно о Воронцовой, то эти строки письма являются лишнимъ аргументомъ противъ Вигелевской легенды: онѣ всѣмъ содержаніемъ противорѣчатъ этой легендѣ,—это ясно съ перваго взгляда, и здѣсь даже не требуется подробнаго анализа. Укажу только на одно обстоятельство. Изъ словъ Раевскаго явствуетъ, что Воронцова (назовемъ такъ „Татьяну" письма) узнала о высылкѣ Пушкина только post factum, т.-е. что въ моментъ высылки (конецъ іюля) ея не было въ Одессѣ; это совпадаетъ и съ сообщеніемъ Вигеля объ ея отъѣздѣ въ Крымъ въ половинѣ іюня. Но въ такомъ случаѣ— какъ могла она сговориться съ Пушкинымъ о перепискѣ, разъ она, уѣзжая изъ Одессы, еще вовсе и не знала, что больше не застанетъ его въ Одессѣ?

Итакъ, безусловно отвергая легенду, я считаю возможнымъ— исключительно на основаніи „донъ-жуанскаго" списка — утверждать только то, что Пушкинъ, долго ли, коротко ли, былъ влюбленъ въ гр. Воронцову. Существованіе какихъ-нибудь интимныхъ отношеній между ними приходится рѣшительно отвергнуть, хотя бы уже на томъ основаніи, что такія отношенія не могли бы ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ Раевскаго, безумно лю-

[1]) Воронцовъ (а значитъ и его семья) дѣйствительно были въ Крыму и 29 іюля, и еще 12 августа. См. Русск. Стар., 1887, январь, 246.

бившаго Воронцову и близкаго къ ней по родственному; результатомъ ихъ была бы неизбѣжно жестокая ненависть Раевскаго къ Пушкину, чего мы въ дѣйствительности не видимъ и тѣни. Эти соображенія заставляютъ отрицать всякую законность за пріуроченіемъ къ Воронцовой какихъ бы то ни было стихотвореній Пушкина, въ особенности тѣхъ, гдѣ есть намекъ на обоюдную страсть. Г. Щеголевъ относитъ къ Воронцовой четыре пьесы. Объ одной изъ нихъ—„Сожженное письмо"—мы уже говорили. Другое, „Ненастный день потухъ", написанное осенью, вѣроятно 1824 г., рисуетъ пейзажъ несомнѣнно не одесскій, а крымскій: ни одинъ человѣкъ, видавшій одесское взморье, не усомнится въ этомъ, ибо тамъ нѣтъ ни „горъ", ни „бреговъ, потопленныхъ шумящими волнами", и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуетъ эти строки:

Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами.

Остальныя двѣ пьесы, о которыхъ говоритъ г. Щеголевъ,— „Желаніе славы" и отрывокъ: „Все кончено". Въ обѣихъ рѣчь идетъ о раздѣленной любви, о ласкахъ („любовію и нѣгой упоенный", „въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни"), и потому, какъ сказано, онѣ не могутъ быть относимы къ Воронцовой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь новые матеріалы не дадутъ намъ на это права.

III.

Какъ извѣстно, четыре года спустя послѣ высылки Пушкина изъ Одессы, былъ высланъ оттуда, также по проискамъ Воронцова, А. Раевскій. Оба эти эпизода представляютъ совершенное сходство: здѣсь, какъ и тамъ, Воронцовъ изъ ревности устраняетъ ненавистнаго ему человѣка при помощи доноса, направленнаго въ Петербургъ. Это тожество мотивовъ и дѣйствій заслуживаетъ вниманія. О причинахъ высылки Пушкина мы знаемъ мало, исторію же высылки Раевскаго мы можемъ возстановить въ подробностяхъ, и это цѣнно для насъ,

если не въ смыслѣ раскрытія фактовъ, то въ другомъ, не менѣе важномъ отношеніи: она проливаетъ свѣтъ на психологію дѣйствующихъ лицъ Пушкинскаго эпизода, и какъ разъ въ области тѣхъ чувствованій и дѣйствій, которыя составляютъ содержаніе этого эпизода.

Наши свѣдѣнія о гр. Воронцовой скудны. Изъ приведеннаго выше письма А. Раевскаго къ Пушкину многіе заключаютъ, что Воронцова послужила Пушкину первообразомъ для Татьяны. Мы этого не думаемъ; теперь извѣстно, что конкретныя черты для облика Татьяны Пушкинъ взялъ изъ разныхъ лицъ и даже книгъ, а если можетъ быть рѣчь объ одной главной модели (на что, какъ извѣстно, намекаетъ самъ Пушкинъ), то ее, судя по намекамъ въ его письмахъ, надо искать среди женщинъ, которыхъ Пушкинъ зналъ въ Крыму. Замѣна имени Воронцовой именемъ Татьяны въ письмѣ Раевскаго представляетъ собою, конечно, отголосокъ его дружескихъ бесѣдъ съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Но и въ этомъ смыслѣ она, разумѣется, не случайна: очевидно, что въ характерѣ Воронцовой были какія-нибудь черты, сближавшія ее съ героиней „Онѣгина".

Я уже въ другомъ мѣстѣ [1]) цитировалъ слова Раевскаго о Воронцовой: „Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ—самый очаровательный, какой я знаю". Приведу теперь отрывокъ изъ другого его письма (неизданнаго), отъ 17 іюня 1822 года. Это письмо писано по-французски изъ Александріи, гдѣ въ то время у ея матери, гр. Браницкой, гостили и она, и онъ.

„Я изрядно скучаю, и, можетъ быть, впалъ бы въ уныніе, если бы не примѣръ графини Воронцовой; мужество, съ которымъ она переноситъ безсмысленность своего здѣшняго существованія, служитъ мнѣ укоромъ. Ровность ея свѣтлаго настроенія по-истинѣ удивительна: будучи такъ долго лишена удовольствій въ лучшіе годы своей жизни, она тѣмъ болѣе, казалось бы, должна жаждать всѣхъ тѣхъ благъ, которыми наслаждалась

---

[1]) „Исторія Молодой Россіи", Москва, 1908, стр. 44.

въ Парижѣ: между тѣмъ возобновленіе стараго, необыкновенно скучнаго образа жизни нимало не отразилось на расположеніи ея духа, и даже отсутствіе своего мужа (который недавно покинулъ ее на пять-шесть дней для объѣзда своихъ имѣній) она переноситъ съ той же ровностью нрава. Правда, она имѣетъ нѣкоторые внутренніе рессурсы, которыхъ у меня нѣтъ, напримѣръ, удовлетворенную гордость, чувство своей личной значительности. Если она сейчасъ не пользуется никакими утѣхами свѣта, она можетъ утѣшать себя мыслью, что онѣ доступны ей въ каждую минуту, когда она того пожелаетъ,—а это уже большое облегченіе". Воронцова была на три года старше Пушкина и замужемъ съ 1819 года [1]).

Раевскій издавна былъ близокъ и съ Воронцовой, и съ ея мужемъ, еще до ихъ супружества, и съ нимъ—раньше, нежели съ нею: онъ состоялъ адъютантомъ при Воронцовѣ во время Отечественной войны и особенно сблизился съ нимъ во время совмѣстной стоянки во Франціи. Съ нею онъ былъ въ родствѣ, мать Воронцовой, гр. Браницкая, приходилась ему двоюродной бабкою [2]), очень любила его, и въ началѣ 20-хъ годовъ онъ подолгу проживалъ у нея въ Александріи. Здѣсь и полюбилъ онъ молодую Воронцову, часто пріѣзжавшую къ матери. Когда, въ маѣ 1823 года, Воронцовъ былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, вслѣдъ за ними переѣхалъ въ Одессу и Раевскій. Его любовь къ графинѣ не была тайной для семьи, и вмѣстѣ съ его празднымъ, не-служебнымъ положеніемъ являлась для его отца, извѣстнаго по 12-му году генерала Н. Н. Раевскаго, предметомъ постоянныхъ страданій. Зналъ о ней, разумѣется, и Воронцовъ. Отношенія между ними начали постепенно портиться. Если вѣрить Вигелю, Воронцовъ уже весною 1824 года былъ сильно раздраженъ противъ Раевскаго. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно для начала 1826 г., когда Воронцовъ, сообщая

---

[1]) Щербининъ, „Біографія ген.-фельдм. кн. М. С. Воронцова", 1858 г., стр. 164.

[2]) См. „Архивъ Раевскихъ", п. ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, 1908, стр. 259.

Закревскому объ арестованіи А. Раевскаго въ связи съ дѣломъ 14-го декабря, писалъ: „Сожалѣю о немъ и еще болѣе объ отцѣ его; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее время я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что пересталъ почти съ нимъ говорить“ [1]). Но внѣшнія отношенія еше долго оставались корректными: послѣ своего освобожденія изъ-подъ ареста Раевскій, весною и лѣтомъ этого года, долго жилъ у Браницкой, гдѣ гостила въ то время и Воронцова съ дѣтьми и куда неоднократно пріѣзжалъ къ своей семьѣ и Воронцовъ [2]).

Отношенія обострились, повидимому, въ концѣ 1826 года. Въ нашемъ распоряженіи есть два неизданныхъ письма старика Раевскаго къ дочери, показывающія, что между Раевскими и Браницкою произошла какая-то размолвка, виновникомъ которой былъ А. Раевскій. 2-го января 1827 г. старикъ пишетъ изъ своей усадьбы Болтышки, Кіевской губ.: „Братъ Александръ пріѣхалъ наканунѣ меня. Вотъ что я въ немъ примѣтилъ. Онъ не спросилъ ни про васъ, ни про Машеньку [3]), онъ смущенъ и скученъ, однакожъ весьма охотно играетъ въ вистъ и тутъ бываетъ веселъ. Вы видите, друзья мои, что его болѣзнь не отчаянная. Откровеній никакихъ онъ еще не дѣлалъ. Ѣдетъ со мной въ Кіевъ и заѣзжаетъ къ графинѣ Браницкой. Графиня Браницкая приняла меня весьма ласково, разспрашивала про васъ, и никакого вида о происшедшемъ“. Двѣ недѣли спустя, 19-го января, онъ же пишетъ изъ Кіева: „Я здѣсь съ Алексашей на контрактахъ, были въ Бѣлой Церкви, онъ былъ принятъ какъ собака, но хотѣлъ оправдываться, она сказала: nous devons être étrangers. Я думаю, послѣ сего должно бъ все оставить, mais il y tient, il a une arrière-penseé, но я не хочу къ ней заѣзжать на обратномъ пути; мнѣ кажется, что она права, виновата только была предо мной въ своихъ болтаньяхъ моимъ дочерямъ на мой счетъ. Je est censé que je ne sais rien, et elle est bien extérieurement avec moi, спрашивала про жену и дочерей“.

---

[1]) „Сборн. И. Р. Истор. Общ.“, т. 73, стр. 506.

[2]) „Исторія Молодой Россіи“, стр. 60 и сл.

[3]) Т.-е. про сестру, М. Н. Волконскую.

Прошло, однако, еще болѣе года, прежде чѣмъ разрывъ принялъ внѣшнюю форму. Раздраженіе Воронцова, повидимому, росло, и отношенія между гр. Браницкой и семьей Раевскихъ все болѣе обострялись. Въ маѣ 1828 г. старикъ пишетъ сыну Николаю, что рѣшилъ окончательно порвать съ Браницкою и больше не бывать у нея; дальше онъ пишетъ, что сестры (т.-е. дочери его) были въ Одессѣ на нѣсколько дней, хотѣли не видѣться съ Воронцовой, но она до этого не допустила и онѣ видѣлись каждый день [1]). Два мѣсяца спустя все было кончено: разразился скандалъ, обошедшійся очень дорого самому Воронцову. Нижеслѣдующія письма ясно рисуютъ образъ дѣйствій послѣдняго и косвенно бросаютъ свѣтъ на исторію высылки Пушкина изъ Одессы.

27-го іюня старикъ сообщаетъ дочери: „На послѣдней почтѣ получилъ я письмо отъ В., въ которомъ весьма умѣренно описываетъ всѣ поступки его (т.-е. Александра Раевскаго) и послѣдній, по которому онъ былъ принужденъ препоручить обезпеченіе своего спокойствія полицеймейстеру, который былъ у него (т.-е. у А. Р.) и объявилъ ему о семъ. Ты можешь судить, каково мнѣ, я отвѣчалъ, что поступки сіи почесть должно человѣка въ горячкѣ и что онъ тамъ (т.-е. въ Одессѣ) находится ни по желанію, ни по согласію моему. Можетъ быть, его посадятъ въ сумасшедшій домъ при первомъ его сумасшедшемъ поступкѣ, котораго я ожидаю".

О какомъ поступкѣ Раевскаго писалъ Воронцовъ его отцу, мы въ точности не знаемъ. Современная сплетня гласила, что онъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, остановилъ на улицѣ карету графини, которая съ приморской дачи ѣхала къ императрицѣ, бывшей тогда въ Одессѣ, и наговорилъ ей дерзостей; въ семьѣ сохранилось преданіе, что онъ крикнулъ ей: „Soignez bien nos enfants" или „ma fille" [2]). Отвѣтъ Раевскаго полицеймейстеру (письменный) сохранился. „Вчерашняго числа вечеромъ,—писалъ Раев-

1) „Щукинскій Сборникъ", IV, стр. 296.

2) „Русск. Арх.", 1901, кн. 10, стр. 185, прим. П. И. Бартенева. «Русск. Стар.», 1885, ноябрь, стр. 402. Моя «Ист. М. Россіи», стр. 72—3.

скій [1]),—вы изволили пріѣхать, чтобъ прочитать мнѣ просьбу, вамъ поданную графомъ Воронцовымъ, въ которой, какъ частный человѣкъ, онъ требуетъ отъ васъ защиты за мнимыя мои дерзости противъ почтеннѣйшей его супруги; въ случаѣ продолженія оныхъ е. с. угрожаетъ мнѣ прибѣгнуть къ высшей власти. На сіе имѣю честь вамъ отвѣчать, что я ничего дерзкаго не могъ сказать ея сіятельству, и я не понимаю, что могло дать поводъ такой небылицѣ. Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что жъ касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны".

Для насъ, конечно, не представляетъ никакого интереса вопросъ, что произошло между Раевскимъ и графиней. Важно только то, что въ началѣ іюня Воронцовъ окончательно потерялъ самообладаніе: иначе нельзя объяснить его обращеніе къ помощи полицеймейстера.

И тутъ произошло странное стеченіе обстоятельствъ: три недѣли спустя, т.-е. ровно чрезъ столько времени, сколько нужно было для сношенія изъ Одессы съ Петербургомъ, въ Одессѣ получено было высочайшее повелѣніе о немедленной высылкѣ А. Раевскаго въ Полтаву за разговоры противъ правительства и военныхъ дѣйствій. Это былъ доносъ, и не могло быть сомнѣній, кѣмъ и для чего онъ былъ сдѣланъ. Повторилась въ точности исторія высылки Пушкина.

Воронцовъ, повидимому, чувствовалъ себя скверно и, желая обѣлить себя, написалъ старику Раевскому; вотъ это письмо: „Входя совершенно въ чувства, изъясняемыя въ благосклонномъ письмѣ в. пр., полученномъ мною вчерашняго числа, я бы никогда не коснулся болѣе до матеріи, которая ни вамъ, ни мнѣ не можетъ быть иначе, какъ непріятною, ежели бы послѣдствія поведенія Ал. Ник. здѣсь не принудили меня въ собственную мою защиту изъяснить

---

[1]) «Русск, Стар.», тамъ же.

вамъ то, что, конечно, чрезъ него иначе на мой счетъ вамъ донесено будетъ; и дѣлая сіе, я начинаю покорнѣйшей просьбой не отвѣчать мнѣ на письмо сіе, которое будетъ послѣднее.—Александръ Ник. высланъ отсель въ Полтаву по Высоч. Повелѣнію, полученному здѣсь кн. П. Мих. Волконскимъ; я не только не былъ ничѣмъ причиною сего, но о томъ, что касается до разговоровъ его здѣсь противъ правительства и насчетъ военныхъ дѣйствій, я сперва не зналъ и потомъ, услышавъ, не вѣрилъ до самаго того времени, пока участь его по другимъ о томъ донесеніямъ уже была рѣшена. Правда, что послѣ того я удостовѣрился въ справедливости сихъ донесеній; но никогда не писалъ и не буду писать въ подкрѣпленіе онымъ, ибо въ моемъ съ Ал. Н. положеніи сіе было бы совершенно невозможно".

Эти строки старикъ Раевскій сообщилъ дочери въ письмѣ своемъ отъ 10-го іюля. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ писалъ ей, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Александръ проѣхалъ по кременчугской дорогѣ; онъ думалъ, что сынъ ѣдетъ къ ней, въ Калужскую губернію. Теперь, узнавъ о высылкѣ сына, онъ пишетъ ей: „Я уже писалъ тебѣ, мой другъ Катенька, что Алексаша, по своей неблагоразумной страсти къ гр. В—ой, продолжаетъ дѣлать непростительныя дурачества, что сіе доставило мнѣ письмо о немъ отъ гр. В.; потомъ, услышавъ, что Ал. проѣхалъ чрезъ Елизаветградъ въ Полтаву, я счелъ, что онъ образумился и проѣхалъ къ тебѣ. Какъ вдругъ получаю іезуитское письмо отъ гр. В., при семъ прилагаемое, что онъ по Высоч. пов. отправленъ въ Полтаву. Между тѣмъ Машенька П. пишетъ къ Катенькѣ, сестрѣ ея, о происшествіи, въ которомъ увѣдомляетъ, что В. не обманулъ публику, что всѣ говорятъ, что это—его дѣйствіе, и между тѣмъ всѣ ругаютъ его и жену его. Изъ сего ты видишь, что, сдѣлавши мерзкій поступокъ, В. и себя и жену осрамилъ... Воронцову я не отвѣчаю. Пошлю нарочнаго въ Полтаву узнать о братѣ и, буде нужно, удержать его отъ какой-нибудь неосторожности противъ Воронцова. Извинительно нѣсколько въ его лѣта, будучи жертвою такой мерзкой клеветы, выйти изъ себя, когда я самъ чуть не написалъ Воронцову все, что онъ заслуживаетъ".

Приведя затѣмъ письмо Воронцова, помѣщенное выше, онъ прибавляетъ: „Ты знаешь, мой другъ, въ состояніи ли Алекс. говорить про правительство или осуждать военныя дѣйствія. Каково іезуитство Воронцова: онъ плакалъ, получивъ сіе извѣстіе, пишутъ мнѣ изъ Одессы".

Если бы тожество образа дѣйствій Воронцова въ обоихъ случаяхъ—при высылкѣ Раевскаго въ 1828 году и Пушкина въ 1824 — казалось еще недостаточно яснымъ, дальнѣйшія строки цитируемаго письма могутъ устранить послѣднее сомнѣніе. Здѣсь старикъ приводитъ текстъ письма, посланнаго имъ государю. Письмо это напечатано [1]); но въ подлинникѣ, которымъ я пользуюсь (т.-е. въ этой самой копіи, которую старикъ сообщаетъ дочери), оно содержитъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, заслуживающихъ нашего особеннаго вниманія. Старикъ пишетъ царю, что несчастная страсть его сына къ гр. Воронцовой вовлекла его въ неблагоразумные поступки, что онъ непростительно виноватъ передъ графинею, но если Воронцовъ желалъ удалить его, онъ могъ это сдѣлать благороднымъ способомъ, не прибѣгая къ клеветѣ. И вотъ тутъ въ рукописи было сначала написано такъ:

„Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, на средства онъ не разборчивъ, что уже доказалъ прежде" (подчеркнуто въ рукописи),—и сюда подъ строкою сдѣлана выноска: „Т.-е. Пушкина исторія", а дальше слѣдуетъ: „и можетъ по богатству подкупить доносчика", и т. д. [2]).

Эти строки—важный документъ. Раевскій чрезъ сына долженъ былъ въ подробностяхъ знать исторію высылки Пушкина изъ Одессы, и если онъ свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ былъ высланъ бла-

---

[1]) «Русская Старина», 1883, ноябрь, стр. 403.

[2]) Въ чистовой формѣ это мѣсто гласитъ такъ: «Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что̀ могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго; но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донесть и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову» („Русская Старина", тамъ же).

годаря низкой интригѣ (т.-е. ложному доносу) Воронцова, то этотъ фактъ можно считать установленнымъ.

Старикъ Раевскій потомъ имѣлъ случай убѣдиться въ лживости увѣреній, заключавшихся въ письмѣ къ нему Воронцова: никакого стороннягo доноса на Александра Раевскаго въ Петербургъ не поступало. Весною слѣдующаго, 1829 года, онъ ѣздилъ въ Петербургъ ходатайствовать за сына и по возвращеніи оттуда писалъ другому сыну, Николаю [1]): „Я ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ представить истину, и хотя былъ принятъ съ благоволеніемъ, но мнѣ сказано было, чтобъ я о семъ не говорилъ ни слова; между тѣмъ я уже былъ извѣщенъ, что не было ни слова государю, ни отъ него о мнимыхъ неприличныхъ разговорахъ, о коихъ я писалъ тебѣ, слѣдственно все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой“.

Воронцовъ, какъ уже сказано, дорого заплатилъ за свою побѣду. Самъ царь, повидимому, не повѣрилъ его доносу; это старикъ Раевскій справедливо заключилъ изъ легкости наказанія, которому подвергся Александръ (онъ былъ высланъ въ Полтаву „на жительство до разсмотрѣнія“ и безъ указанія о надзорѣ надъ нимъ). „Сіе самое снисхожденіе государя—писалъ старикъ (рукоп.)—доказываетъ, что онъ или сомнѣвается, или знаетъ истину; къ тому жъ она столь публична, что нельзя, чтобъ не дошло сіе до него... Изъ Одессы увѣдомляютъ меня, что императрица также не въ томъ видѣ принимаетъ сіе происшествіе. Будучи въ Одессѣ, гдѣ вся публика не имѣетъ ни малѣйшаго заблужденія насчетъ его, знаетъ Вор., императрица лично распознаетъ клевету, на брата взнесенную... Воронцовъ, говорятъ, въ умѣ потерянъ совершенно; правда, что поступки его—и подлые, и сумасшедшіе“.

Скандалъ, дѣйствительно, получился огромный. Въ петербургскомъ и московскомъ „свѣтѣ“ нѣкоторое время только и было разговоровъ, что объ этой исторіи. Переписка А. Я. Булгакова съ братомъ сохранила намъ отголоски этихъ толковъ. 1-го ок-

---

[1]) «Щукинскій Сборникъ», IV, 298; ср. «Русск. Арх.», 1908, IV, стр. 307—319.

тября 1828 г. Булгаковъ писалъ изъ Москвы: „Точно, что нѣтъ счастія совершеннаго на землѣ. Кажется, чего не достаетъ нашему милому Воронцову?.. Но ежели справедлива исторія, которую на ухо здѣсь разсказываютъ о поступкѣ глупомъ молодаго Раевскаго съ графинею, то не должно ли это отравить спокойствіе этого безцѣннаго человѣка? Даже по тому, какъ мнѣ Волковъ разсказывалъ, я ему доказалъ, что графиня совершенно невинна; но все очень непріятенъ эдакій эскландръ". Нѣсколько позднѣе, 7 декабря, онъ пишетъ: „Жена была вчера у Щербининой, которая сказывала Наташѣ, что Воронцовъ убитъ извѣстною тебѣ исторіею графини, что онъ все хранитъ въ себѣ для отца и для старухи Браницкой, но что счастіе его семейственное потеряно... Щ. говоритъ, что это пишетъ Нарышкина жена сюда» [1]).

Какъ отнесся къ этой исторіи Пушкинъ, мы не знаемъ: единственная строчка въ его письмахъ, гдѣ онъ (1 сентября 1828 г.) спрашиваетъ кн. Вяземскую, что она думаетъ „о происшествіяхъ въ Одессѣ", ничего не говоритъ.

[1]) «Русск. Арх.», 1901, кн. 10, стр. 185 и 207. См. также «Остаф. Арх.», Ш, 179.

ДРУГЪ ПУШКИНА НАЩОКИНЪ.

I.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, другъ Пушкина и пріятель Гоголя, заслуживаетъ вниманія не только по своей близости къ двумъ нашимъ великимъ писателямъ, но и по своеобразію и богатству его натуры, которыми и была обусловлена эта близость. Онъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что обоимъ названнымъ поэтамъ его личность послужила первообразомъ для поэтическихъ созданій.

Свѣдѣній о Нащокинѣ сохранилось немного: письма Пушкина къ нему, его письма къ Пушкину, большое письмо къ нему Гоголя, нѣсколько словъ, посвященныхъ ему П. И. Бартеневымъ въ „Русскомъ Архивѣ“, наконецъ, воспоминанія Куликова въ „Русской Старинѣ“, да случайныя свѣдѣнія, разсѣянныя въ обширной Пушкинской литературѣ,—вотъ и всѣ извѣстные до сихъ поръ матеріалы для его характеристики [1]) Біографія его такъ же проста, какъ была сложна и

---

[1]) См. также „Рус. Стар.“ 1880 г., іюль, стр. 615—616, разсказъ Нащокина о его увлеченіи спиритизмомъ въ 1854 г.: ему, между прочимъ, нерѣдко являлся духъ Пушкина и даже диктовалъ стихи. Также „Рус. Арх.“, 1884 г., № 6, стр. 352—353—письмо Н. къ Полторацкому, гдѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ у себя въ домѣ свелъ Пушкина съ полковникомъ Спичинскимъ, который и разсказалъ поэту о кражѣ Булгаринымъ (въ Ревелѣ, по разжаловании въ солдаты) шинели у его камердинера; этимъ разсказомъ воспользовался Пушкинъ въ программѣ „Настоящаго Выжигина“.—Барсуковъ, Жизнь М. П. Погодина, т. VII, стр. 310, письмо Н. къ Погодину о вещахъ, доставшихся ему послѣ смерти Пушкина (здѣсь и о пушкинской ассигнаціи).

разнообразна его жизнь. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, родился годомъ позднѣе Пушкина, и первоначальное воспитаніе получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ; выступивъ до окончанія курса, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ переселился въ Москву, гдѣ и прожилъ въ совершенной праздности лѣтъ 30, до смерти своей въ 1854 г.

Унаслѣдовавъ отъ матери изрядное богатство, онъ быстро спустилъ его въ кутежахъ, стяжавшихъ ему почетную извѣстность среди бонвивановъ обѣихъ столицъ, потомъ снова нѣсколько разъ попадали ему въ руки большія суммы въ видѣ неожиданныхъ наслѣдствъ или крупныхъ выигрышей, и все это опять проматывалось, проигрывалось и проѣдалось, такъ что подъ конецъ жизни отъ всѣхъ этихъ богатствъ не осталось и слѣда, и Нащокинъ умеръ почти въ нищетѣ. Изъ писемъ къ нему Пушкина извѣстно, что въ Москвѣ Нащокинъ обзавелся красавицей-цыганкой, Ольгой Андреевной, отъ которой у него былъ и сынъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она ему надоѣла, да къ тому же онъ влюбился въ хорошенькую Вѣру Александровну Нарскую; въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ изъ дому, оставивъ цыганкѣ весь свой домъ въ Москвѣ съ хорошей суммой денегъ, и въ подмосковной у пріятеля обвѣнчался съ Вѣрой Александровной, послѣ чего нѣкоторое время изъ осторожности прожилъ въ Тулѣ. Вѣра Александровна на много лѣтъ пережила мужа: она умерла только недавно (19 ноября 1900 г.), и еще въ 1898 году кѣмъ-то были напечатаны съ ея словъ довольно безсодержательныя воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ [1]).

---

[1]) „Новое Время“, 1898 г., №№ 8115, 8122 и 8129 (и здѣсь о пушкинскихъ вещахъ, присланныхъ Нащокину. Между прочимъ, она разсказываетъ, что серебряные часы, бывшіе на Пушкинѣ во время дуэли, Нащокинъ подарилъ Гоголю, а послѣ смерти послѣдняго передалъ, по просьбѣ студентовъ, въ Московскій университетъ. Гдѣ они?). Некрологъ В. А. Нащокиной — въ „Истор. Вѣстн.“, 1901 г., № 2.

Воспоминанія Куликова, не лишенныя живости, недурно характеризуютъ Нащокина въ его московскій періодъ, но, кажется, еще болѣе яркій портретъ его даютъ воспоминанія нѣкоего В. Т—на, помѣщенныя въ *Искрѣ* Курочкина за 1866 годъ, № 47, подъ заглавіемъ: „Московскіе оригиналы былыхъ временъ“ (замѣтки старожила). Изъ трехъ очерковъ В. Т—на одинъ посвященъ Нащокину, фамилія котораго не названа. Вотъ этотъ очеркъ.

Павелъ Воиновичъ.

Человѣку этому Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ своихъ „Мертвыхъ Душъ“. Но не одинъ Гоголь былъ близокъ съ Павломъ Воиновичемъ. Съ нимъ было близко все, что считалось въ двадцатыхъ годахъ лучшаго и замѣчательнаго въ литературномъ, художественномъ, артистическомъ и музыкальномъ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, часто выручалъ его изъ хлопотъ холостой жизни и словомъ, и дѣломъ, и только одна смерть поэта прекратила ихъ долголѣтнюю дружбу.

Живя въ Москвѣ, уже въ недостаточномъ положеніи, Павелъ Воиновичъ часто любилъ вспоминать, какъ втроемъ — онъ, П(летневъ) и кн. В(яземскій) раздѣлили между собою послѣднія деньги, нашедшіяся у Пушкина въ бумажникѣ послѣ кончины, съ клятвою хранить ихъ навсегда, въ знакъ памяти о постигшей ихъ утратѣ. То были три двадцати-пяти рублевыя ассигнаціи, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Оригинальный синодикъ этотъ сохранился у прочихъ, — не сохранился онъ только у Павла Воиновича.

— Какъ же это? По какому случаю?—спрашивали его, бывало, знакомые съ изумленіемъ.

„Обстоятельства — наши деспоты! — отвѣчалъ онъ на этотъ щекотливый для него вопросъ со вздохомъ. — Такія тяжелыя

дѣла подошли, что не только эту дружескую ассигнацію, собственную бы свою душу заложилъ. Совершенное безденежье, холодъ, голодъ, жена и дѣти чуть хлѣбомъ однимъ не питаются. Что было дѣлать? Не мебель же продавать? Думалъ, думалъ, и, какъ на зло, подвернулся мнѣ на глаза конвертъ, въ которомъ была у меня запечатана завѣтная ассигнація. Приказалъ подавать карету и велѣлъ ѣхать къ Павлу Петровичу, закладами и ростовщичествомъ онъ занимается. Заложу я этому скрягѣ, думалъ я, эту рѣдкость, авось рублей сто, по крайней мѣрѣ, дастъ. Не тутъ-то было! Объявляю ему всю для меня цѣнность бумажки, всю мою любовь къ ней, все уваженіе, — плечами только невѣжда пожимаетъ. „Да я, говоритъ, не только что-нибудь ей цѣнности дамъ, но и въ промѣнъ даже не возьму: можетъ быть, ее и сбыть нельзя. Эка вы на ней какую эпитафію написали! Поѣзжайте къ В., онъ до рѣдкостей охотникъ, недавно обезьяну себѣ купилъ; можетъ быть, онъ что-нибудь вамъ подъ эту ассигнацію и дастъ“. Что было дѣлать съ этимъ канальей! Однако же послушался его, поѣхалъ я къ В. Объявляю ему въ чемъ дѣло. „Позвольте посмотрѣть!“ спрашиваетъ. Подалъ я конвертъ. В. осмотрѣлъ ассигнацію внимательно на свѣтъ, языкомъ даже ее лизнулъ. „Нѣтъ, говоритъ, не фальшивая! Извольте, пожалуй, ухо на ухо помѣняемся; я вамъ за нее новенькую, съ молоточка дамъ“. Мнѣ только оставалось поблагодарить этого подлеца и вернуться домой. Тутъ меня самая печальная картина ждала: поваръ въ прихожей торчитъ за приказаніемъ, что въ тотъ день готовить.—Готовь, что хочешь. „Денегъ на провизію пожалуйте“.—Въ долгъ возьми. — „Не даютъ, слишкомъ много задолжали, говорятъ“. Пришлось разстаться окончательно съ моею драгоцѣнностью; поплакалъ передъ мраморнымъ бюстомъ Александра Сергѣевича, поцѣловалъ его и отдалъ ассигнацію на закупки къ обѣду, приказывая повару просить пообождать и сохранить нѣсколько дней. Со дня на день я ждалъ полученія денегъ, по векселю,—такъ маленькую суммишку, тысячъ въ тринадцать, но дождался, къ несчастью, только черезъ недѣлю. Послалъ выкупать... моей бумажки и слѣдъ простылъ. Глупый

купчина отдалъ ее, вмѣстѣ съ прочими деньгами, за свиныя туши и черкасскую говядину... Какъ на бѣду, это мое горе какъ разъ передъ Рождествомъ случилось. Поневолѣ вспомнишь про прежнюю петербургскую жизнь, когда у меня золото только куры не клевали...“

Петербургская молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наслѣдникъ громаднаго родового имѣнія, гвардейскій кавалерійскій офицеръ, принятый въ лучшемъ обществѣ, онъ удивлялъ многихъ и обстановкою своей холостой квартиры, и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались литераторы, художники, артисты и французскія актрисы, до которыхъ Павелъ Воиновичъ былъ очень падокъ. Деньги были ему ни почемъ. Умный, образованный, человѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ ихъ, желая покровительствовать художникамъ и артистамъ. Онъ любилъ жить и давалъ жить другимъ. Залы его были наполнены произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ и масляными красками, и акварелью было до тридцати; молодыми живописцами перерисованы были всѣ его кучера, прислуга, лошади и собаки. Эту коллекцію, совершенно ему ненужную, которую Павелъ Воиновичъ раздаривалъ первому встрѣчному, называлъ онъ „выставкою молодыхъ талантовъ“. Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза и останавливало чѣмъ-нибудь его вниманіе: мраморныя вазы, китайскія бездѣлушки, фарфоръ, бронзу,— что ни попало и сколько бы ни стоило; въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ея горничной шальную цѣну и обдѣлалъ въ серебряный футляръ, который вскорѣ подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Между замѣчательнѣйшими рѣдкостями, находившимися въ квартирѣ Павла Воиновича, былъ одинъ двухъэтажный стеклянный домикъ аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были заказаны имъ за границей, въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ.

На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество [1]).

Подобныя дорогія причуды, да, въ прибавокъ, карточная игра, въ которой Павелъ Воиновичъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, сильно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкою. Наконецъ, когда цыганка ли сама его оставила, или онъ поставилъ ее; на честное слово, на карту,— вскорѣ по смерти А. С. Пушкина, онъ переселился въ Москву [2]). Тутъ только начала видѣться ему оборотная, не радужная сторона жизни. Но Павелъ Воиновичъ, ставшій втрое бѣднѣе прежняго, не унывалъ, и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, проигрывая и выигрывая, ни о чемъ не заботясь, памятуя утѣшительную русскую поговорку: „курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ“.

А насытиться Павлу Воиновичу, „какъ курочкѣ“, было трудно, потому что онъ не отвыкъ еще отъ прежнихъ своихъ привычекъ, и при первыхъ появившихся у него деньгахъ моталъ по-старому, задавалъ обѣды, покупалъ дорогіе уборы женѣ и раздавалъ взаймы деньги всякому, кто ни подвернется въ такую счастливую пору. Старая его экономка, жившая еще у него въ Петербургѣ, и также никогда не оставляемая въ такое время щедротами барина, бывало, частенько ворчала при видѣ такой добродушной расточительности. „Нашелъ кого ссужать! Развѣ на томъ свѣтѣ угольками ему отдадутъ. Ужъ подлинно у нашего старика-ду-

---

[1]) Опускаемъ слѣдующее здѣсь подробное описаніе домика. Объ этомъ домикѣ не разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ къ женѣ изъ Москвы (8 дек. 1831 г., 30 сент. 1832 г., 4 мая 1836 г.); ср. также его стихотвореніе «Новоселье». Домикъ цѣлъ и понынѣ: въ 1910—1911 гг. онъ выставлялся въ Петербургѣ и Москвѣ художникомъ С. А. Голяшкинымъ; см. впрочемъ статью г-жи А. Шипиловой «Нащокинскій домикъ», въ «Историч. Вѣстн.» 1911 іюль.

[2]) Это ошибка. Нащокинъ переселился въ Москву въ 20-хъ годахъ.

рака развѣ только кобель на привязи ничего не вымаклачитъ".

Но горбатаго исправитъ только могила, говоритъ пословица. И Павелъ Воиновичъ продолжалъ играть, то привозя женѣ въ подарокъ шкатулку съ червонцами, то занимая у экономки подаренныя имъ же ей деньги; нѣсколько разъ, въ самыя критическія минуты, падали ему на долю то какое-нибудь незначительное наслѣдство въ сотню душъ, отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старинный долгъ по заемному письму, о которомъ самъ онъ давно переcталъ уже думать. Но всѣ эти неожиданныя пособія судьбы скоро исчезали. Павелъ Воиновичъ начиналъ вести снова непродолжительную роскошную жизнь и потомъ все болѣе и болѣе впадалъ въ недостатокъ и распродавалъ понемногу все, что было у него болѣе драгоцѣннаго: богатую коллекцію золотыхъ и серебряныхъ старинныхъ монетъ и медалей, дорогое собраніе разнаго оружія, свои вѣнскіе экипажи, послѣдніе женины экипажи и пр., и пр. На эти продажи онъ и продолжалъ существовать нѣсколько времени роскошно.

Во время своихъ житейскихъ невзгодъ онъ познакомился гдѣ-то случайно съ однимъ евреемъ, называвшимъ себя докторомъ, высланнымъ за городъ за разные обманы и мошенничества. Этотъ докторъ В. жилъ въ отдаленномъ захолустьѣ Сокольниковъ и привлекалъ къ себѣ богатыхъ москвичей увѣреніемъ, что онъ, занимаясь алхиміей, нашелъ средство дѣлать золото и при лунномъ свѣтѣ, помощію розы, сгущать его на ладони лѣвой руки въ настоящіе изумруды. Павелъ Воиновичъ былъ одинъ изъ самыхъ легковѣрныхъ добряковъ, еще вѣрующихъ въ людскую честность, и скоро очень коротко сошелся съ В., который, для начальныхъ необходимыхъ приготовленій къ разоблаченію таинствъ природы, обиралъ у него послѣднія крохи, но составленіе золота нисколько не подвигалось впередъ.

— Плохо!—признался наконецъ В.—Недостаетъ намъ одного только растенія, котораго не найдешь въ цѣлой Россіи.

— А какого же это?—спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Мандрагоры.

— Что это за мандрагора?

— Трава, которая пищитъ по зарямъ, какъ ребенокъ, когда вытаскиваешь ея корень.

— А гдѣ бы можно было ее достать?—спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Только въ Германіи, въ горахъ Гарца, на вершинѣ скалы, на которой вѣдьмы совершаютъ свой шабашъ.

— Что жъ!—произноситъ рѣшительно Павелъ Воиновичъ,—мы можемъ туда съѣздить. Въ скоромъ времени я долженъ получить тысячъ десять отъ князя Г. Онъ проигралъ ихъ мнѣ давно, на честное слово. Будемъ надѣяться.

Павелъ Воиновичъ точно получилъ, наконецъ, эти деньги и вѣроятно повезъ бы В. на Гарцъ; но В. уже въ то время не было въ Сокольникахъ. За разныя новыя мошенничества онъ сосланъ былъ на жительство въ Уфу [1]). Павелъ Воиновичъ пріунылъ. Полученныя деньги были истрачены, кредиту уже нигдѣ не было. Жилъ тогда въ Москвѣ полковникъ К., человѣкъ болѣе чѣмъ богатый, извѣстный франтъ и волокита до поѣздки за границу, и ставшій отъявленнымъ филантропомъ по возвращеніи въ Москву. Про него ходили по городу слухи, будто онъ, какъ Ч(аадаевъ), принялъ католицизмъ. К. по первому требованію вручалъ пять рублей ассигнаціями бѣднымъ оберъ-офицерамъ и десять рублей—штабъ-офицерамъ. Павелъ Воиновичъ не преминулъ воспользоваться такимъ благимъ настроеніемъ духа въ критическія свои минуты.

„Подай вспомоществованіе бѣдному штабъ-офицеру, Александръ Степановичъ“, говорилъ онъ серьезнымъ голосомъ.

И Павелъ Воиновичъ постоянно получалъ отъ К. этотъ пенсіонъ, когда приходила ему крайняя нужда, а эта нужда приходила очень часто. К. тоже былъ большой оригиналъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Воиновичъ

---

[1]) Объ этомъ мнимомъ докторѣ, очевидно, писалъ Пушкинъ Нащокину въ октябрѣ 1835 г.: „Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ нимъ. Это необходимо“.

опять получилъ довольно порядочное наслѣдство, принималъ къ себѣ перехожихъ каликъ, странниковъ, странницъ и разныхъ бродягъ, которые всегда что-нибудь у него крали".—

II.

По словамъ П. И. Бартенева [1]), Пушкинъ познакомился и подружился съ Нащокинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, навѣщая своего брата, который учился въ томъ же пансіонѣ Гауэншильда, гдѣ воспитывался нѣкоторое время и Нащокинъ. Съ отъѣздомъ Пушкина на югъ ихъ знакомство прервалось, но по возвращеніи Пушкина въ Москву въ 1826 году дружба между ними возобновилась и не ослабѣвала уже до смерти поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе 7—8 лѣтъ своей жизни Пушкинъ не имѣлъ друга болѣе близкаго, болѣе любимаго и преданнаго, чѣмъ Нащокинъ. Дружба эта носила совершенно братскій характеръ. Дошедшія до насъ 25 писемъ Пушкина къ Нащокину, равно какъ и письма послѣдняго къ поэту, дышатъ такой сердечной, почти нѣжной привязанностью и обнаруживаютъ такую простоту равноправныхъ отношеній, какія можно найти развѣ еще только въ дружбѣ Пушкина съ Дельвигомъ. Нащокинъ не только исполняетъ всевозможныя порученія поэта, часто весьма щекотливыя, не только выручаетъ его во всякую трудную минуту: Пушкинъ подробно извѣщаетъ его о своихъ семейныхъ, литературныхъ и денежныхъ дѣлахъ, о своихъ замыслахъ и заботахъ. Они братски дѣлятъ другъ съ другомъ тревогу и радость. „Когда бы намъ съ тобой увидаться!—пишетъ Пушкинъ въ концѣ 1834 г.—Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ!" И по пріѣздѣ въ Москву, въ маѣ 1836 г., поэтъ сообщаетъ женѣ: „Я остановился у Нащокина... Мы разумѣется другъ другу очень обрадо-

---

[1]) „Девятнадцатый вѣкъ", изд. П. Бартеневымъ. М., 1872 г., кн. I, стр. 383

вались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ". Пушкинъ принимаетъ горячее участіе въ дѣлѣ Нащокина съ Ольгой Андреевной, безпрестанно освѣдомляется о ходѣ этого дѣла; торопитъ его съ развязкой. „Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя, все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ (ростовщикъ) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки". „Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться, — пишетъ Пушкинъ о томъ же дѣлѣ въ другой разъ.—Vous êtes eminement un homme de passion — и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже, — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ (Гагаринъ) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону". Когда, наконецъ, бѣжавъ отъ своей цыганки, Нащокинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Пушкинъ съ сердечною радостью привѣтствуетъ перемѣну въ его судьбѣ, и еще черезъ полтора года, осенью 1835 г., пишетъ ему: „Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни". А Нащокинъ еще до этой развязки, въ январѣ 1833 года, кончалъ свое письмо къ Пушкину такими словами: „Прощай, воскресенье нравственнаго бытія моего!" Въ письмахъ своихъ къ женѣ изъ Москвы Пушкинъ постоянно отзывается о Нащокинѣ съ искренней любовью: „Онъ все тотъ же, очень милъ и уменъ"; „Нащокинъ милъ до чрезвычайности... Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью"; „Нащокинъ здѣсь одна моя отрада"; „Любитъ меня одинъ Нащокинъ", и т. п. Какъ искренно принималъ Пушкинъ къ сердцу дѣла друга, показываетъ запись, сдѣланная имъ въ записной книжкѣ подъ іюнемъ 1834 года: „19 числа послалъ 1000 Нащокину. — Слава

Богу! Слухи о смерти его сына ложны". У Нащокина была, кромѣ этого сына, еще дочь отъ цыганки—крестница Пушкина, а старшаго сына Пушкина крестилъ Нащокинъ, нарочно пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ. Извѣстно, что съ начала 30 годовъ Пушкинъ, пріѣзжая въ Москву, почти неизмѣнно останавливался у Нащокина.

Нащокинъ платилъ своему великому другу такою же сердечной привязанностью. „Ты не можешь вообразить, какъ много я вамъ преданъ", пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—и въ другой разъ: „Какъ я охотно къ тебѣ пишу, ты себѣ не можешь представить".Онъ называетъ Пушкина: „удивительный Александръ Сергѣевичъ", „мой славный Пушкинъ", и кончаетъ свои письма, напримѣръ, такъ: „Прощай еще разъ, утѣшитель мой, радость моя!" О Чаадаевѣ онъ пишетъ: „Тебя очень любитъ, но менѣе чѣмъ я", о другомъ общемъ знакомомъ — „онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица". Въ такомъ родѣ всѣ его письма; онъ живо радуется семейному счастью поэта, тревожится по поводу отсутствія писемъ, и т. п.

Пушкинъ любилъ въ Нащокинѣ не только веселаго товарища по карточной игрѣ и холостымъ похожденіямъ и не только преданнаго друга: онъ рано полюбилъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ, „своеобразный умъ Нащокина, его талантливую, широкую натуру и превосходное сердце". Письма поэта свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко онъ цѣнилъ благородство его характера. Когда въ 1831 г. Нащокинъ улаживалъ въ Москвѣ денежныя дѣла Пушкина съ Догановскимъ и Жемчужниковымъ, Пушкинъ писалъ ему по этому поводу: „Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности". Позднѣе, вскорѣ послѣ женитьбы Нащокина, Пушкинъ писалъ ему: „Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣнилась ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ

виновности дружбы передъ тобою". Не менѣе высоко цѣнилъ Пушкинъ, повидимому, умъ и тонкій вкусъ Нащокина. По словамъ Куликова [1]), Павелъ Воиновичъ много читалъ, хорошо зналъ французскую и русскую литературу, и при широкомъ врожденномъ умѣ, при своемъ знаніи жизни и страстной любви къ искусству, обладалъ замѣчательнымъ для его времени критическимъ чутьемъ. Куликовъ разсказываетъ, что въ то время, когда вся Россія увлекалась сочиненіями Марлинскаго, Нащокинъ хохоталъ надъ фантастическими персонажами и вычурнымъ изложеніемъ этого автора, а самъ зачитывался Бальзакомъ; точно такъ же онъ высмѣивалъ позднѣе знаменитыя три повѣсти Н. Ф. Павлова. Такимъ рисуютъ его и его письма къ Пушкину. Прочитавъ вышедшій въ 1831 году разборъ „Бориса Годунова" въ видѣ діалога между учителемъ и помѣщикомъ, онъ пишетъ поэту: „Очень хорошо, а кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоръ, сужденія нашихъ безмозглыхъ грамотѣевъ-семинаристовъ никакъ нельзя: это совершенный слѣпокъ съ натуры. Думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ, и если бы осталось мѣсто, я бы разсказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты, словомъ сказать, прекрасно: Вальтеръ-Скотъ совершенный" [2]). О повѣстяхъ Мухина онъ пишетъ: „Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень понравились, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ".

Естественно, что Пушкинъ дорожилъ отзывами Нащокина о своихъ произведеніяхъ, какъ сообщаетъ Куликовъ. Изъ писемъ мы знаемъ, что ему былъ посланъ первый экземпляръ повѣстей Бѣлкина. Несмотря на то, что Нащокинъ лично не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ литературѣ, Пушкинъ постоянно извѣщалъ его о своихъ литературныхъ занятіяхъ и планахъ и

---

[1]) „А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ", очерки и воспоминанія Н. И. Куликова, „Рус. Ст.", 1880 г. дек., 1881 г. авг.

[2]) „Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину", „Рус. Арх.", 1904 г. ноябрь.

говорилъ съ нимъ о литературныхъ дѣлахъ, какъ съ равнымъ. По поводу упомянутаго выше критическаго разговора о „Борисѣ Годуновѣ“ онъ пишетъ ему: „Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому же ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ“. По выходѣ перваго номера Современника Нащокинъ, одобривъ его въ общемъ, совѣтуетъ Пушкину ввести въ немъ отдѣлъ объ искусствѣ, а въ маѣ того же 1836 года Пушкинъ пишетъ ему: „Второй номеръ Современника очень хорошъ и ты скажешь мнѣ за него спасибо“. Повидимому, именно Нащокинъ первый обратилъ вниманіе Пушкина на молодого Бѣлинскаго; по крайней мѣрѣ, чрезъ него Пушкинъ „тихонько отъ Наблюдателей“ переслалъ Бѣлинскому экземпляръ перваго № своего журнала, и Нащокинъ же, какъ видно изъ одного его письма, велъ переговоры о приглашеніи московскаго критика въ Современникъ.

Была въ Нащокинѣ черта, дѣлавшая его особенно привлекательнымъ для Пушкина: онъ мастерски разсказывалъ, а богатый жизненный опытъ и тонкое знаніе людей доставляли ему, конечно, обильный матеріалъ для разсказовъ. Пушкинъ заслушивался этихъ Нащокинскихъ разсказовъ; описывая женѣ свое времяпровожденіе въ Москвѣ, онъ неоднократно отмѣчаетъ: „забалтываюсь съ Нащокинымъ“, или: „хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю „Mémoires de Diderot“. Собственная жизнь Нащокина, полная самыхъ неожиданныхъ превратностей и треволненій, представляла большой драматическій интересъ; у этой широкой и даровитой натуры все должно было выходить такъ колоритно, такъ полно стихійной удали и легкости, эта беззаботность среди тревогъ при ясномъ умѣ и тепломъ сердцѣ была до такой степени полна поэзіи, что Пушкинъ не могъ не быть очарованъ. Неудивительно, что онъ на-

стойчиво убѣждалъ Нащокина описать свою жизнь. Склонить къ этому Нащокина, при его неспособности и неохотѣ къ писанію, было нелегко; и вотъ, живя въ Москвѣ лѣто и осень 1830 г., Пушкинъ заставилъ его диктовать себѣ начало этихъ записокъ. Писаны онѣ, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ подъ диктовку: мы видѣли, какъ плохъ слогъ Нащокина въ письмахъ, да и самъ по себѣ слогъ записокъ отличается всѣми признаками Пушкинской прозы, и притомъ вполнѣ обработанъ. Повидимому, уѣзжая, Пушкинъ взялъ слово съ Нащокина, что онъ будетъ продолжать записки, и осенью 1832 г. напоминалъ ему объ этомъ: „Что твои меморіи?—пишетъ онъ.—Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ поглядишь, и другой". Разумѣется меморіи остались ненаписанными. Даже по письмамъ Нащокина можно видѣть, что его повѣствованіе отличалось такой живой изобразительностью, какая встрѣчается не часто. Вотъ напримѣръ, какъ онъ передаетъ Пушкину свѣдѣнія о своемъ старшемъ братѣ, полученныя имъ изъ вторыхъ рукъ: „Вообрази его засаленнаго, въ табакѣ, съ впалыми щеками, съ синимъ лицомъ въ прыщахъ, съ ужаснѣйшей бородой, въ ежеминутномъ раздраженіи, трясеніи въ рукахъ, всѣхъ и всего боится, окруженъ дьяконами, дьячками, кабачными, отставными оберъ-офицерами; еще какой-то обрюзглый демидовскій студентъ съ нимъ пьетъ и имѣетъ на него большое вліяніе"; къ тому же онъ попалъ подъ слѣдствіе и долженъ изъ-за этого жить въ городѣ, а его жена „въ деревнѣ и утѣшается свободою — ходитъ гулять съ камердинеромъ бывшимъ князя Грузинскаго: щеголь, въ курткѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, весь въ бронзовыхъ цѣпяхъ и говоритъ басомъ. Дома же она прядетъ вмѣстѣ съ дѣвками, подъ пѣсню посидѣлки-дѣвки и проч., самъ-другъ съ кучеромъ Киріаномъ: молодой парень, грубіянъ, вершковъ 10. Вся дворня ахаютъ, говоритъ мнѣ Павелъ камердинеръ: Петрушка все еще ничего, а отъ Киріана житья нѣтъ никому. Вотъ главныя лица, владѣльцы той усадьбы, откуда мой отецъ чванно выѣзжалъ, гдѣ

онъ и похороненъ... Андрей Христофоровичъ былъ у него, видѣлъ его. Я этого не желаю, заочно содрогаюсь; у человѣка 80 т. чистаго дохода; не завидую, а жалѣю". Пушкинъ, еще только узнавъ о посылкѣ человѣка къ брату Нащокина, писалъ последнему: „Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное". Послѣднія слова показываютъ, что исторія эта интересовала Пушкина не только изъ участія къ дѣламъ Нащокина, но и сама по себѣ, своей яркой характеристичностью, совершенно такъ же, какъ по поводу дѣла съ цыганкой онъ нѣсколько позднѣе писалъ Нащокину: „Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ замѣчательномъ мѣстѣ". И получивъ цитированное сейчасъ письмо Нащокина, Пушкинъ отвѣчалъ ему: „Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо".

Существуетъ преданіе, что сюжетомъ для „Домика въ Коломнѣ" послужилъ Пушкину разсказъ Нащокина о томъ, какъ, будучи влюбленъ въ актрису Асенкову, онъ облекся въ женскій нарядъ и прожилъ у нея въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Достовѣрно извѣстно, что Нащокинымъ сообщена была поэту исторія бѣлорусскаго дворянина Островскаго, послужившая фабулой для „Дубровскаго". Но всего любопытнѣе предположеніе Анненкова о томъ, что именно съ Нащокина Пушкинъ намѣревался списать портретъ своего Пелымова [1]).

Догадка Анненкова представляется вполнѣ основательной. Какъ извѣстно, мысль и общую схему „Русскаго Пелама" Пушкинъ заимствовалъ изъ романа Бульвера „Пельгамъ или приключенія одного джентльмена", вышедшаго въ 1835 г.; въ этомъ же году были составлены Пушкинымъ четыре наброска программы и написано начало первой главы романа. Сколько можно судить по этимъ остаткамъ, Пушкинъ задумалъ изобразить въ своемъ романѣ русскаго богатаго и даровитаго юношу 20-хъ годовъ, надѣленнаго пылкими страстями и благородной душой, который сквозь безшабашный разгулъ, сквозь ошибки,

---

1) „П. В. Анненковъ и его друзья". Спб., 1892 г., стр. 462 и сл.

граничащія съ преступленіемъ, сквозь всѣ превратности бурной судьбы выноситъ незапятнаннымъ свое чистое сердце, неизвращеннымъ ясный умъ, свѣжимъ и чуткимъ свое чувство. Кипучая натура бросаетъ Пелымова изъ одного увлеченія въ другое, запутываетъ его въ чужія преступленія, низводитъ его на время въ міръ шулеровъ, аферистовъ и танцовщицъ, потомъ сближаетъ съ кружкомъ будущихъ декабристовъ, — и всюду онъ быстро осваивается, всюду сохраняетъ ясность мысли и благородство души; онъ точно завороженъ противъ грязи и лжи, и при всей мягкости и неустойчивости своего характера обнаруживаетъ удивительную нравственную стойкость. Мы видѣли, что таковъ былъ и Нащокинъ и что именно такимъ считалъ его Пушкинъ. Высказавъ упомянутое выше предположеніе о близкомъ сходствѣ Пелымова съ Нащокинымъ, Анненковъ, который долженъ былъ знать о Нащокинѣ больше нашего по многочисленнымъ устнымъ разсказамъ, говоритъ: „Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ похожденій, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновеній съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, другъ Пушкина, насколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходилъ къ типу „бывалаго человѣка“ Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и полнотѣ внутренняго содержанія. Зато онъ еще лучше отвѣчалъ намѣренію Пушкина олицетворить идею о человѣкѣ нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности, куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли такъ сберечь человѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастія, большею частью имъ самимъ и накликанными на себя“ [1]).

Искать въ программахъ и отрывкѣ „Русскаго Пелама“ прямые

---

[1]) Тамъ же, стр. 470.

намеки на конкретныя черты изъ біографіи Нащокина, конечно, дѣло рискованное. Изъ записокъ Нащокина мы знаемъ, что онъ, какъ и Пелымовъ, былъ „сынъ русскаго барина, воспитанъ французами", и что отецъ его, какъ и отецъ Пелымова, былъ „frivole въ русскомъ родѣ"; но то же самое можно было сказать о любомъ дворянскомъ сынкѣ 1810—20 годовъ. Однако, въ этихъ отрывкахъ есть черта, невольно наводящая мысль на сопоставленіе Пушкинскаго романа съ жизнью Нащокина. Сохранившееся начало первой главы „Пелама" обнаруживаетъ разительное сходство съ началомъ записокъ Нащокина, писанныхъ въ 1830 г. Пушкинымъ: въ обоихъ случаяхъ герой начинаетъ свою автобіографію по совершенно одинаковому плану, приблизительно такъ: „Я начинаю помнить себя (этими словами начинаются оба отрывка) съ ранняго возраста", затѣмъ слѣдуетъ одна (или двѣ) выхваченная живьемъ бытовая картинка, у каждаго другая, и затѣмъ опять почти буквально одинаково: „съ тѣхъ поръ мои воспоминанія становятся сбивчивы, и снова проясняются лишь около восьми или десятилѣтняго моего возраста". Близкое сходство этихъ двухъ отрывковъ невозможно отрицать.

III.

Авторъ очерка, помѣщеннаго въ „Искрѣ", говоритъ, что Гоголь посвятилъ Нащокину нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ"; проф. Алексѣй Н. Веселовскій высказалъ догадку, что П. В. Нащокинъ послужилъ прототипомъ Хлобуева во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" [1]). Внимательное изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Разумѣется, о портретномъ сходствѣ здѣсь, какъ и въ отношеніи Пушкинскаго романа, говорить не приходится: для обоихъ поэтовъ Нащокинъ служилъ лишь яркимъ представителемъ цѣлаго типа, соотвѣт-

[1]) А. Н. Веселовскій, „Этюды и характеристики", 2-е изд., Москва, 1903 г., стр. 584.

ственно чему и обликъ его подвергся у каждаго изъ нихъ требуемой обработкѣ.

Если Пелымовъ—Нащокинъ въ молодости, виверъ и картежникъ, то Хлобуевъ—Нащокинъ въ возрастѣ лѣтъ за сорокъ (кстати, и Хлобуеву 45 лѣтъ), Нащокинъ семейный, обѣднѣвшій и опустившійся. Гоголь, конечно, не разъ слышалъ о Нащокинѣ отъ Пушкина, да и самъ хорошо зналъ его. Въ 1842 г. ему пришла въ голову странная мысль выручить Нащокина изъ нужды путемъ опредѣленія его въ воспитатели къ сыну извѣстнаго откупщика Бенардаки; дѣло это, конечно, не состоялось,—по всей вѣроятности Нащокинъ отклонилъ предложеніе,—но по этому поводу Гоголь написалъ Нащокину обширное (6 печатныхъ страницъ) письмо, содержащее чрезвычайно подробную характеристику Павла Воиновича. Письмо это не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ о нравственной личности Нащокина, почерпнутымъ изъ воспоминаній Т-на и Куликова, изъ писемъ Пушкина и пр., но оно важно для насъ, какъ портретъ Нащокина, нарисованный будущимъ творцомъ Хлобуева.

По самому характеру письма [1]) въ немъ собраны премущественно положительныя черты Нащокина. Гоголь начинаетъ съ изложенія причинъ, побуждающихъ его хлопотать о Нащокинѣ. „Это не вслѣдствіе дружескихъ отношеній нашихъ, — пишетъ онъ, — не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе вашихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго, опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло“. Онъ уже давно размышляетъ объ участи Нащокина и о крайности его теперешняго положенія и, изыскивая средства ему помочь, пришелъ къ заключенію, что служба, казенное мѣсто, ему (какъ позднѣе Хлобуеву) не годится; теперь онъ остановился на мысли сблизить его съ Бенардаки, и уже говорилъ о немъ послѣднему. „Я ему разсказалъ все, ничего не скрывая, что вы промотали все свое имѣніе, что провели безразсчетно и

[1]) Письма Н. В. Гоголя, подъ ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 188—194.

шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсъ и игроковъ и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсти невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и съ тѣмъ вмѣстѣ самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ преимущественно передъ другими до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастье, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другого голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдались ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способенъ вдаться русскій, приведенный въ отчаяніе; что вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастья и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ“. Далѣе Гоголь приступаетъ къ обстоятельному исчисленію тѣхъ свойствъ Нащокина, которыя будто бы дѣлаютъ его идеальнымъ воспитателемъ. Онъ богатъ опытомъ и какъ немногіе изучилъ людей и свѣтъ, онъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ, онъ обладаетъ свѣтлой ровностью характера, свѣтлыми идеями и вѣрными понятіями, онъ вращался среди лучшихъ художниковъ и артистовъ и пріобрѣлъ познанія въ области искусства, наконецъ, ему свойственна „настоящая простота свѣтскаго обращенія, чуждая высокомѣрія и гордости или измѣнчивой неровности“. Единственный большой недостатокъ Нащокина Гоголь видитъ въ неподвижности, лѣни и трудности подняться на дѣло.

Таковы черты, которыя Гоголь считалъ присущими Нащокину. Если мы теперь обратимся къ Хлобуеву, то съ перваго взгляда увидимъ, что его нравственный обликъ до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ этой характеристикой. Общія черты его жизни и настоящаго положенія совершенно таковы же, какъ у Нащокина: кутежъ, игра и мотовство въ молодости, теперь почти нищета, молодая сравнительно семья, и старыя привычки роскоши и праздности среди крайней нужды; у

Хлобуева нѣтъ обѣда, а для гостей найдется шампанское, ему нечѣмъ засѣять поле, а завтра онъ даетъ обѣдъ „всѣмъ сословіямъ въ городѣ“ — совершенно такъ, какъ разсказываетъ Куликовъ о Нащокинѣ. Онъ глубоко религіозенъ, уменъ и наблюдателенъ, всегда готовъ помочь другому, чистъ и честенъ: ему больно за его крестьянъ, онъ не хочетъ искать службы между прочимъ потому, что и безъ него довольно чиновниковъ, чье жалованье ложится бременемъ на податную массу, и потому что не умѣетъ брать взятокъ; какъ и Нащокинъ, онъ имѣетъ вкусъ къ меценатству, къ собиранію художественныхъ коллекцій и т. д. Но въ Хлобуевѣ Гоголь, ради своей художественной или идейной цѣли, выдвинулъ на первый планъ какъ разъ тѣ черты, которыя въ Нащокинѣ казались ему отрицательными: неподвижность, лѣнь и трудность подняться на дѣло.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ изъ тѣхъ, которыя посвящены Хлобуеву, вамъ невольно покажется, что рѣчь идетъ попросту о Нащокинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Нащокину Гоголь говоритъ между прочимъ: „Уже одно множество происшествій, случившихся въ виду и на глазахъ вашихъ, исторіи разорившихся владѣльцевъ, множество нечаянныхъ случаевъ и событій, которые разсказываете вы такъ живо и увлекательно и съ такою вѣрностью, въ которыхъ такъ отражается нашъ современный русскій баринъ и человѣкъ, со всею своею оплошностію и недостатками, которыхъ виною всегда почти самъ, — одни эти живые разсказы могутъ подѣйствовать глубоко на душу“ и т. д. А вотъ каковъ Хлобуевъ въ хорошую минуту: „Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ уменъ и милъ (слова Пушкина о Нащокинѣ!); остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально

и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки — что они оба (т.-е. Чичиковъ и Платоновъ) были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка“ [1]). Развѣ это не Нащокинъ, котораго заслушивался Пушкинъ и какимъ зналъ его и Гоголь?

Или вотъ другая страница изъ характеристики Хлобуева, съ поразительною точностью воспроизводящая картину жизни Нащокина: „Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если бы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь неизвѣстный никому почти въ домѣ поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло [2]). Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью“; и дальше Гоголь разсказываетъ, что въ такія минуты почти всегда

---

[1]) Соч. подъ ред. Н. С. Тихонравова, изд. X, т. III, стр. 365.

[2]) Въ декабрѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы: „Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ: угла нѣтъ свободнаго“. См. также очеркъ въ „Искрѣ“.

приходила Хлобуеву откуда-нибудь неожиданная помощь: „или кто-нибудь изъ старыхъ друзей вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, или какая-нибудь великодушная барыня, тронутая слухами о его нуждѣ, выручала его изъ бѣды, или выигрывалось гдѣ-нибудь въ его пользу дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. И тогда Хлобуевъ служилъ благодарственный молебенъ и снова начиналъ свою безпутную жизнь". Все это, какъ мы видѣли,—подлинныя черты жизни и личности Нащокина.

Въ 1842 г. Гоголь полагалъ, что изъ Нащокина долженъ выйти образцовый воспитатель; позднѣе, когда писались для второго тома „Мертвыхъ Душъ" главы о Хлобуевѣ, онъ держался уже другого взгляда: устами Муразова онъ говоритъ Хлобуеву: „Какъ воспитать дѣтей тому, кто самъ себя не воспиталъ?" Приблизительно такъ долженъ былъ отвѣтить Нащокинъ на письмо Гоголя. Но дѣло, которое предлагаетъ Муразовъ Хлобуеву (собираніе денегъ на постройку храма), по существу своему въ мысли Гоголя тождественно съ тѣмъ, которое онъ самъ предлагалъ Нащокину, и въ томъ письмѣ онъ писалъ Нащокину почти то же, что Муразовъ говоритъ Хлобуеву: нельзя человѣку жить въ праздности; ты накопилъ много опыта, и долженъ употребить его въ дѣло; ты еще ни разу не наложилъ на себя подвига, который свидѣтельствовалъ бы о твоемъ самопожертвованіи и христіанской любви къ брату, не предпринялъ дѣла во имя Бога, внутренно угоднаго Богу,—теперь предстоитъ тебѣ такой подвигъ. И въ обоихъ случаяхъ, рядомъ съ религіозно-нравственной стороной, Гоголь выдвигаетъ и практическую: тамъ—воспитать богатаго юношу, отъ котораго, можетъ быть, будетъ зависѣть счастье многихъ; здѣсь—разузнать народную жизнь, чтобы потомъ это знаніе отдать на службу государству.

В. И. Шенрокъ въ третьемъ томѣ своихъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя", въ гл. 8, собралъ всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о живыхъ лицахъ, послужившихъ Гоголю какъ бы основами для типическихъ обобщеній. Въ ряду этихъ сопоставленій Нащокинъ-

Хлобуевъ долженъ занять первое мѣсто: здѣсь сходство и наиболѣе велико, и можетъ быть прослѣжено съ наибольшей подробностью. По своеобразному сочетанію своихъ характерныхъ чертъ П. В. Нащокинъ несомнѣнно представлялъ собою и вообщеи и особенно въ кругу лицъ, доступныхъ наблюденію Гоголя,—своего рода unicum, и та почти фотографическая точность, съ какою воспроизведены въ Хлобуевѣ его личность и матеріальная обстановка, кажется, не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ вѣрносты проведенной нами параллели.

Невольно напрашивается на мысль сравненіе Пушкинскаго Пелымова съ Гоголевскимъ Хлобуевымъ. Передъ нами рѣдкій въ исторіи литературы случай, когда два поэта воспроизводили одинъ и тотъ же живой образъ. Каждый изъ нихъ преслѣдовалъ при этомъ другую художественную цѣль, и каждый воспроизводилъ другія стороны живого первообраза.

Пушкина Нащокинъ интересуетъ явно своими чисто-художественными особенностями: живописной яркостью своей фигуры и жизни, гармонической игрой сравнительно крупныхъ душевныхъ силъ и своей бытовой типичностью. Пушкинъ прежде всего безкорыстно любуется Нащокинымъ, какъ роскошнымъ явленіемъ, а затѣмъ изучаетъ его, вдумывается въ механику этого явленія, ища въ ней дѣйствія нѣкоторыхъ общихъ психологическихъ и историческихъ законовъ. Невозможно отрицать, что и Гоголя привлекала живописность Нащокина; но сознательно онъ пренебрегаетъ этой стороной дѣла и спѣщитъ обратить яркій образъ, представлявшій для Пушкина драгоцѣнность поэтическую,—въ орудіе практической пользы, въ орудіе устроенія общества. Пушкина могъ очаровывать въ Нащокинѣ самый процессъ его бурныхъ переживаній, полный драматизма или типичности, —Гоголя эти переживанія отталкиваютъ своей грѣховностью или общественной зловредностью; онъ и не станетъ ихъ изображать ради нихъ самихъ. Но они интересуютъ его своимъ пророческимъ смысломъ и своими утилитарными результатами, и онъ обращаетъ Хлобуева частью въ пугало поскольку Хлобуевъ дурно жилъ, частью въ образецъ, поскольку

онъ, благодаря этой дурной жизни, сталъ опытенъ и нравственно закаленъ. Художественная безкорыстность Пушкина и идейный утилитаризмъ Гоголя—таковъ, на нашъ взглядъ, главный пунктъ различія въ отношеніи того и другого къ личности Нащокина; и этотъ выводъ, какъ легко понять, не лишенъ болѣе общаго значенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—Дальний край, ром. изд. 3-е (т. V). Печат.
— Земная печаль. Рассказы. (т. VI) изд. 2-е. Ц. 5 d
А. Кипен. Господская жизнь. (Расск. т. II). Печат. 2-е издк
— Бирючий остров (т. I). Ц. 5 р.
Ив. Касаткин. Лесная быль. Рассказы. Печат. 2-е изд.
В. Короленко. Слепой музыкант. Изд. 12-е. Ц. 3 р.
— Судный день. Ц. 1 р. 50 к.
— Без языка. Ц. 4 р. 50 к.
— В пустынных местах. Ц. 4 р. 50 к.
М. Коцюбинский. Тени забытых предков. Ц. 5 р.
Ѳ. Крюков. Очерки и рассказы. Ц. 5 р.
В. Львов-Рогачевский. Снова накануне. Ц. 5 р.
Николай Мешков. Стихотворения. Ц. 3 р.
Н. Никандров. Береговой ветер. Рассказы т. I, 2-е изд. Ц. 5 р.
— „Лес". Рассказы (т. II). Ц. 5 р.
П. Нилус. На берегу моря. Рассказы. Ц. 5 р.
Иван Новиков. Крест на могиле. Рассказы. Изд. 2-е.
С. Подъячев. За грибками, за ягодками. Рассказы. Ц. 3 р. 50 к.
А. Серафимович. Снежная пустыня. (Расск., т. I). Изд. 2-е Ц. 4 р.
— Лихорадка (т. II). Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.
— Живая тюрьма т. III. Ц. 3 р. 50 к.
— На реке. (Рассказы, т. IV). Ц. 2 р. 50 к.
— Со зверями. (Рассказы, т. V). Печатается 2-е изд.
— Город в степи. Ром. (т. VI). Ц. 4 р.
— Затерянные огни. (Рассказы, т. VII). Печат. 2-е изд.
— Сухое море. (Рассказы, т. VII). Печат. 2-е изд.
— Клубок (Рассказы, т. IX). 2-е изд. Ц. 5 р. 50 к.
— Галина. (Рассказы, т. X). Ц. 6 р.
Сергеев-Ценский Сочинения:
— Т. I. Тундра. Рассказы, изд. 4-е. Ц. 5 р.
— Т. II. Рассказы, изд. 3-е. Печатается.
— Т. III. Поручик Бабаев. Роман, изд. 3-е. Ц. 5 р.
— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 6 р.
— Т. V. Движения. Повесть. Печатается 2-е изд.
— Т. VI. Медвежонок. Пристав Дерябин. Недра и др. Изд. 2-ое. Ц. 5 р. 50 к.
— Т. VII. Наклонная Елена. 2-е изд. Ц. 5 р. 50 к.
И. Сургучев. Осенние скрипки. (Расск., т.III). Печатается. Изд. 3-е.
— Соседка. (Рассказы, т. I) изд. 2-ое. Ц. 5 р.
— Мельница. (Рассказы, т. IV). Ц. 5 р.
Рабиндранат Тагор. Гитанджали. Жертвенные песнопения. Перев. А. Пушешникова, под ред. Ив Бунина. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Садовник Ц. 1 р. 50 к

Цѣна 37 р.

Издание зарегистрировано, и цѣна утверждена Отдѣлом Печати М. С. Р. и К. Д.